

МИНАС БАГДЫКОВ

**МОИ ВОСПОМИНАНИЯ.
МЫСЛИ О ПРОЖИТОМ**

**Таганрог
2019 г.**

Минас Багдыков.

Мои воспоминания. Мысли о прожитом – Таганрог: изд-во «Веда», 2019, 224 с.

В книге воспоминаний Минаса Георгиевича Багдыкова описывается жизнь советских людей, ростовчан, в военные и послевоенные годы. Минас Георгиевич с любовью вспоминает своих друзей, учителей, которых чтит всю жизнь как самых дорогих и близких его сердцу людей. В этой связи весьма поучительны его воспоминания о студенческой жизни, о тех годах, когда он только начинал свой путь в медицину и в большую хирургию. Подобные мемуары необходимы для подрастающего поколения. В них отражена целая эпоха. Благодаря таким воспоминаниям мы можем лучше понять наших родителей, осознать, какими проблемами, мечтами жили они, какими идеалами руководствовались в своей жизни.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Недавно я решил убедить своего отца, заслуженного врача России, Минаса Георгиевича Багдыкова, написать воспоминания о Ростове в годы фашистской оккупации. Дело в том, что мой папа тогда был маленьким мальчиком, но эти две оккупации немцами Ростова и те зверства, которые они творили, он помнит хорошо. И вот он наконец написал свои детские впечатления о том времени. Когда я прочитал, то был потрясен, какие ужасы ему пришлось пережить ребенком.

Мне теперь стало хорошо понятно, почему мой папа до сих пор не может спокойно слышать немецкую речь. Она ассоциируется у него с врагами, с опасностью. И этот детский страх у него уже не пройдет никогда. Но мы должны сегодня сделать все, чтобы фашизм больше никогда и нигде не поднял голову. Поэтому, мне думается, детские воспоминания моего отца важны сейчас для подрастающего поколения.

Эти воспоминания, на мой взгляд, еще важны и потому, что в них Минас Георгиевич описывает жизнь советских людей, ростовчан, в послевоенные годы. Отец с любовью вспоминает своих учителей, которых чтит всю жизнь как самых дорогих и близких его сердцу людей. К своим друзьям-одноклассникам он всегда относился как к родственникам. Потому что совершенно справедливо всегда считал, что именно благодаря учителям и друзьям он и сформировался как личность и специалист. В этой связи, я считаю, весьма поучительны его воспоминания о студенческой жизни, о тех годах, когда он только начинал свой путь в медицину и в большую хирургию.

Убежден, что подобные мемуары необходимы для подрастающего поколения. В них отражена целая эпоха. Благодаря таким воспоминаниям мы можем лучше понять наших родителей, осознать, какими проблемами, мечтами жили они, какими идеалами руководствовались в своей жизни. А это очень важно. Потому что из этого и складывается преемственность поколений. А без этой преемственности невозможно думать о будущем.

Георгий БАГДЫКОВ

Выражаю большую благодарность моему сыну Георгию за то, что он убедил меня написать эту книгу. Особую благодарность хотел бы выразить любимой супруге Галине за моральную поддержку моих творческих начинаний.

М.Г. Багдыков

Глава I

ДЕТСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ВОЕННОМ ВРЕМЕНИ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

*Мне святы все твои скрижали,
Из них стереть бы не хотел
Я ни одной твоей печали,
Ни одного из громких дел.*

П.А. Вяземский. 1847 г.

Я родился в армянской семье 30 августа 1936 года, в городе Ростове-на-Дону, в Нахичевани, в родильном отделении Мариинской больницы. У моих родителей была своя комната в коммунальном флигеле, расположенном во дворе дома № 3 на 25-й линии. Рядом с родителями проживала семья бывшего гласного нахичеванской Думы Субашиева. Он первым пришел поздравить родителей с рождением сына. Посмотрев ребенка, сказал моему отцу: «Вот теперь вы, Георгий Минасович, будете знать цену жизни человека». Спустя год мой отец добился получения двухкомнатной, большой и светлой отдельной квартиры в доме, который был построен на площади Л. Толстого, № ½, Андриасом Когбетлиевым. Большое светлое окно выходило на площадь, четыре других на улицу. Стены дома были настолько широкими, что летом, в жаркий вечер, раскрыв окно, выходящее на площадь, мама стелила матрац на подоконник, и мы с ней наблюдали за тем, что происходило на площади и как гуляют и отдыхают люди на бульваре.

Утром, перед уходом на работу, мама обычно приводила меня и родившегося в 1937 году брата Костю к бабушке на 23-ю линию, 5, где в то время жила большая семья моего дяди. Этот дом в прошлом был отобран советской властью у прежнего хозяина, а все комнаты были розданы нуждающимся семьям, однако и дом, и двор еще сохраняли свою первозданную прелесть. Наша семья пользовалась значительной частью жилого поме-

Особняк Когбетлиева на площади Л. Толстого

*Минас Багдыков с сыновьями
возле дома на 23-й линии, 5*

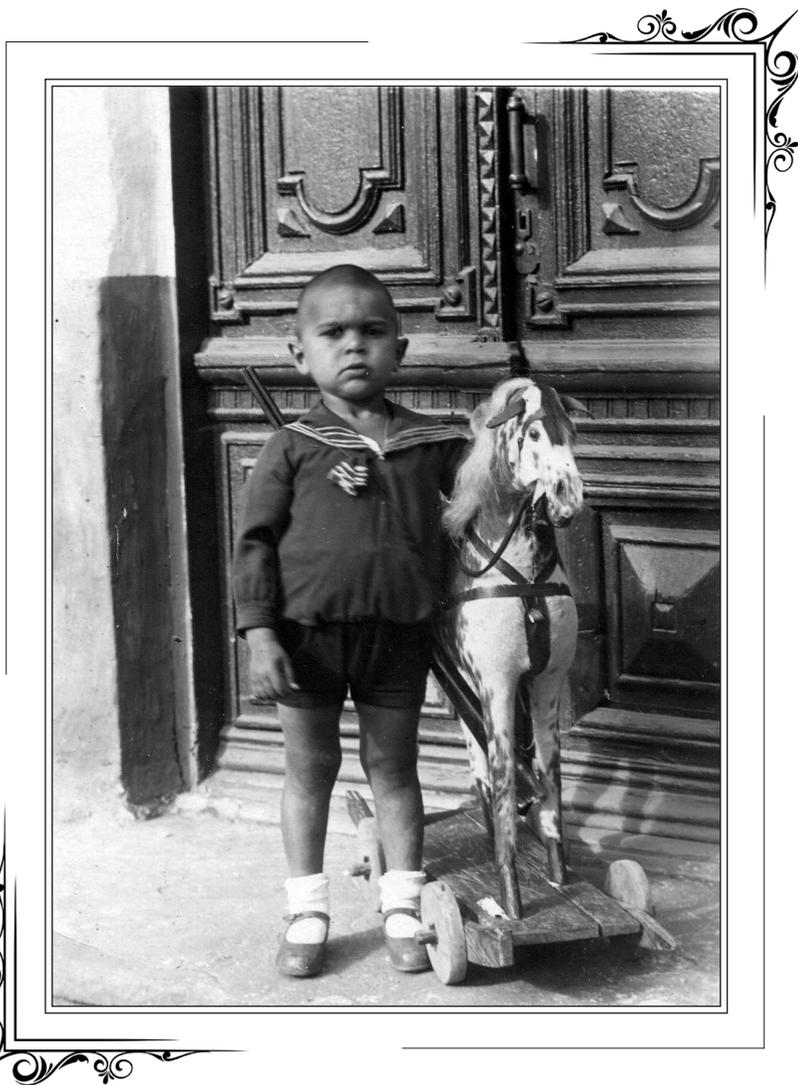

Дом на 23-й линии, 18

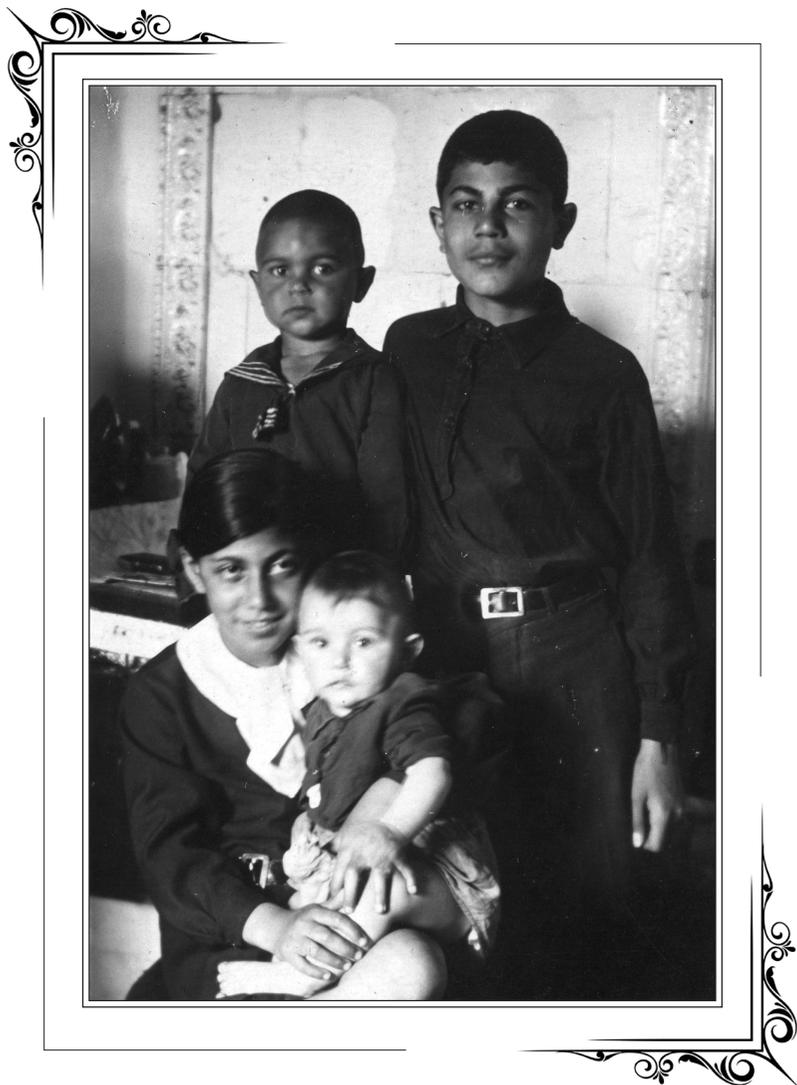
щения, частью великолепной веранды и отдельным подвалом. К кирпичному забору была пристроена летняя печь, которая сверху имела навес и была закрыта с боковых сторон. Заранее заготовленными дровами печь растапливалась в летнее время, и на ней приготавливалась пища на большую семью. Со временем сосед выложил рядом еще одну небольшую печь. Все это находилось в идеальном порядке. Дети, играя во дворе, старались не приближаться к этому хозяйству.

В тридцатые годы прошлого столетия на 23-й линии появились две семьи, ранее проживавшие в Польше. Так, в помещении старинной часовни, на углу 23-й линии, стала проживать семья Герлинских. Это были степенные, порядочные люди.

В дом № 5 на 23-й линии переехала многодетная семья Пшетицких и проживала в пристройке к основному дому во дворе – мать и три дочери. Старшая, Леля, была намного взрослее своих сестер, Розы и Нади. Младшие сестры были одногодками со мной и моим братом, мы дружили и в совместных играх проводили целые дни под бдительным надзором моей бабушки. В специально отведенном для нас месте мы строили домики из песка, лепили различные фигурки. Нас увлекало каждое утро наблюдение за низкими полетами У2 (аэропланов-«кукурузников»), идущих на посадку, их трасса проходила над нашим двором. Мы старались разглядеть летчиков, спорили, во что они были одеты, какой головной убор на них, в очках были или нет, а главное – смотрели ли в нашу сторону. Мы были в курсе многих событий, происходивших на улице и в нашем дворе. Так, на призывные звуки рожка «керосинщика» сбегались с емкостями для керосина наши соседи и жители других домов на нашей улице, созда-

Маленький Минас Багдыков с любимой лошадкой

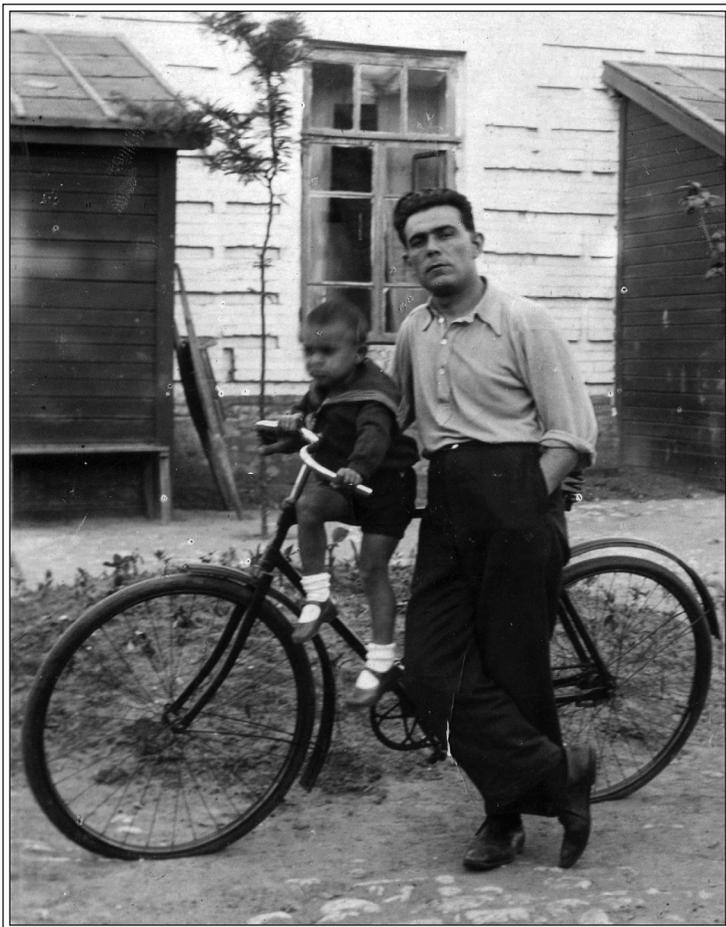

Маленький Минас с родными

*Семья Багдыковых. В центре в первом ряду посередине
маленький Минас Багдыков*

валась очередь позади бочки, и все волновались, обсуждали, хватит ли на каждого керосина в бочке. Частенько раздавался стук в калитку, приходил человек с точильной установкой за спиной, собирались соседки, приносили кухонные ножи, ножницы. Мы с восторгом смотрели на процесс заточки, сопровождающийся большим количеством искр, исходящих от точильных камней. Однажды пришел человек, на плече которого был большой рулон жести и металлическая тяже-

Маленький Минас на велосипеде с отцом Георгием Минасовичем

лая болванка. Он предложил заменить прохудившиеся днища в ведрах. Мы наблюдали за его ловкой работой. Бабушка заказала ему изготовить большую десятилитровую кастрюлю из пищевого листа железа. Мастер с большим мастерством и ловкостью выполнил ее заказ, особо указывая на прочность ручек.

По воскресеньям частенько приходил пожилой человек, неся шарманку за спиной, устанавливал ее на ножку, доставал из сумки клетку с попугаем и коробок с листиками. При медленном вращении ручки шарманка издавала приятные протяжные звуки песен, затем попугай вытягивал для нас билетик, в котором сообщалось о выпавшем счастье. Иногда во двор заходил человек, несущий на плече деревянную клетку, в которой были сложены стекла. Он предлагал вставить или укрепить стекла в рамах окон. А мы, дети, восторгались тем, как он ловко разрезал стекло алмазным стеклорезом.

Вскоре я стал посещать детский сад, располагавшийся на 28-й линии, во дворе бывшей Гоговской гимназии, в здании которой размещалась воинская часть. Детский сад находился в одноэтажном доме, принадлежавшем до революции прислуге. В народе его называли армянским, так как директор и значительная часть сотрудников были люди армянской национальности. Большинство детей были также из армянских семей, проживавших рядом с детским садом. Разговаривали с нами на русском и местном диалекте армянского языка. Пищу готовили по армянским рецептам. Еда была похожа на ту, что готовилась у детей дома. Когда в группу приводили новенького ребенка, а он капризничал, плакал, то утешали его на родном, ему понятном языке. Каждое утро мы с ребятами с большим интересом смотрели на построение солдат, их занятия

на гимнастических снарядах, всем ребятам хотелось быть военными.

Дружба, начавшаяся в детстве, продолжалась всю жизнь. Вернувшись из детского сада, я непременно бежал к своим друзьям, Розе и Наде, с рассказами о том, как мы провели день в детском саду. Старшая дочь наших соседей, Леля, заканчивала среднюю школу. Мать этих девочек Мария Моисеевна работала от зари до зари, порой и в воскресные дни, в пекарне на 27-й линии. Хлебобулочными изделиями наши подружки были всегда обеспечены. Отца их мы никогда не видели. Мои родители рассказывали, что эта семья приехала из Польши. Главу семьи арестовали вскоре после того, как они поселились в этой квартире. А спустя год был арестован и наш сосед А.Скуридин, осталась его молодая жена-инвалид, страдающая полиартритом. Говорили, что они приехали в Ростов из Петербурга и что он был белым офицером. В «красные» праздничные дни, 1 Мая, 7 ноября, он не шел как все на демонстрацию, а занимался хозяйственными делами, чистил одежду, выбивал, сушил ковры, колол дрова и с пользой для домашнего хозяйства проводил выходной день, помогая больной жене. Однако «бдительным» соседом это истолковывалось иначе... Имеющий всегда мрачный вид, внимательный ко всем и ко всему происходящему в округе, этот неприятный человек не зря получил на работе кличку «Могила». Он возглавлял отдел ГУЖ транспорта завода «Мыловар».

После окончания школы старшая сестра наших подружек Леля поступила на курсы медицинских сестер, вышла замуж за хорошего, красивого, стройного парня – немца по национальности, проживавшего с матерью недалеко от нашей улицы. После объявления войны муж

Лели был мобилизован, а она уже беременной вернулась к своей матери. Этой семье предлагали эвакуироваться, но Мария Моисеевна приняла решение остаться в Ростове, так как не могла взять с собой беременную дочь. Моей маме и бабушке Мария Моисеевна сообщила, что в паспорт она вписана как полька.

К Леле частенько приходили подруги, одна из них, ближайшая, была армянка по национальности, к нам, детворе, относилась очень внимательно, играла с нами. Уже будучи взрослым, мне приходилось, встречаясь с этой женщиной, вспоминать Марию Моисеевну и ее трагическую судьбу.

Когда началась Великая Отечественная война, все мужчины, проживавшие в нашем доме, были мобилизованы. Остались только женщины и дети, самой старшей оказалась моя бабушка. К ней обращались за советами, у нее брали соль, постное масло, картофель, муку.

К городу приближался фронт, усилились обстрел и бомбежки переправы наших войск через наплавной мост на 29-й линии.

По сигналу тревоги все переходили в подвал соседнего дома через лаз в заборе. Запах сырого подвала, непроветренного помещения, смешанный с запахом горящих коптилок или огарков свечей, остался у меня в памяти на всю жизнь. В это время особенно остро ощущалось единение всех, кто оказался в подвале, одна судьба на всех и общий вздох облегчения, что где-то рядом упала бомба или снаряд. Я практически мог отличить звук летящего немецкого самолета, груженного бомбами, от нашего самолета, звук летящего снаряда, который перелетал через нас и мог бы упасть где-то недалеко. Частое нахождение в бомбоубежище объединяло людей общими заботами, тревогой, бедой, желанием сохранить

Ростов-на-Дону в годы Великой Отечественной войны

детей, выжить, поделиться, по возможности, необходимым. Жители нашей улицы, пережившие бомбежку, обстрелы, стали как бы одной семьей, более внимательными друг к другу и в мирное время.

Наступила зловещая тишина... Наши войска отошли, оставив незащищенными жителей города. Пришло время безвластия. Утром, как обычно, мама меня с братом повела к бабушке на 23-ю линию, 5, через площадь Свободы. Увиденное оставило страшное впечатление: на трамвайной остановке, напротив театра, лежали два убитых бойца, одетые в форму чекистов, – это был последний отряд, прикрывавший наших бойцов, отступавших из города по 29-й линии. По всей площади валялись свернутые шинели бойцов, сумки с противогАЗами, винтовки, все то, что было надето на солдат, телеги с вооружением, гранатами, порохом в мешочках и каким-то скарбом, лошадей при телегах не было. На бульваре, под кронами липовых деревьев, стояли брошенные пушки, гаубица. Я старался схватить брошенное военное «богатство», незаметно сунуть в карман запал, мешочек с порохом и тут же получал по рукам от мамы.

Наши войска, оставляя город, взорвали элеватор, повредили баки с виноматериалами завода шампанских вин. Выйдя на улицу, наши мамы принесли весть о том, что в городе появились мародеры, теперь надо было крепче запереть ворота. Из окна квартиры бабушки мы видели, как озабоченного вида люди рыскали в поисках того, что плохо лежит и что можно взять себе. Мужчины, добравшись по 23-й линии вниз к заводу «Мыловар» и к винному складу завода шампанских вин, начинали пить вино, виноматериалы, пока не напивались до бесчувствия. На 29-й линии толпы людей бежали к мельнице за остатками подгоревшей пшеницы, везя за

собой тележки с пустыми мешками, корзинами. Спустя более часа эта толпа людей, груженная каким-то скарбом, взятым с завода, молча, мрачно поднималась по круто спускающейся вниз улице. Рассказывали, что в огромный чан с патокой упала молодая женщина: с двумя ведрами в руках, поскользнувшись, поехала вниз по настилу в жидкость и утонула. Многие жадно несли, тащили, везли домой все, что было не защищено: «не пропадать же добру».

Были и другие наблюдения. Бабушкина родственница работала в больнице сестрой-хозяйкой, на нее был записан весь мягкий инвентарь, она же раздавала заработную плату своим сослуживцам. Понимая, что происходит, она на домашней тележке перевезла к себе домой все простыни и одеяла, спрятала деньги сотрудников, которые не успела раздать. Это происходило в 1941 году, когда в течение двух недель гитлеровцы хозяйничали в городе, но 29 ноября 1941 года Ростов был освобожден от захватчиков. Вторая оккупация началась 21 ноября 1942 года, длилась в течение 205 дней, и в феврале 1943 года город был освобожден. От этих дней остался в памяти горожан ужас террора, массовых расстрелов, арестов, голода, холода, угона в рабство молодежи. В дни оккупации города, чтобы выжить, эта благородная женщина, родственница моей бабушки, продавала и обменивала свои вещи, а когда уже не было вещей для продажи, постепенно стала пухнуть от голода. В день освобождения города от захватчиков она пошла в горисполком и рассказала о том, что у нее хранится. Простыни и одеяла сдала по списку, ими потом накрывали постели для бойцов в госпитале, расположенном в школе № 13. Сумку с зарплатой своих сотрудников отдала под расписку. Удивительно, что эта благородная женщи-

на, погибая от голода, холода, не воспользовалась чужими, не принадлежащими ей вещами и деньгами. Родная сестра ее имела сына старше меня на несколько лет – Тиграна Ягубянца. Как-то на улице солдаты разгружали с машины картофель, четыре клубня откатились далеко от машины, мальчик поднял их, положил к себе за пазуху и, вернувшись домой, с радостью сообщил матери о своем приобретении. Мать была страшно рассержена и потребовала, чтобы он отнес их к машине и отдал солдатам. Сама пошла следом за сыном и наблюдала, как он отдает клубни. В их доме, как и у всех, с едой было плохо. Однако жизненная позиция этой семьи была такова – чужого не брать.

При второй оккупации фашистами города жители почувствовали на себе всю горечь и тяжесть бесправия. Пришел конец безвластию и вакханалии незначительной части горожан. С приходом в город немецких войск был установлен комендантский час, вывешены жесткие порядки, по которым следовало жить населению в оккупированном городе. Мародеров разгоняли немецкие солдаты, стреляя в них прямой наводкой. К заводу шампанских вин подъехала немецкая танкетка и выстрелила в бак с виноматериалом, который обильно потек по тротуару и дороге вниз. Занятно было смотреть, как охмелевшие мужчины, лежа на тротуаре, свесив голову с бордюра на дорогу, пили текущее вино.

Вторая оккупация города оставила ужасные воспоминания. Во всех районах города немецкое начальство назначило квартальных из числа местных жителей, желающих служить фашистам, которые за это получали от них по 250 граммов хлеба в день. Помню, как в калитку постучался «благородного» вида мужчина, как утверж-

Ростов-на-Дону во время оккупации в 1942 году

дала бабушка, заявив, что бургомистр назначил его быть у нас квартальным, и потребовал от каждой семьи сдать в положенное время по три пустых мешка – это был приказ нового руководства, хозяев города. Все было новым, необычно звучащим, вместо «товарищ» – «мадам» и «новые хозяева».

Однако для меня это было самое счастливое время: на улице свободно лежали брошенные винтовки, с которых можно было снять затвор, набрать полные карманы патронов, порох в шелковых мешочках, забрать гранату. Все это «богатство» я украдкой нес домой и складывал в собачьей будке. Моей радости не было предела, о моем богатстве знали только мои подружки Роза и Надя. Утром, проснувшись чуть свет, я побежал к месту, где хранилось мое богатство, но его там не оказалось. Это моя мама, обнаружив трофеи, немедленно выбросила всю эту гадость в уличный туалет. Со мной была проведена воспитательная беседа со слезами на глазах. И все же я продолжал набивать карманы своими «сокровищами», которые так же бдительно по ночам выбрасывались в туалет.

Как-то раз я не нашел во дворе своих подружек Розу и Надю, их не было дома. Во второй половине дня во двор въехала большая тачка со знакомым нам тачечником-армянином, который осенью обычно привозил нам мешки с картошкой. Тачку он поставил вплотную к порогу квартиры Марии Моисеевны. Спустя некоторое время из квартиры вынесли туго перевязанный платяной шкаф, водрузили его на тачку, прочно закрепили и медленно, осторожно тачечник выехал со двора. Помогавшие соседки и наша мама, о чем-то поговорив, грустно разошлись. Украдкой, втихомолку женщины обсуждали произошедшее: оказывается, в платяном

шкафу из квартиры была вывезена беременная Леля в дом к матери своего мужа. Как она доехала и какова ее судьба, нам было неизвестно. Мария Моисеевна часто уходила куда-то с полными авоськами, корзинками своих пожитков.

Однажды ранним утром в калитку громко, тревожно постучали. Мама открыла. Оттолкнув ее, во двор стремительно вбежали мужчина и женщина с криком: «Где квартира жидов?» Вид непрошенных посетителей был безобразный. Мужчина небольшого роста, коренастый, казалось, что он не имел шеи, с большой облысевшей головой, мясистыми щеками, длинными руками, толстыми короткими пальцами, на которых не было видно ногтей. Женщина также была низкого роста, полная, пробежками останавливалась и мерзко выкрикивала: «Где живут жида?!» На порог вышла Мария Моисеевна, бледная, взволнованная, с паспортом в руке. Она объяснила, что она полька, а не еврейка. Однако, ознакомившись с записью в паспорте, эти люди не унимались и требовали освободить квартиру, утверждая, что она ей больше не нужна. Женщины-соседки стали защищать Марию Моисеевну, подтверждая, что она полька и вся семья приехала из Польши, но те не унимались и сказали, что они приедут и привезут свои вещи. Вскоре Мария Моисеевна, повесив замок на входную дверь, с пожитками в руках ушла. На следующий день она вновь возвратилась за каким-то скарбом, а спустя час в калитку стали стучать. В окно мама увидела этих типов, которые требовали открыть ворота, прибежала к Марии Моисеевне, заперла дверь снаружи на замок, а вошедшим объяснила, что ключа от ворот у нее нет и что Мария Моисеевна скоро сама придет и откроет им свою квартиру. Разъяренные муж и жена с криками, что

они наведут здесь порядок, вместе с жандармами выбежали со двора. Мама открыла дверь Марии Моисеевны и привела ее в нашу квартиру. Вскоре эти мерзавцы вернулись вместе с полицейским, взломали замок, вошли в квартиру, перенесли свои вещи. К вечеру они утихомирились, и, когда на улице никого не было, мама открыла дверь парадной, выходявшей прямо на улицу, и проводила Марию Моисеевну до угла.

На следующий день раздался оглушительный стук в калитку. Отворив ее, мама увидела этих мерзавцев, новых соседей, в сопровождении двух полицейских русского происхождения с повязками на рукаве. Они с криками «Где эта жидовка с детьми, почему она не в жандармерии?!» направились к квартире Марии Моисеевны. Оказывается, семья этих негодяев состояла из трех человек, у них была еще дочь лет семнадцати. По квартире ходил «хозяин» в трусах с голым торсом и босыми ногами, громко отдавая своей семье приказы, где и что расставлять в комнатах. В доме воцарилась злоеющая тишина, во дворе никого не было. Вскоре эти новые жильцы вынесли небольшой столик во двор, стали выпивать, есть сало и, хмелея, кричать: «Долой жидов и советскую власть!» Пьяная их радость продолжалась до утра.

Утром следующего дня настало время, когда моей бабушке надо было готовить обед. Как обычно, спустившись в подвал, она наколола заготовленные дрова, подняла вязанку наверх и положила у печи. Собрав необходимый инвентарь, подошла к печке, однако дрова ее уже полыхали в печи и незваная хозяйка мостилась готовить себе еду. Бабушка ей спокойно сказала, что это ее хозяйство, тем более заранее приготовленные поленья, и что она прощает ей эту выходку на этот раз.

Полились откровенная брань и угрозы. С каждым днем обстановка накалялась, росло противостояние.

Спустя неделю в окно постучалась Мария Моисеевна и попросила открыть ей калитку. Мама вышла на улицу и стала умолять ее не заходить во двор, так как в ее квартире живут омерзительные люди. Мария Моисеевна спокойно ответила маме, что она никого не боится и что неоднократно показывала свой паспорт представителям власти. Мужественно вошла во двор и направилась в свою квартиру, из которой вскоре стали раздаваться крики, брань. Мария Моисеевна вышла со своими вещами, предупреждая захватчиков об их незаконном действии, а они втроем выбежали с криками и шли за ней до ворот, подталкивая к выходу на улицу.

Новые жильцы не находили сочувствующих среди соседей, портились отношения с бабушкой и мамой. Неожиданно эти гадкие люди с гневом переключились на мою маму и вслух стали высказывать сомнения в отношении ее национальности. Действительно она была белокожей с веснушками на лице, светлая шатенка с рыжеватым отливом вьющихся волос. И они заявили бабушке, что ее невестка еврейка и им в этом следует разобраться. Вскоре, в первой половине дня, соседи пришли вместе с полицейскими и потребовали от мамы предоставить свой паспорт, в котором значилось, что она армянка. Не унимаясь, они потребовали нас к ответу, поставили меня и брата к забору и стянули с нас трусы. Успокоившись, вошли к себе в квартиру вместе с русскими полицейскими и стали громко петь, пить, угощая их.

Спустя неделю в окно у парадной двери раздался стук – это была Мария Моисеевна. Мама открыла парадную дверь и впустила ее. Голова у Марии Моисеевны была покрыта и правый глаз перевязан так, что не

был виден ее нос. Внешне она очень изменилась, похудела, резко обозначились морщины на лице. Повязка на голове, закрывавшая правый глаз, практически не смогла скрыть основные черты ее лица и большой нос с горбинкой. Тихим голосом она попросила маму взять из ее квартиры мясорубку и небольшую картину, висевшую на стене, написанную маслом на стекле. Мама, как могла, объяснила ей, что эти люди гадкие, на все способные, и не следует их трогать. «А как мне быть? Ведь я должна обеспечивать детей едой в семьях, где они пристроены!» – печально ответила Мария Моисеевна. Мама пошла на переговоры с этими людьми. Из квартиры раздавались брань, крики, угрозы, но мама вышла с теми пожитками, о которых просила Мария Моисеевна, громко на весь двор говоря этим мордам, так их стали называть соседи, что Мария Моисеевна больше их не потревожит и как только завтра она зайдет за вещами, мама ее обязательно об этом попросит. К вечеру Мария Моисеевна ушла, выйдя через парадный вход на улицу. На другой день с утра вся семья из трех человек стала ожидать ее прихода на улице, присев на скамеечках.

В то время руководил городом Ростовом немецкий генерал Тикерпу. Военным комиссаром был генерал-майор Киттель. Первый приказ под их росписью гласил: «Сдать оружие, сдать радиоприемники. За убийство немецких солдат расстреливать заложников». Затем появился приказ о переселении евреев и об отправке молодежи на работу в Германию. Порядок в городе поддерживался с большим трудом, в основном силами полицейских из местных жителей и приехавшими в Ростов из Западной Украины. В городе было введено берлинское время. Деньги ходили как советские, так и немецкие (дойчмарки). Генерал Тикерпу строго в на-

значенное время, в 12 часов дня, подъезжал с охраной к ресторану «Ампир», где его уже ждали услужливые официанты и оркестр играл его любимую мелодию из оперетты «Веселая вдова».

А в это время пришла ужасная весть, что на заборах вывешены требования немецкого руководства о том, что всем евреям следует явиться на определенные пункты сбора, взяв с собой дорогие вещи и ключи от квартир, дата сбора была четко обозначена. Радости наших новых соседей-негодяев не было предела, они громко пели песни, демонстрируя свое превосходство и законное право проживания в чужой квартире.

Спустя несколько дней в наше окно вновь постучала Мария Моисеевна, мама побежала открывать ей парадную дверь, как вдруг услышала крики новых соседей, стороживших ее у ворот и следивших за возможным приходом Марии Моисеевны к нам за пожитками из своей квартиры. Несчастливая мать, разбросавшая своих детей по квартирам знакомых для спасения их от извергов, лишившаяся с семьей места проживания и средств к существованию, вынуждена была кормить детей обменом на базаре, продажей своих пожитков на продукты. Загнанная в угол бедой, она находила в себе силы идти как на голгофу за своими вещами, оставшимися в ее квартире, сознательно рискуя жизнью, отдавая себя в лапы обезумевших тварей, лишенных человеческой совести и морали. Для меня образ Марии Моисеевны, матери, до конца самоотверженно отстаивающей права своих детей на жизнь, заботящейся о них, – яркий пример материнского долга и самопожертвования.

С криками «Лови жидовку!» они начали преследовать убегающую от них вниз по 23-й линии уже немолодую женщину. Догнав, схватили ее за руки и стали

тащить вверх в полицейский участок. Упираясь, она высвободилась и побежала вниз. Навстречу ей шли два офицера-словака, они остановили всех вцепившихся в беднягу, проверили ее паспорт, где была обозначена ее национальность – полька, и с удивлением отпустили Марию Моисеевну. Она смиренно торопливо пошла вниз, ускоряя шаг, однако ее преследователи решили не отпускать ее и побежали за ней. Как назло им навстречу шел румын, те с криками схватили несчастную и обратились к нему, а он отмахнулся от них и пошел спокойно вверх по 23-й линии. В этот трагичный момент из-за угла выехал с треском мопед, которым управлял немец-жандарм. На груди его висела полумесяцем табличка, указывающая его принадлежность к жандармерии. Увидев сцену преследования, он остановился, подозвал всех к себе, те стали кричать, что это еврейка, которая не желает идти на сборный пункт. Схватив Марию Моисеевну за руку, жандарм поехал вверх, несчастная бежала, как могла, за ним, спотыкалась, падала, вставала, следом неслись с криками злодеи, желавшие ее смерти. Страшная процессия, происходившая на глазах у жителей квартала, женщин и детей, выглядывавших в окна своих квартир, продолжалась до входа в жандармерию, куда с криками «Это еврейка!» вбежали ее преследователи.

Мама и бабушка побежали вслед за этой страшной процессией и видели, как Марию Моисеевну втолкнули в жандармерию. После этого они сразу же пошли к нашему соседу, ставшему важной фигурой во время оккупации города фашистами. Ходил он с повязкой полицейского на рукаве, звали его Ишхан. Это был небольшого роста молодой человек 16–17 лет, худощавый, с очень редкими волосами на голове, бледным

Немецко-фашистские захватчики в Ростове-на-Дону. 1942 г.

лицом и с какой-то внутренней хворью, на него в мирное время никто не обращал внимания. С приходом в город немцев он внезапно для окружающих видоизменился, свои редкие волосы смазывал чем-то до блеска, зачесывая так, чтобы был виден пробор как у Гитлера, носил ботинки на высоких каблуках, голову запрокидывал назад и нес себя по улице, изображая важную персону. Соседи посмеивались над ним, но побаивались. Прибежавших к нему домой женщин он встретил важно, демонстрируя значимость своей личности, проводил в комнату, заставил ждать, пока совершал свой туалет, выйдя к ним, выслушав, стал объяснять, что все евреи должны обязательно прийти на пункт сбора и что помочь Марии Моисеевне, нарушив приказ, практически невозможно. Мама и бабушка наперебой стали убеждать его в том, что она полька и у нее это написано в паспорте. Наконец он соизволил пойти в полицейский участок, куда ввели Марию Моисеевну. Мама и бабушка шли позади него и видели, как он вошел в здание. Вскоре вышел, важно подошел к ним и объяснил, что соседку-еврейку только что увезли в машине на место ее постоянного пребывания. Действительно, темного цвета крытая машина отъехала от жандармерии. Они также видели, как возбужденные, радостные от исполненного долга победно возвращались новые соседи домой.

В тот день моя бабушка распорядилась увести нас в дом своей дочери, к сестре моего отца тете Соне, проживающей на 23-й линии, 20. Муж ее, известный в городе профессор-хирург, был в армии. У нас с братом практически началась новая жизнь. Однако и здесь было не все спокойно. Нам было запрещено спускаться в подвал, выходить на улицу. Но при очередном обстреле города

нам пришлось укрываться в подвале, жадно вслушиваясь в звуки, доносившиеся до нас.

Помню, как много снарядов с неповторимым шелестящим звуком пролетало над нами, когда мы прятались в доме на 23-й линии! Как-то во время одной из немецких бомбежек перед оккупацией города меня встревожили и насторожили звуки приближающей беды. Невольно вобрав голову в плечи, я услышал, как снаряд взорвался, упав где-то рядом. Затем вновь повторился звук и очередной взрыв снаряда. После зловещей тишины – вновь звук летящего снаряда над нами, но взрыва не последовало. Утром, выйдя на улицу, мы обнаружили, что один снаряд разрушил великолепный дом метрах в пятидесяти от нас, другой попал в соседский флигель, а третий глубоко вошел в землю в конце нашего двора, не взорвавшись. Его обнаружили лишь спустя 70 лет при рытье котлована.

Из разговоров старших стало понятно, что напротив нашего дома живет какой-то нехороший человек по фамилии Глинин, который служит немцам. Я часами просиживал у окна с желанием посмотреть на этого плохого человека и только один раз его увидел, когда он подошел к своей калитке. Это был небольшого роста человек с редкими волосами и выраженными залысинами, чуть полноватый, одетый в коричневого цвета костюм. Жители нашей улицы были встревожены тем, что молодую красивую девушку, с роскошными, вьющимися, спускающимися до плеч волосами, активную комсомолку, кто-то выдал фашистам, ее бросили в тюрьму на Кировском. Перед тем как покинуть город, всех, кто находился у них в заключении, фашисты расстреляли прямо в тюремных камерах. Родственники и родители девушки нашли тело нашей соседки среди расстрелянных.

Мемориальная доска на ул. 1-й Советской в память о расстреле 90 жителей Ростова-на-Дону

Расстрел на ул. 1-й Советской, Ростов, 1941 г.

Мы узнали также, что Глинин хотел выдать немцам двух мальчиков, проживающих в соседнем с ним доме, у которых отец был еврей, а мать армянка. Об этом украдкой жена этого негодяя, красивая, степенная женщина, звали которую Юзефа Владиславовна, сообщила своей соседке – матери детей, и она немедленно увела их из дома.

Позже нам стало известно, что у нас в подвале находятся муж и жена, жившие в соседнем доме, по фамилии Митрополитанские. Перед оккупацией немцами города, во время бомбежек, они приходили в дом к нашей тете и вместе спускались в подвал, проводили время воздушной тревоги, налетов немецких самолетов, бомбивших наплавной мост на 29-й линии, переправу наших войск на левый берег Дона. Долгое время двери в подвал были заперты, и нас, детей, туда не пускали, но однажды мы с братом обнаружили, что входная дверь в подвал открыта. Спустившись вниз, мы там никого не обнаружили. Оказывается, понимая угрозу от такого соседа, предателя Глинина, выбрав удачное время, они ушли к своим знакомым.

И все же в наш дом внезапно громко постучали, вошли немцы с русскими полицейскими, стали обыскивать комнаты, офицер обратил внимание на кабинет профессора, шкафы с книгами, особенно на довоенные издания его научных трудов в Германии. Забрав два великолепных «цейсовских» микроскопа, он опечатал дверь кабинета, запретил нам ее открывать. Затем они с топотом покинули помещение. Младший брат моего дедушки Христофор Артемович, пожилой человек, работавший еще при царском режиме коммивояжером фирмы «Генч-Оглуев и Шапошников», немного владевший немецкой разговорной речью, стал возмущаться и не давать ми-

крескопы, тогда офицер, выхватив пистолет, выстрелил в потолок, охладив пыл нашего дяди. Солдаты, которым было поручено нести футляры с микроскопами, выходя из ворот, раскрыли их, вынули микроскопы, стали что-то выкручивать и забросили их на крышу соседнего дома. Наш дядя Христофор не переставал возмущаться поведением немецкого офицера и солдат, у него о немцах было совершенно другое мнение. Играя с нами в шахматы, он не переставал вспоминать свое общение с немецкими коммерсантами, подчеркивая их деловую порядочность, культуру немецкого народа, литературу, искусство – и вдруг стрельба в доме, воровство микроскопов, их уничтожение. Старому человеку этого было не понять.

Родная сестра моего папы, у которой мы жили, Софья Минасовна Карташова-Багдыкова, была врачом акушером-гинекологом, человеком, преданным своей специальности и врачебному долгу, работала до войны в родильном доме и женской консультации Пролетарского района. Ее знали и уважали жители нашего района, особенно женщины, это создавало определенные трудности и тревогу в нашей семье. В дни оккупации, особенно в ночное время, когда действовал комендантский час, частенько ночью в окно стучались и просили тетю посмотреть женщину, у которой открылось кровотечение или же собиравшуюся родить. Она молча одевалась, заперев дверь, уходила в кромешную ночную тьму, под страхом быть застреленной постовым, шла помогать больной. Бабушка, ее мать, всю оставшуюся ночь молилась в ожидании прихода дочери домой. Удивительно, но она никогда не позволяла себе обсуждать тревогу ночного похода дочери к заболевшей женщине, понимая, что она выполняет свой врачебный долг.

Днем частенько наша тетя тоже исчезала. Оказывается, они с подругой Екатериной Тищенко, врачом-хирургом, матерью трех маленьких детей, оказывали помощь нашим бойцам, не сумевшим уйти с армией, которые были тяжело ранены на переправе на 29-й линии. Местные жители прятали их у себя в домах. Согласно немецкому распоряжению, это каралось смертью и тем, кто оказывал непосредственную помощь раненым бойцам. Эти две подруги-врачи выполняли свой долг, не думая о последствиях. Они заслужили уважение и любовь своих сограждан.

В это время у соседского мальчика 13 лет случилась беда: в его руках взорвался запал, были поражены мягкие ткани обеих кистей и оторвало фаланги пальцев. Софья Миначовна ежедневно производила перевязки и лечение пораженных участков. Она поставила перед собой задачу «максимально сохранить мягкие ткани хватательных поверхностей культи пальцев». Ей это удалось, и Каро Тополян, повзрослев, поступил в ФЗО, работал слесарем, а со временем стал одним из ведущих специалистов — слесарей-лекальщиков инструментального цеха завода Ростсельмаш. На заводе его уважали, он получил трехкомнатную квартиру. Его мастерством нередко пользовались оружейники областного музея, он реставрировал редчайшие экземпляры древнего оружия, восстанавливал утраченные со временем недостающие детали. Будучи врачом-хирургом, занимаясь гнойной хирургией, я осознал, что такое максимально сохранить мягкие ткани хватательной поверхности пальцев. С раннего детства, на примере Софьи Миначовны, у меня складывалось мнение и представление о враче и его врачебном долге.

Базары, как Центральный ростовский, так и Нахичеванский, были самыми важными центрами жизни горо-

*Вход на Центральный рынок со стороны проспекта Буденновского
во время оккупации Ростова гитлеровскими войсками*

жан. На базаре можно было купить и тут же отведать борщ, жареные котлеты, пирожки, печеные изделия, были бы деньги. Хлеб стоил 250 рублей булка, пачка папирос или стакан махорки – 60 рублей. стакан соли – 60 рублей, литр водки – 1000 рублей. Разносили в больших чайниках, укутанных в теплое одеяние, горячий чай или кофе. Продавали на стаканы, добавляя за дополнительную плату сахар или сахарин. Проходя по рядам, продавщица обычно громко выкрикивала свои предло-

жения. Особым спросом пользовались жареные пирожки с мясом, картошкой или капустой.

Со времени оккупации города у меня на всю жизнь осталось чувство страха и незащищенности, когда городом правят чужие и звучит чужая речь. Чтобы выжить, заработать какие-то гроши, некоторые мои сверстники мастерили повозки на колесиках из подшипников и подвозили немецким солдатам их вещи со станции, были и такие, которые устраивались у дома и, сидя на табуретке, чистили немцам сапоги. Особый ужас на всех наводили русские полицейские, которые, желая выслужиться, проявляли особую жестокость. Несколько раз мне с мамой приходилось оказаться в облаве на Нахичеванском базаре, когда все выходы перекрывались и окруженный народ полицейскими грубо подталкивался к выходу, при этом каждый подвергался обыску, проверке документов. Люди с особым омерзением смотрели на услужливых предателей с повязками полицейских на рукаве.

В эти тяжелые дни у людей проявлялись разные качества: многие вели себя мужественно, с достоинством, были и те, кто терял человеческий облик. Мы с мамой часто приходили на базар для того, чтобы что-то продать из домашней одежды и на эти деньги купить крупу, муку, мыло, подсолнечное масло. Однажды пришлось наблюдать жуткую для меня сцену. Мальчик-армянин моих лет не удержался от голода, проходя мимо женщины, продававшей пирожки, схватил один и стал жадно запикивать его себе в рот. На крик женщины подбежал мужчина с повязкой полицейского, схватил ребенка, а тот жадно проглатывал оставшуюся часть пирожка. Полицейский сбил мальчика и стал колотить его лицом о землю. Мне запомнилось окровавленное лицо, вы-

павший изо рта кусок теста в крови... А полицейский продолжал бить его ногами, никто даже не пытался защитить голодного избиваемого мальчугана. Большая армянская многодетная семья этого мальчика жила недалеко от нас. Через многие годы я видел уже повзрослевшего юношу с искривленным набок носом как память о голоде и человеческой жестокости.

Как-то ночью, когда мы с братом уже улеглись спать, в дверь постучали. Это был наш сосед дядя Вася. Мама открыла ему дверь. Войдя, он сказал: «Сусанна, мне надо спрятаться у тебя за окном, за мной должны прийти полицейские». Окно было открыто, и он вышел в темную морозную ночь, спрятавшись за колонну. Спустя некоторое время в нашу дверь громко постучали, вошли двое наших полицейских и немецкий солдат. Обыскав квартиру, они ушли. Мама открыла окно и позвала дядю Васю. Окоченевший, он отогревался всю ночь, а как только рассвело, ушел. Оказывается, дядя Вася входил в группу рабочих завода «Красный Аксай», освобожденных от армии по болезни, имевших задание взорвать ремонтные мастерские, как только немцы начнут там ремонтировать свою военную технику. Уже в мирное время, имея инвалидность, дядя Вася работал билетером в кинотеатре имени Фрунзе. Меня с братом он пропускал на все сеансы бесплатно.

После освобождения города нашими войсками, как-то в морозный день, мы с мамой возвращались с базара через парк имени Фрунзе и решили пройти мимо храма Сурб Лусаворич. Не доходя до него, у ограды справа увидели больших размеров яму, к которой направлялось несколько запряженных лошадьми саней, медленно везущих поклажу. Как вдруг, зацепившись за ветку, обозначилась нога, голое тело человека, возница деловито

вернул его на место – это везли тела погибших на переправе через Дон бойцов, которых мародеры уже успели раздеть, чтобы одежду продать на базаре. Через неделю, проходя мимо захоронения, мы увидели торчащие трубы для выхода собравшихся газов и стоящих кучками женщин, утирающих слезы.

Каждое утро, направляясь к бабушке, мы видели, как к дому «музыкантских воспитанников» подъезжали полуторки с молодыми солдатами, сидящими в кузове. Я с восторгом смотрел, как они выпрыгивали из кузова на тротуар, в них была сила, удаль, мальчишеский задор. Женщины нашего дома специально приходили, чтобы полюбоваться на этих красавцев-солдат. Спустя две недели машины с солдатами перестали приезжать. Немцы крепко держались за Таганрог. На Миус-фронте шли ожесточенные бои. Как-то я заметил, что женщины нашего дома о чем-то говорят и плачут. Оказывается, они узнали, что многие молодые красавцы-бойцы погибли в сражениях под Миусом...

В то время, когда немцы крепко удерживали город Таганрог и шли бои под Миусом, моя мама от страха перед фашизмом в нашем городе решила вывезти меня и моего брата Костю в Егорлыкский район, в село Арарат, состоящее из одной улицы. Сняли там комнату у молодой женщины с ребенком, которую звали Бурик. Дом был из самана с земляным полом. В этом хуторе все дома были построены из самана, крыши покрыты чем-то вроде соломы или тростника. Мужчин было четверо или пятеро, все инвалиды. Земля была засеяна пшеницей и кукурузой. Центральным местом села было помещение бригадира, там же располагалась конюшня, стояли косилки на лошадиной тяге. Большое впечатление на меня произвела единственная дорога, по которой я любил ходить

босиком, ноги утопали по колено в пушистой пыли. Меня приучали ездить верхом на лошади без седла – это было очень неудобно, так как лошадь была очень худой и кости ее позвоночника врезались в промежность. Зато я научился плести рукоятку плетки из шести полос сыромятной кожи. На все село были две или три коровы, кур было мало, держали коз. С продуктами было плохо. Нас выручило мыло, сваренное в Ростове мамой, которое она взяла с собой с лихвой. Научили меня делать свирель – дудочку из тростника. Спустя два месяца мама решила вернуться домой, в Ростов. Пребывание в Арарате не прошло для меня бесследно: у меня обнаружили «слабые легкие». За мое лечение взялась мама, незаметно давала мне ежовый жир. До четвертого класса я отставал в своем физическом развитии. Позже мы узнали, что жители Арарата сплошь болели туберкулезом, их расселили по другим деревням, а селение ликвидировали.

После освобождения города от немецких захватчиков стало известно, что еврейское население из пунктов сбора было вывезено за город и там расстреляно. В нашей семье говорили об этом с особым ужасом, так как среди друзей нашего дома было много людей еврейской национальности. Незримо вставала трагедия геноцида армян...

Соседи, выдавшие Марию Моисеевну, куда-то исчезли. Опустел дом, где проживала семья полицейского Ишхана, покинувшая город. Также не стало видно и нашего соседа, мужа Юзефы Владиславовны – предателя Глинина.

Спустя полгода в доме на 23-й линии, 5, появилась Леля в военной форме, она служила медицинской сестрой в военном госпитале. Ее вызвали в военную про-

курутуру, где велось следствие в отношении этой семейки, предавшей Марию Моисеевну. Позже Леля нам рассказала, что была на суде, на котором строго осудили мерзавцев по закону. Сына Лели воспитывала ее свекровь, младшие сестры, Роза и Надя, находились в детском доме.

Предатель Глинин был также арестован и судим. Юзефа Владиславовна до глубокой старости прожила в своем доме, пользовалась уважением соседей, у нее была своя небольшая клиентура из ее знакомых женщин, которых она обшивала.

С мальчиками, нашими соседями, которых спасла их мать, Эдиком и Гариком, мы дружим всю жизнь. Учились в одной школе № 13, в одном классе. Эдик всегда учился только на отлично, закончил школу с медалью. Это высокопорядочный, нравственно чистый человек. Во время войны они были записаны на фамилию своей матери – Осиповы, но перед окончанием школы Эдик и его брат взяли фамилию своего любимого отца и стали Липковичами. Отец прошел всю войну, это был умный, добродушный, порядочный человек, семьянин, любящий своих детей и жену, которая его любила, была ему предана, как-то особенно готовилась к его приходу с работы, встречала его не только чистотой в квартире, хорошо приготовленной едой, но и полубившейся ему музыкой, дети радовали успехами в учебе. Эдуард Иосифович Липкович со временем вырос в крупного, полезного государству ученого, доктора технических наук, академика, лауреата Государственной премии, долгие годы он возглавлял в городе Зернограде сельскохозяйственный институт. Порой задумываешься о том, что могло случиться, если бы предатель Глинин смог осуществить свой замысел?!

Трагедия расстрела наших горожан фашистами периодически неожиданно всплывала в моей жизни. Работая врачом-хирургом в городской больнице №1 (ЦГБ), я часто дежурил сутками по «скорой помощи». Однажды ночью привезли больного с ущемленной грыжей. Это был шофер такси, человек, заметный своими размерами (выраженным ожирением), проблема заключалась еще и в том, что он страдал диабетом. Послеоперационный период требовал индивидуального подхода к лечению, но в шестидесятые годы прошлого столетия в городе специалистов-эндокринологов не существовало и лечение этой категории больных ложилось на терапевтов и хирурга. Для меня было удивительно то, что из ближайших родственников моего пациента диабетом никто не страдал. Так в чем же причина возникновения этого заболевания? Доверительные отношения врача и больного, подробности жизни, беседы, а затем интересный рассказ о его детстве... Пошевелю я ему, что в детстве проживал у бабушки в районе Змиевской балки. Вездесущие мальчишки увидели, что в это место свозятся толпы людей, плотно охраняемые солдатами и полицейскими. Ребята обнаружили заброшенный сарай, спрятались там, стали наблюдать за происходящим и оказались свидетелями страшного: в балке с одной стороны были сооружены помосты над обрывом, на них сгонялись люди, в которых стреляли прямой наводкой из пулемета. Пораженные падали вниз, а следом шли и шли новые толпы, подгоняемые полицейскими с собаками... Люди падали вниз, и не всегда мертвыми. Ребята, видя ужас происходящего, хотели убежать из сарая, но не могли, так как вокруг все было окружено немецкими солдатами и полицейскими, им пришлось быть там до темноты, слыша крики людей и постоянную стрельбу пулемета.

Выбраться из этого ада они смогли лишь тогда, когда каратели прекратили стрельбу, убийства и разошлись. Это произвело на моего пациента страшное впечатление, он не мог спать, у него был нервный срыв, он долго лечился, затем появился диабет, с возрастом сформировались гормональная недостаточность, ожирение. Все эти болезни стали расплатой за увиденное в детском возрасте, последствиями полученного стресса.

В конце шестидесятых годов прошлого столетия мы с женой были дружны с начальником отдела культуры города Ростова-на-Дону Олегом Маркиным. В один из праздничных дней мы пригласили гостей и в том числе Маркина с женой, которая пришла в назначенное время с друзьями, а он задерживался на работе. Значительно опоздав, пришел бледный, возбужденный. Выпив горячительного, поведал нам об увиденных документах, относящихся к расстрелу еврейского населения города фашистами в Змиевской балке. Мемориальный комплекс был уже почти готов, и следовало подготовить материал для экспозиции в местном музее. Естественно, этот материал находился в документах НКВД. Ужас увиденного долго его преследовал. Перед устроителями комплекса стоял вопрос укрепления отлогих мест балки, но в том месте, где осуществлялись расстрелы, на глубине полуметра от поверхности земли были обнаружены кости погибших, туфли, ботинки, все это пришлось засыпать грунтом и посеять декоративную траву. До настоящего времени эта стена мемориала засеяна травой. Рассказ моего пациента об увиденном им в детстве расстреле людей подтвердился.

В центре мемориала в Змиевской балке создана скульптурная группа, авторами которой были архитекторы Н. Нерсесьянц, Р. Мурадян – художник, музыкант, компо-

Скульптурная группа памятника в Змиевской балке. Ростов-на-Дону

зитор, писатель, создатель монументальных комплексов и ландшафтных ансамблей (в Кумженской роще, композиции перед улицей Пушкинской и т.д.), скульпторы Е. Лапко, Б. Лапко, а также известный в Ростове скульптор, музыкант-саксофонист, протезист Н. Аведиков, автор многих скульптур в Ростове – Вити Черевичкина в Пионерском парке, бюста Седова у речного училища и т.д. В памяти ростовчан хранится ярко прожитая жизнь незаурядной, талантливой личности врача – стоматолога, протезиста, музыканта и скульптора Н.В. Аведикова. Это

был небольшого роста, коренастый, всегда задумчивый, с выразительными добрыми глазами, пышной копной волос, спускающихся до плеч, неторопливый в движениях человек. Его степенность, рассудительность, выразительные умные глаза, облик художника невольно создавали у окружающих чувство уверенности и уважения к нему. В 50–60-е годы каждый вечер его можно было увидеть и услышать в кинотеатре, играющего в оркестре перед началом киносеанса на саксофоне. Многие ростовчане специально приходили на киносеанс только для того, чтобы послушать игру Н.В. Аведикова, соприкоснуться с еще одной гранью его таланта. До сих пор знающие его люди оспаривают вопрос, где он проявил себя наиболее ярко: в музыке, скульптуре или же стоматологии? В качестве протезиста его изделия были поистине уникальными, выполненные им работы порой не знали аналогов. Музыканты, потерявшие зубы, были лишены возможности работать, и только он мог воссоздать индивидуально утраченное, да так, что стареющие трубачи продолжали работать, радуя слушателей чистотой звучания. Он продлил жизнь многим ростовским певцам, актерам, чтецам. Творчество этой незаурядной, талантливой личности отмечено в памяти ростовчан как определяющее некоторые штрихи эпохи, в которой жил и творил Н.В. Аведиков.

Авторами мемориальной композиции перед скульптурной группой был установлен Вечный огонь, громко звучали биение сердец погибших и печальная музыка. С 11 по 12 августа 1942 года фашистами было уничтожено 27 тысяч евреев, в этом скорбном месте были расстреляны жители города и военнопленные.

В девяностые годы прошлого столетия судьба свела меня с выдающимся режиссером нашего времени Юрием Георгиевичем Калугиным. Он своим творчеством,

посвященным исторической памяти Ростова-на-Дону и донского края, был соизмерим с творчеством режиссера Ромма. Познакомил меня с ним великолепный журналист Владимир Таршис, указав ему на только что вышедшую в свет мою книгу «Нахичеванские портреты». Ознакомившись с ее содержанием, Юрий Георгиевич совместно с Эдуардом Кечеджияном решили создать фильм о переселении армян на донскую землю, назвав его «Мир пришедшим».

В одну из встреч Юрий Георгиевич поведал мне, что работает над кинофильмом о расстреле еврейского народа города Ростова в Змиевской балке. У него была возможность ознакомиться с закрытыми материалами КГБ. Однажды он спросил у меня: слышал ли я о мази красного цвета, которая может привести к смерти детей? Оказывается, фашисты смазывали губы детей красной мазью, от которой они погибали.

Фильм, прошедший на экране местного телевидения, произвел яркое, ошеломляющее и гнетущее впечатление. В памяти возникли ушедшее время и мирные люди, жестоко уничтоженные фашистами по национальному признаку.

С особой грустью и болью в душе проезжаю мимо этого вечно скорбного места. С годами сам мемориал стал мало ухоженным, погас Вечный огонь, перестали звучать печальные мелодии, раздаваться биение сердец погибших.

Для меня больно сознавать, что в 21-м веке могло случиться так, что трагедия, произошедшая в нашей стране, на донской земле, может не сочтаться кровью в памяти людей, что страшный след фашизма может не отзываться болью в сердцах, не быть предупреждением новому поколению россиян и всему человечеству об угрозе возрождения фашизма!..

Юрий Калугин на съемках фильма «Страдание памяти», посвященного трагическим событиям в Змиевской балке

После небольшого ремонта мемориала некоторыми руководителями был поставлен вопрос о замене таблицы на мемориальном комплексе, в тексте которой исключалась мысль о том, что в этом скорбном месте было расстреляно в основном еврейское население нашего города, что люди уничтожались по национальному признаку. К счастью, после долгих обсуждений, высказанных обид, подключения пожеланий еврейского населения из-за рубежа все же возобладали рассудок и здравомыслие.

Таблица на мемориальном комплексе в Змиевской балке

В очередной приезд в Ростов режиссер Калугин поведал нам удивительную историю. Когда он находился в Израиле по приглашению, к нему подошел пожилой человек и сообщил, что он чудом оставшийся в живых ростовчанин. Далее он рассказал: «Мою семью вели на расстрел в Змиевскую балку, как вдруг к конвоиру подошла женщина-армянка и сказала, что это армяне, указав на нашу семью, что мы ее родственники, обращалась к нам на армянском языке, мама ей что-то в унисон отвечала. Конвоир вытолкнул нас на тротуар, так мы остались живыми».

Глава II

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

После освобождения города 1 сентября мама повела меня в первый класс в школу, которая была расположена в уцелевшем доме на углу 27-й линии и улицы, по которой до войны шли трамваи. Возраст учеников был от 8 до 13 лет. Все вместе сидели в классе за столами и на разнообразных стульях, скамейках. Тетрадей, писчей бумаги, карандашей, учебников не было. Учительница писала буквы на доске, а каждый из нас пытался это повторить. Учебник-букварь был один на весь класс у учительницы. Спустя два месяца такой учебы класс был расформирован, и каждый пошел учиться в школу по месту жительства.

Я оказался учеником школы № 10, расположенной на углу 13-й линии и улицы Мясникова. Каждое утро у входа в школу нас встречал директор Анатолий Парфенович Дерибин. Он доброжелательно всех осматривал и требовал, чтобы руки и обувь были чистыми. Обычно ребята учебные принадлежности помещали в сумку из-под противогаза, а чернильницу-«непроливайку» – в сшитый мешочек, привязанный к сумке, бока которой были вымазаны чернилами. Ребята постарше нередко приносили в класс патроны, запалы, затворы, порох. Договаривались после уроков пойти в разбитый театр имени Максима Горького. Главной заботой их были кресла, обитые кожей вишневого цвета, которые срезались. На большой перемене в класс приносили поднос с кусочками хлеба темного цвета, по числу учащихся, смазанными повидлом, и конфету (подушечку) – это было первое осязаемое свидетельство заботы о нас.

На переменках играли в игры: «жестку» – это был кусок овчины с расчесанным мехом и пришитым внизу к коже кусочком свинца. Надо было подбросить ударом внутренней поверхности стопы «жестку» и, не давая ей

Освобождение Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков. 14 февраля 1943 года

упасть на землю, повторить удар по «жестке» стопой. Побеждал тот, кто дольше продержит «жестку» в воздухе.

Однажды в наш класс директор привел мальчика девяти лет, одетого в военную форму, ладно сидящую на нем. Кожаный пояс, португепя, сапоги и через плечо планшетка, на голове пилотка... Анатолий Парфенович объявил, что это сын полка. Когда на перемене старшие ребята стали хвалиться тем, что у них в карманах имеется, мальчик сказал, что все это следует выбросить и прилежно

заниматься. Поведение, прилежание и весь облик сына полка благоприятно подействовали на наших сорванцов.

Прошло несколько месяцев, наступили холода, и многие из ребят перестали ходить в школу из-за отсутствия теплой одежды. Директор школы по-прежнему встречал учеников у входа в школу, но голова, спина и грудь его были укрыты поверх пиджака женской шерстяной теплой шалью серого цвета, поскольку у него не было даже осеннего пальто. Позже, уже взрослыми, мы узнали, что он был заслуженным учителем СССР, награжденным орденом Ленина еще до войны, имеющим и другие многочисленные награды...

Мы заметили также, что наша пожилая учительница Глафира Вениаминовна, плохо одетая, практически без теплой одежды, с признаками недоедания на лице, после уроков приходила домой к тем ребятам, у которых не было зимней одежды и обуви. Она не только занималась с ними, но и приносила им положенный кусочек хлеба и конфетку. Где только у этой поистине святой женщины находились силы?!

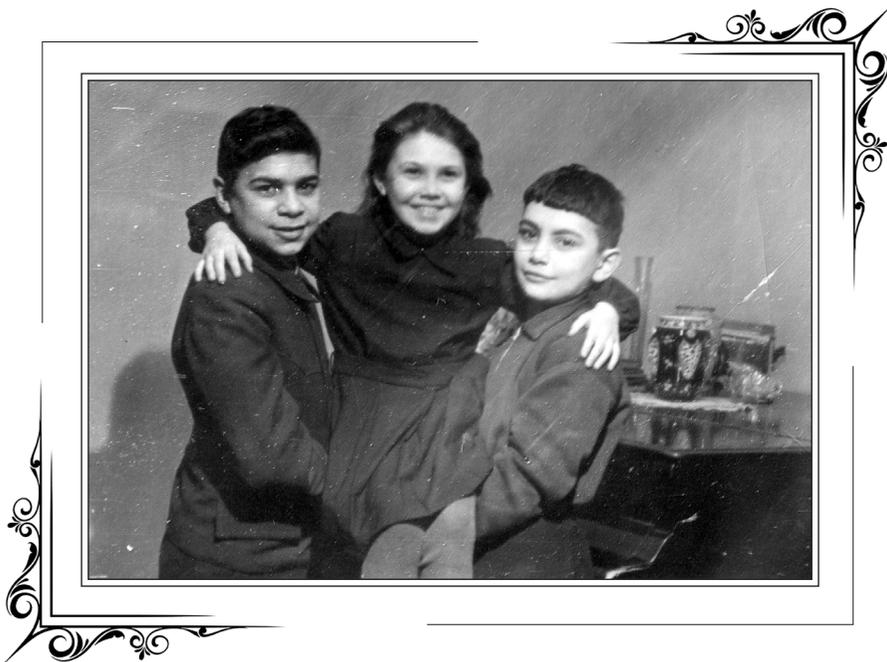
И все же, хотя война с Германией еще продолжалась, город, освободившийся от оккупации, постепенно оживал, а главное – в каждую семью пришел долгожданный кусочек хлеба, работающим стали выдавать заработную плату, они получили рабочую карточку на хлеб и продукты, на лицах детей появилась «розовинка». Тем не менее чувство голода, постоянное желание поесть не покидало ребят. Они старались добыть себе пищу, ловили под крышами голубей, но это были эпизоды. Главное, это подбивали воробьев. С этой целью находили испорченную, выброшенную жаровню, разбивали ее на мелкие кусочки и этими пульками из рогатки подбивали сидящих на ветках воробьев.

В третьем классе ребята стали проявлять мужские качества, активно отстаивали свои права, желали показать себя личностью, порой возникали конфликты. Это, к сожалению, заканчивалось драками. Однако существовал негласный закон: те, кто решил подраться, «стукнуться», должны были после уроков выйти во двор и за школой в кругу одноклассников, при участии старшеклассника, провести свой бой. При этом строго соблюдались негласные правила: чтобы в руках у дерущихся не было никаких предметов, упавшего не бить, драться до первой «юшки» – появления крови из «сопатки» – носа, кожи лица и других мест, после этого бой заканчивался. В противном случае даже победитель осуждался ребятами и о нем говорили, что он злой, несправедливый, как фашист.

В военное и послевоенное время у ребят не было специальных мест для игр, да и сами игры были какими-то примитивными, придуманными, изготовленными из подручных средств. Так, играли в «отмерного»: выходили во двор школы и по жребию один, наклонившись буквой «Г», упершись руками о колени, ждал, когда через него, оттолкнувшись, прыгнет играющий и как можно дальше приземлится. Тот, кто приземлился ближе всех, должен быть следующим «отмерным». Играли также в «гайданы» – это косточка из коленного сустава овцы. Она имела название своих поверхностей (тала, арца, чик, пик, бук). У каждого игрока был свой облюбованный гайдан – «биток», который хорошо ложился ему в руки между большим и третьим пальцами, вращался, создавая ускорение, и выбрасывался в ряд гайданов, установленных в кону. Для утяжеления этого гайдана в его центральной части просверливалось отверстие и заливалось свинцом. Выбитые из кона гайданы отдавались выигравшему.

Самой травматичной была игра в «чилику». Брался небольшой прямоугольный брусочек, с обеих сторон заострялись концы, на каждой поверхности бруска отмечались номера. Лаптой ударяли по концу бруска, брусочек подпрыгивал вверх, и следовало лаптой с большой силой удара послать «чилику» вдаль. На поверхности бруска выделялась цифра – это означало, что играющий может сделать именно столько шагов к кону.

Ребятам хотелось быстрой езды, а возможности отсутствовали. Многие из досок сколачивали управляемые самокаты, главное было найти два колеса (подшипника), одно большое, другое поменьше. Большое прикреплялось на рулевую часть самоката, а поменьше – позади на доску, на которой следовало стоять. Такая хрупкая конструкция позволяла быстро набирать скорость по асфальту. Частенько самокат при этом разваливался, а водитель получал различные травмы. Невзирая на травматичность многих игр, все же брало верх естественное стремление ребят к активным движениям. Так появилась забава быстро катить впереди себя колесо или обруч. Движение вперед колеса или обруча от деревянной кадушки осуществлялось ударами палки по его ребру. Однако использовалось «водило», изготавливалось которое из куска плотной проволоки, один конец ее превращался в рукоятку, другой изгибался П-образно так, чтобы ребро колеса свободно попадало в него. Это нехитрое приспособление давало возможность катить колесо вперед и даже осуществлять повороты вправо и влево. Главное – скорость, движение вперед, свободный бег. В зимнее время ребята находили в сараях старые коньки-«снегурочки». Крепили их веревками на валенки или ботинки. На 23-й линии, там, где работал комбинат «Рабочий», частенько вы-

*Минас Багдыков с двоюродной сестрой Галиной и братом Костей.
Школьные годы*

возили на полуторках макуху (жмых подсолнечника). Ребята баграми цеплялись за борта машины и ехали на коньках вверх. Обычно, подъезжая к площади Свободы, грузчики бросали мальчишкам кусочки макухи. Одурманивающий запах и вкус жареных семечек заставляли ребят с наслаждением держать во рту кусочек макухи долгое время.

Страна моего детства – это война... У мальчишек в карманах – шершавые осколки от снарядов и бомб, порой еще теплые, только что подобранные, запалы, не

игрушки, а смертельные посылки, которые предназначались не только для взрослых.

Центром «культурной жизни» этого периода был базар. Торговля всякой всячиной, обилие нищих, искалеченных, просивших, молящих подавания. Все мысли вращались вокруг еды. Что из вещей можно выменять на продукты? Что купить? Как-то, прохаживаясь вдоль ларьков, я неожиданно заметил футляр. Внутри – маленькая скрипка. С этой минуты мой покой был потерян, и, куда бы я ни шел, путь заканчивался непременно у ларька, где на витрине лежала скрипка. Вскоре я стал ее счастливым владельцем.

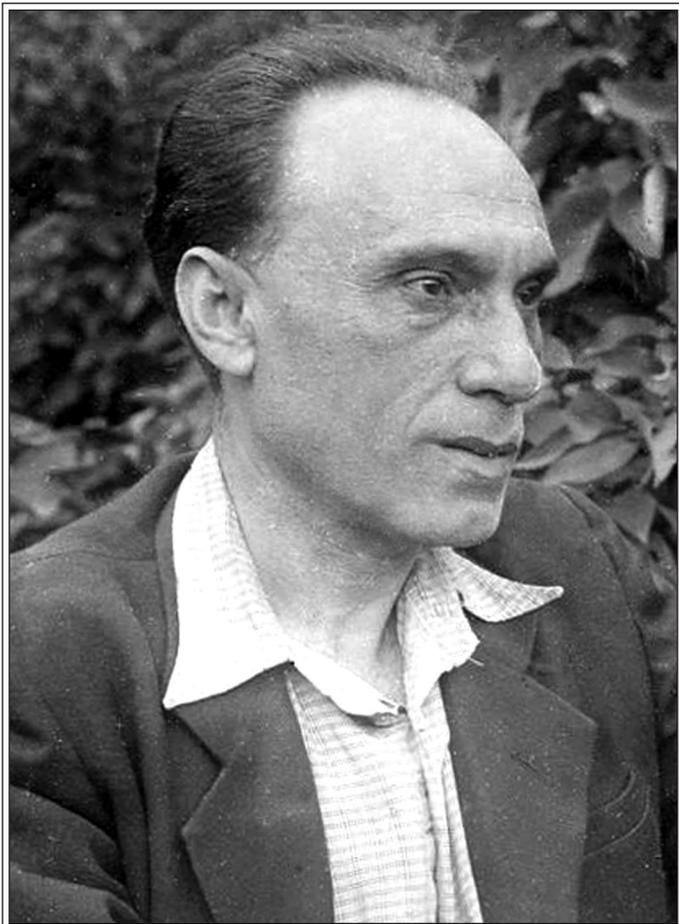
Ростов освободили от фашистских оккупантов, и спустя пару месяцев мама, по совету моей двоюродной сестры Елены, отвела меня домой к известному в Нахичевани музыканту, учителю музыки – Федору Сергеевичу Готьяну. Встретил нас небольшого роста человек, с большим лбом и копной седых волос, чисто выбритый, с добрыми улыбающимися глазами, одетый в нарядный темно-синий костюм в полоску, кипенно-белую рубашку, галстук. Мое внимание сразу же привлекли его руки, мягкие, словно с просвечивающей кожей, коротко подстриженными ногтями. А заговорил – и голос его оказался приятным, словно обволакивающим. Впечатление было такое, что ты уже давно знаешь этого человека, а главное, веришь ему. Он изнутри светился добротой.

Всякий раз, подходя к дому, где он с матерью снимал комнату (их квартира сгорела), я слышал волшебные звуки скрипки и подолгу простаивал у окна, прежде чем постучать. Манера игры у Федора Сергеевича была особенно проникновенная, очень искренняя, она отражала характер самого исполнителя. Запомнились навсегда первые уроки. Учитель старался прежде всего

привить своим воспитанникам любовь к инструменту. Много рассказывал о мастерах, создававших скрипки, о сортах дерева, поиске лака. Увлекательными и познавательными были эти истории! Федор Сергеевич показывал свои инструменты, говорил об особенностях, тембровой окраске звучания каждого. Мы узнали, что есть верхняя и нижняя дека, что такое распорка и подгрифок, в какой последовательности натягиваются струны, как их настраивать. Внушая нам правила пользования инструментом, учитель особо подчеркивал слово «ухаживать». Демонстрировал обработку поверхности скрипки ореховым маслом, которое произвело на нас ошеломляющее впечатление: не текстура, а волшебное дерево! После каждого такого урока скрипка становилась предметом гордости для ее владельца. Мы были убеждены, что являемся обладателями сокровища.

Федор Сергеевич обладал огромным педагогическим талантом и человеческим тактом в общении с учениками. Он никогда не повышал голоса, не унижал ни в ком чувства достоинства, напротив, подчеркивал, что трудности в достижении цели – процесс естественный. Каждому его ученику казалось, что учитель работает главным образом с ним и вообще существует только для него – с таким вниманием и кажущимся наслаждением слушал Федор Сергеевич часто душераздирающие звуки, исторгаемые из струн скрипки начинающим музыкантом. Говорил он с учениками на понятном им языке, находил близкие, доступные образы. Пусть звук инструмента, говорил он, будет воздушным, прозрачным, как слой сорокалиственного пирога, который раскрывает твоя бабушка и подает на праздничный стол.

Нотной бумаги, учебников тогда не было, школа находилась практически в аварийном состоянии, класс хо-

Федор Сергеевич Готьян

лодный, тепла от металлической печки не хватало. Через всю комнату к окну тянулась дымящаяся труба. Часто в морозные дни Федор Сергеевич занимался с детьми у себя дома. Для нас это был праздник, мы могли свободно перелистывать его великолепные атласы с художественными произведениями. Зная способности ученика, он давал индивидуальное задание, расчертив лист бумаги, поставив скрипичный ключ, напевая, записывал мелодию, расставляя акценты, привлекая ученика к этому процессу. Как-то, расчертив бумагу под нотную запись, напевая, стал писать мелодию песни «Цицернак» («Ласточка»), заставил меня несколько раз сыграть, указав особенно места, которые следовало продлить: «Когда твоя бабушка будет петь, в этом месте продли звук». Радости моей бабушки Розы не было предела!..

Как-то, ранней весной, когда природа пробуждалась, Федор Сергеевич вывел нас за город, в парк, показывал, как расцветают цветы, оживает природа. Читал прекрасные стихи, гораздо позже мы узнали, что это им были написаны строки: «Люблю я ласковые зори. Мне милы нежные цветы. Туман в стыдливом, робком взоре. Поэзии крутое взморье. Тетради новые листы...» Выпускали на волю птичек, которые перезимовали у него в клетках на окне. По вечерам Федор Сергеевич играл в оркестре театра комедии. Встреча с таким прекрасным учителем музыки, человеком, открывшим перед своими учениками сказочный мир музыки, искусства, мирной жизни и понимания того, что нам пришлось и приходится переживать и за что отдают свою жизнь солдаты в борьбе со злом, для нас, для будущего, для строительства мирной красивой жизни.

В 30-е годы прошлого столетия в культурной жизни города произошло неординарное событие. Выстроенное

великолепное здание драматического театра, спектакли знаменитой столичной труппы под руководством Ю. Завадского с первоклассными актерами как бы определяли накал духовной жизни ростовчан. Уже где-то в 60-е годы, студентом старших курсов, я побывал в филармонии на встрече с заслуженным артистом Николаем Дмитриевичем Мордвиновым, приехавшим из Москвы. Он рассказывал о том, как ему пришлось играть заглавную роль в постановке спектакля «Тигран» великолепного драматурга Ф.С. Готьяна. Оказывается, мой учитель музыки был драматургом, поэтом, писателем и его пьеса была одной из первых в репертуаре вновь построенного театра драмы имени М. Горького в постановке Ю. Завадского. Сцена спектакля расписывалась по эскизам Мартироса Сергеевича Сарьяна. Главную роль Тиграна великолепно исполнял Н.Д. Мордвинов. Мне пришлось ознакомиться с работами Федора Сергеевича, романом «Антон Горбонос» и двумя пьесами: «Тигран» и «Интеллигент». Если пьеса «Тигран» долго входила в репертуар театра, то «Интеллигент» был исполнен на сцене театра М. Горького лишь дважды. Остается загадкой, что произошло в жизни Федора Сергеевича Готьяна, но он резко прекратил заниматься литературным творчеством и посвятил остаток своей жизни педагогической деятельности.

Творчество Николая Дмитриевича Мордвинова отличалось вживанием в образ героя, сопереживанием событий, происходящих в его жизни, страдания, радость и горе он передавал через свое личное восприятие. Мордвинов как актер и человек отличался большим уважением к зрителю и не мог себе позволить фальши в игре. Однажды он позвонил известному в Ростове профессору-невропатологу Николаю Яковлевичу Корганову с

просьбой о встрече с ним. Оказывается, ему было необходимо знать, в чем суть обморока и каковы его внешние проявления. Получив исчерпывающие сведения, уже на следующей неделе Мордвинов показал профессору обморок в своем исполнении. Николай Яковлевич дал добро, и Николай Дмитриевич только после этого исполнил в пьесе естественный обморок.

Еще шла война, и часто звучали из репродукторов названия городов, освобожденных от немецких оккупантов. Умный, мудрый учитель директор школы Анатолий Парфенович Дерибин стал готовить детей к звукам прекрасного, к мирной жизни. В нашей общеобразовательной школе 12–15 детей обучались в музыкальной школе имени М.Ф. Гнесина игре на различных инструментах. Учеников попросили принести в школу свои музыкальные инструменты. Для нас специально писали нотные тексты. После нескольких репетиций мы выступали перед учащимися всей школы. Оркестр был небольшой, состоял из шести скрипок, двух виолончелей, двух труб, флейты, кларнета. Главное, в школу вошло что-то прекрасное из мирной жизни и творцами стали сами учащиеся. В воскресные дни ученики приходили в военный госпиталь к раненым, читали стихи, пели песни военного времени, играли на инструментах. В школе был организован драматический кружок, которым руководила преподаватель французского языка. Лучшие ученики школы, увлекающиеся литературой, историей, принимали активное участие в постановке пьес, – это Володя Соколов, Алик Григорян, Георгий Чарыхов и многие другие.

Самым незабываемым в жизни каждого из нас стал радостный день 9 мая 1945 года – это День Победы, окончания ужасной кровопролитной войны. Такой ра-

дости, братания, слез и грусти я больше никогда не видел. Во всех церквях города, оставшихся неразрушенными, в храме Сурб Лусаворич Пролетарского района (Нахичевани) прошли богослужения, первый раз прихожане услышали голос своей любимицы солистки хора Хасабовой. Храм был заполнен женщинами и детьми. Радость и слезы, рыдания по погибшим... Брат моего дедушки, Христофор Артемович, большой знаток церковного ритуала и службы, был в восторге от того, как была проведена церковная служба. Отдавая должное священнику Чорчопьяну и дьякону Дарбиняну, он отмечал и прекрасное звучание хора, состоящего из прихожан.

У ребят военных лет, перенесших голод и холод, разруху, бомбежки, оккупацию города, была особая, ранимая душа. Им хотелось только досыта наесться и хотя бы в мечтах увидеть мирную жизнь...

Наш район был плохо освещен, участковые милиционеры зорко следили за тем, чтобы фонари на домах были включены и светились до утра. Единственным ярко освещенным зданием был кинотеатр «Спартак» — это было место, куда стремились попасть после работы на сеанс, чтобы посмотреть киножурнал и очередной фильм. Этот кинотеатр стал своеобразным культурным центром Пролетарского района. Частенько в дневное время по воскресеньям для детей-школьников здесь проводили мероприятия, бесплатный показ фильма, концерт силами учащихся, исполняли популярные песни военных лет, читали стихи, пел хор ребят. Однажды и я читал стихотворение, в котором рассказывалось о трагической судьбе скрипки мастера Страдивари, оказавшейся в частной коллекции миллионера, и нашей скрипки в руках нашего мальчика, скрипача-виртуоза.

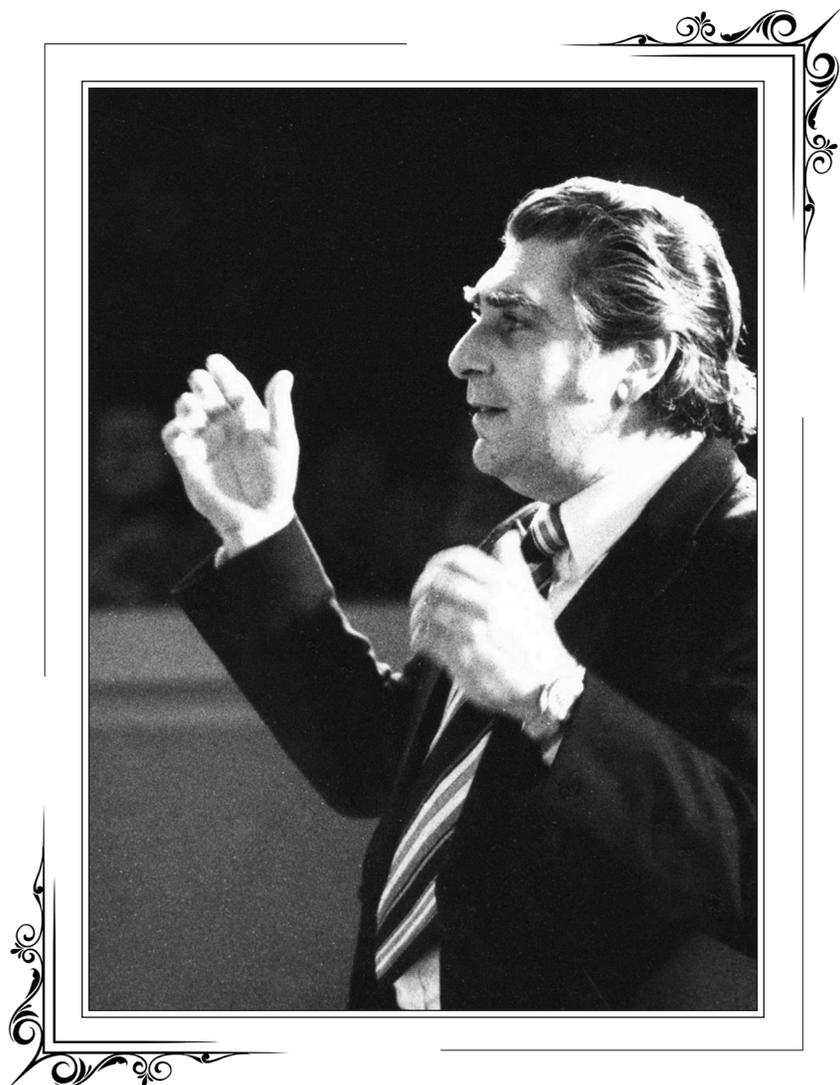
Семья Багдыковых. Минас Багдыков слева со скрипкой

Пришлось также мне играть соло на скрипке песню «На просторах Родины чудесной».

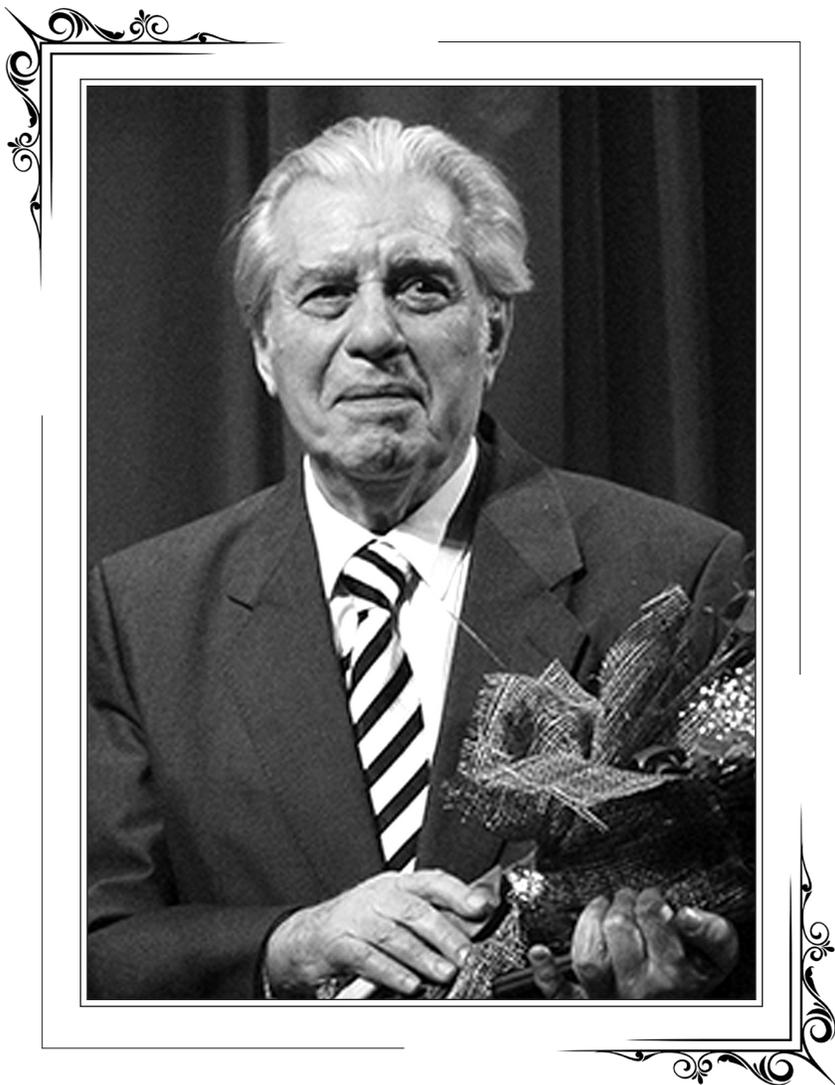
После демобилизации Георгий Михайлович Балаев организовал небольшой оркестр, который играл перед началом кинофильмов. Таким светлым местом, в котором всегда тепло, светло, изобилие улыбающихся людей, был кинотеатр «Спартак». Здесь был особый мир, своя «околокиношная» жизнь, свои лидеры, свои авторитеты. Тут завязывались знакомства, дружба, впервые мальчишки приобщались к умению зарабатывать на перепродаже билетов. Сами кинофильмы имели агита-

ционную направленность – всегда с победным концом, верой в завтра. Частенько демонстрировались трофейные ленты, в которых показывались неизведанная красивая мирная жизнь, чистая любовь, роскошные апартаменты, а порой и вовсе сказочные страны. С сеанса на сеанс ходили люди смотреть «Индийскую гробницу», «Джорж из Динки джаза», «Серенаду Солнечной долины», «Сестру его дворецкого», «Тетушку Чарлея» или же «Любимые арии». Музыка из многих этих фильмов, признанная классикой джазового искусства, почитаема и в наши дни. Со времени немого кино, когда таперы были обязательны для озвучивания, осталось у зрителей желание слушать хорошую музыку в непосредственном исполнении перед киносеансами. Так, в фойе кинотеатров за 20–30 минут до начала сеанса давался концерт силами эстрадного оркестра, где выступали также певцы и чтецы. В Пролетарском районе нашего города работал такой полюбившийся зрителям коллектив оркестрантов, играющий в фойе кинотеатра «Спартак» под руководством Георгия Балаева. К нему лично притягивало и то, что это был красивый боевой офицер, в репертуаре оркестра которого звучали не только популярные песни, но и полюбившиеся мелодии из трофейных кинофильмов. Сам он и его оркестранты были всегда опрятно одеты, подтянуты и, как водится, каждый солировал: всё, как в полюбившихся кинофильмах. Георгий Михайлович выступал со своей красавицей женой Нелли Ивановной, а днем они преподавали детям в музыкальной школе имени М.Ф. Гнесина.

Как-то в городе разнесся слух, что в оркестре кинотеатра «Спартак» играет на рояле джазовую музыку мальчик. Вскоре все узнали его имя – это был Ким Назаретов. В музыкальной школе, где мы учились,

Ким Аведикович Назаретов

Георгий Михайлович Балаев

Михаил Фабианович Гнесин в окружении учеников

его знали как прекрасного ученика, блестяще выступавшего с классическими произведениями на школьных концертах. Уровень исполнения был настолько высоким, что его игру показывали основателю музыкальной школы Михаилу Фабиановичу Гнесину в очередной приезд в Ростов-на-Дону в 1947 году, как, впрочем, и других не менее одаренных учеников. На фотографии рядом с М.Ф. Гнесиным изображены дети, ставшие впоследствии знаменитыми: Ким Назаретов, профессор, заведующий кафедрой джаза, Михаил Саямов – профессор, ректор музыкально-педагогического института имени М.Ф. Гнесина в Москве, С. Чередниченко – заведующая фортепианным отделе-

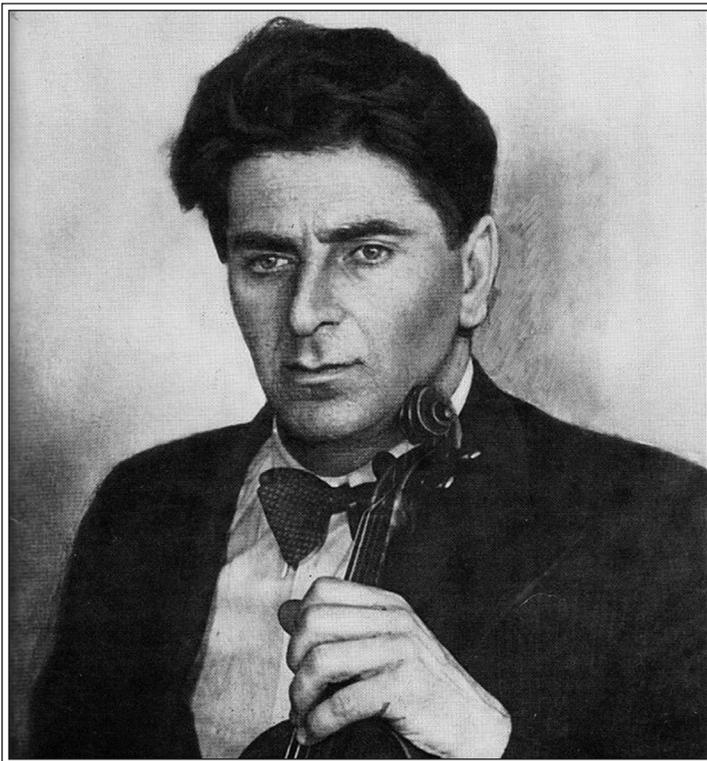
нием музыкально-педагогического училища, Э. Гентош — скрипач, оранжировщик).

Георгий Михайлович Балаев не мог пройти мимо увлечения Кима эстрадной музыкой и организовал оркестр из числа учащихся музыкальной школы, который выступал перед детскими утренними воскресными показами кинофильмов в кинотеатре «Спартак». Видимо, с этих лет зародилась у Кима мечта о создании большого джазового коллектива.

Еще одним незабываемым днем в моей жизни стал тот, когда мы с мамой смогли свободно прийти в магазин «Главхлеб» и купить круглый каравай белого, с неповторимым ароматом, еще теплого хлеба с поджаристыми, хрустящими краями. Счастьем и радости не было конца!

В этот период времени пришлось столкнуться с тем, что натворила война помимо разрухи. На базаре появились демобилизованные, раненые после госпиталя, инвалиды без руки, ноги на костылях и самое тяжелое — без обеих ног, сидящие на прикрепленной повозке, или потерявшие зрение, слепые.

В домах еще не было электричества, не всегда по вечерам зажигали керосиновую лампу, продолжали пользоваться коптилками. Последние новости сообщались по мощному репродуктору, установленному на столбе на площади Карла Маркса. Звучали хорошие песни военных лет, стихи К. Симонова, рассказы о героях войны и восстановлении промышленности. Однажды мой папа услышал по радио, что в город приехал скрипач Аветик Габриэлян и будет давать концерт в сохранившемся помещении летнего деревянного театра Первомайского парка (бывший парк коммерческого клуба), со всех сторон огражденного красивым металлическим забором, на котором красовались две большие буквы «КК» (коммер-

Аветик Карпович Габриэлян

ческий клуб). Вечером мы с папой пошли на концерт, нам удалось купить билеты на предпоследний ряд. Впервые я увидел играющего скрипача на сцене, строго одетого, вы-

сокого роста, подтянутого. Играл он великолепно, и, что было удивительно, его игра прекрасно была слышна и в предпоследнем ряду этого неказистого на вид деревянного помещения. Мне пояснили, что помещение деревянное и так просчитано строителями, что звуки, резонируя, отражаются и прослушиваются во всех рядах. После концерта мы вышли и стояли у тускло освещенного столба центральной аллеи, по которой должен был пройти Аветик Габриэлян. Проходя мимо нас, он вдруг остановился, подошел к папе, поздоровался, поинтересовался, как тот пережил войну, они обнялись, поцеловались, пожелали друг другу здоровья и разошлись. Оказывается, в детстве они начинали познавать азы игры на скрипке у известного в Нахичевани скрипача Хорозяна. Возвращаясь после урока, покупали стакан жареных семечек, делили поровну и, лузгая их, шли домой.

В нашей школе появился обаятельный, молодой, хорошо сложенный физкультурник Владимир Филиппович Русанов, строгий, всегда подтянутый, понятно объясняющий, что необходимо выполнить, умеющий помочь, когда не получается, похвалить, вселить надежду. Ребята стали активно заниматься спортом, старались быть сильными, ловкими. Тех, у кого получалось и были успехи, Владимир Филиппович вел в ДСШ-2. В школе силами наших учащихся устраивались показательные выступления лучших гимнастов. Ребята стали трудиться, получать спортивные результаты, разряды – это отвлекало их от улицы, хулиганства.

В детской спортивной школе (ДСШ) у нас был преподаватель по фамилии Савич. Это был человек средних лет, небольшого роста, коренастый, ладно сложенный, с большой копной сидящих волос, спокойный, рассудительный, неторопливый, всегда спокойно и тихо раз-

говаривающий с нами. Он практически никогда не рассказывал о войне, но след от войны несло его тело. При первой встрече с нами он сказал: «Наша задача будет не столько спешить выполнить упражнение на гимнастических снарядах, сколько прежде всего осознать, что ты желаешь выполнить и готовы ли твои мышцы к этому, а главное, знать, как владеть своим телом в пространстве, научиться думать и контролировать свои действия». Главной своей задачей он считал научить нас подготавливаться к выполнению того или иного упражнения на гимнастических снарядах не только физически, но и умственно, осмысливая все детали. При выполнении рисунка вольного упражнения под музыку он уделял особое внимание тому, с каким изяществом спортсмен его выполняет. Уже через год я мог с места в прыжке, сложившись, выполнить сальто назад, а на перекладине – большие обороты (крутить солнце). Умный, мудрый преподаватель рекомендовал нам пойти на показательные выступления лучших гимнастов страны в Доме физкультуры (ДФК). Восхитило выполнение упражнений на кольцах мастера спорта, чемпиона Азаряна, который продемонстрировал свой знаменитый крест на кольцах с долгой его фиксацией и поворотом головы вправо и влево. Мастер спорта по гимнастике, чемпион Шагинян очаровал нас своей великолепной работой на перекладине, легко и свободно выполняя обороты с поворотами и перехватами рук на высоте. Увиденное поразило меня, я стал усиленно тренироваться, накачивая силу мышц двухпудовой гирей, и мог свободно держать гирю на вытянутых руках, несколько раз перекреститься правой рукой с гирей. После долгих тренировок я все же добился выполнения и фиксации креста на кольцах и больших оборотов на перекладине. Параллельно с работой на

Минас Багдыков держит в зубах двухпудовую гирю

гимнастических снарядах Савич обучал нас оценивать выполнение каждого элемента в баллах на гимнастических снарядах и в вольных упражнениях, постепенно подготавливая к судейской работе. Комплексное обучение гимнастике организовывало каждого из нас, дисциплинировало, приучало к осмыслению своих действий.

Полученные в детские годы навыки пригодились мне в жизни. Работая хирургом, я с благодарностью вспоминал своего учителя по гимнастике, научившего меня заранее продумывать все возможные варианты по ходу выполнения операции и предполагать ее длительность.

Удивляла и прозорливость этого мудрого человека, который предупреждал нас о необходимости заниматься физкультурой: «Наступит время, когда вы сядете в автомобиле и перестанете ходить и бегать, заплывете жиром, не забывайте о спорте, делайте зарядку, много ходите».

В школьные годы по воскресеньям меня с братом водили в цирк шапито, который располагался во дворе одного из домов рядом со зданием Дворца пионеров. Прежде чем попасть на представление в цирк, мы с братом обязательно шли на угол перекрестка улицы Энгельса и проспекта Буденновского для того, чтобы посмотреть необыкновенное красивое зрелище, как постовой, статный милиционер, управлял движением транспорта. На всех четырех углах скапливалось большое количество людей. Спустя год в центре перекрестка был повешен светофор, которым управлял из кабинки милиционер, людей по углам перекрестка уже не было. Посещение цирка мне нравилось, и я не пропускал ни одной новой программы, увлечение гимнастикой способствовало этому. Я мечтал быть артистом цирка, держал двухпудовую гирю в зубах, наклонившись вперед, ездил на велосипеде, на скорости стоя на сиденье и руле. Цирк шапито в моем сердце и памяти оставил яркие незабываемые впечатления демонстрации силы, мужества, ловкости, остроумия, радости жизни. В цирке моего детства был особый аромат арены, уважение артистов к публике, к нам, детям. Вспоминаются звуки оркестра под управлением дирижера Цвайга. Незабываемое впечатление оставалось от выступления ведущего, великолепно сложенного, всегда опрятно одетого и, как мне казалось, с неповторимым, присущим только ему, громким, четко произносящим слова, красивым густым звучным бари-

тоном – Артура Минасова, потомственного нахичеванца, в прошлом великолепного акробата. Каждая программа цирка знакомила ростовчан с работами лучших мастеров этого жанра нашей страны, да и мира. Это яркие выступления клоуна Карандаша, иллюзиониста Игоря Кио, дрессировщицы тигров Ирины Бугримовой, мастеров советской сатиры.

Однажды, когда я уже работал врачом-хирургом в ЦГБ, позвал меня в кабинет профессор и предложил поехать в цирк, отвезти рентгеновский аппарат из экспериментальной лаборатории. Нам с лаборантом предстояло сделать рентгенограмму легких львице дрессировщика Вальтера Запашного.

Запашный встретил нас радушно, просил не волноваться, утверждая, что львица спокойная, в дороге, возможно, простудилась. Мы установили аппарат, нас поместили в металлическую клетку для зверей, вывели львицу, уложили ее на кассету. Действительно все было спокойно настолько, что мы вышли из клетки и рекомендовали чуть правее подвинуть львицу. Снимок был сделан. В благодарность Вальтер Запашный предложил мне привести сына, чтобы показать ему кормление зверей. Мы приехали в назначенное время, он встретил нас так же любезно, показал их «детский сад», только что рожденных львят, которых ласкали, обнимали его дети. Поразило кормление пумы, которой был брошен живой кролик: мгновенно, в одну секунду, она схватила на лету жертву, и нам удалось увидеть только медленно летящий пух. Запашный показал нам огромных собак, сказав, что доги – это его спасители, во время выступления они стоят на страже, в случае нестандартного поведения животного на арене доги бросаются на львов, защищая хозяина ценой собственной жизни. Оказалось,

что такой знаменитый дрессировщик целыми днями находится со своими подопечными. Вальтер Запашный сказал, что они должны его постоянно видеть, ощущать его запах и чувствовать заботу о них.

Незабываемое впечатление осталось от посещения воскресным днем с классом театра комедии (ныне ТЮЗ). Шел последний год Великой Отечественной войны, а театр уже стал работать, переключая мысли и сознание ребят на мирную жизнь.

Открылась библиотека имени А.С. Пушкина в великолепном сказочном доме купца Искидарова, где работал читальный зал и выдавались книги, хранившиеся в единственном экземпляре, удивительно любезными, охотно помогающими выбрать нужного автора, знающими свое дело библиотекарями.

В школьные годы часто во второй половине дня мальчики и девочки из близлежащих домов собирались у дома моего одноклассника и друга Бориса Промета, играли в различные игры, а затем рассаживались на ступеньках его дома, обсуждали прочитанные книги, которые приносила «книгоноша» и за мизерную плату отдавала их на время для прочтения. Среди девочек были не только сестры Бориса, но и две очень скромные сестры Гришаевы, одна постарше другой, жили они в угловом доме на 23-й линии. Ту, что постарше, звали Аллой, а младшую Маргаритой. Больше времени с нами проводила младшая сестра, старшая чаще всего читала книги у них в саду. Играя с нами, они отличались тем, что всегда помнили отпущенное им время для гуляния, в назначенный час и даже раньше бежали домой.

Время, годы брали свое, появлялись новые знакомые, приятели, но добрый след от этой детской дружбы остался на всю жизнь. Мы всегда помнили друг о дру-

ге и при малейшей возможности обращались за советом и помощью, помогали, чем могли. Как-то раздался звонок телефона, услышал голос Маргариты, она сообщила мне, что Алла умерла и просила перед смертью передать мне письмо, в котором благодарила меня за помощь, которую оказывал ей, обращаясь к своим коллегам, лечившим ее. Стали чаще встречаться с Маргаритой, оба пенсионеры, и как-то, вспоминая детство, она поведала мне свою историю. Вырастила двух сестер тетя, родная сестра мамы, после ее гибели. Возвращаясь с базара домой, их мама попала в облаву, немцы взяли ее в заложницы и привели на 23-ю линию во двор детского сада дома № 6. Собрав положенное количество ни в чем не повинных людей, повели их на 21-ю линию во двор углового дома на Инженерной улице, загнали в сарай, который облили бензином и подожгли. Все заложники заживо сгорели. Маргарита и ее сестра добивались, чтобы имя их матери было как-то увековечено, обозначено место совершенного злодеяния, но безрезультатно. Я неоднократно пытался ей рассказать, что был свидетелем того, как собирались жертвы во дворе детского сада, но все не хватало сил, не хотелось огорчать уже немолодую женщину. Маргарита ушла в мир иной внезапно, а у меня осталось чувство вины перед ней...

Наша семья жила в доме напротив того места, куда приводили заложников, мы наблюдали за происходившим из окон. В квартиру постучались, это была хорошо нам известная доктор Е.Е. Шапошникова. Она поведала, что схватили ее мужа Сережу, он там, в толпе. «Дайте что-либо ценное!» – взмолилась она. Ценным в доме были отцовские ручные часы, которые хранились у меня в кармане, заложенные сверху носовым платком, на случай если придут с обыском немцы, румыны. Мама

отдала ей эти часы, и мы видели, как доктор дала их часовому, который вытолкнул ее мужа на улицу. Я не мог огорчить подружку своего детства, поведав ей об увиденном. В этот период времени во дворе лесной школы были расстреляны мирные жители, которых выхватывали из домов, а также прохожие для количества. Перед тем как покинуть город, фашисты расстреляли наших пленных во дворе артучилища. К сожалению, и это место злодеяния фашистов не обозначено для памяти потомков.

Жители Нахичевани с ужасом пересказывали друг другу, что на Нольной линии из углового дома вывели мирных жителей и семью старого детского врача, почтенного профессора медицинского института, хватали и тех, кто случайно проходил мимо по улице, для полного счета, а затем расстреляли.

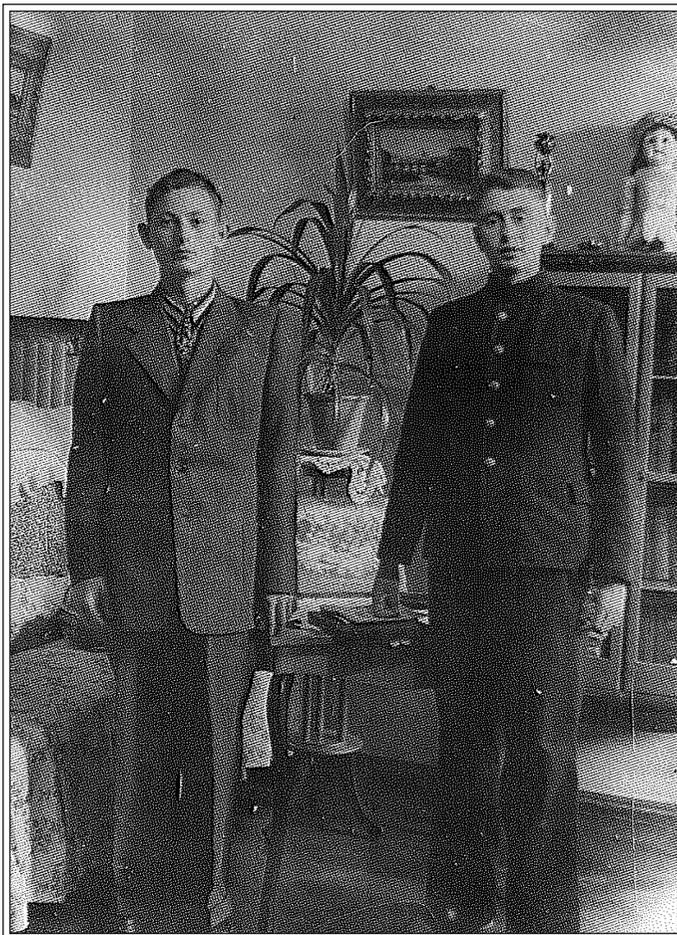
Поколению ребят довоенного и послевоенного времени повезло: они явились как бы эстафетой передачи знаний от тех, кто в юности изучал закон Божий, унаследовал святое отношение к высшим идеалам человеческой морали, в сознании которых сама жизнь и педагогическая деятельность, творчество учителя были Богу угодным делом. У многих из них ко времени государственного переворота в 1917 году были уже выработаны и закреплены педагогические навыки и нравственное отношение к выбранной ими специальности, гражданскому долгу. Многие из наших преподавателей были из их числа.

Дети войны, узнавшие голод, холод, разруху, оказались жизнестойкими, стремящимися к лучшему, постигали высоты научных знаний, сами являлись их проводниками для молодого поколения, старались сохранить лучшие традиции цивилизованного мира. Ученики на-

шего класса поддерживали связь друг с другом, помогали в случае необходимости. Практически все получили высшее образование, шесть человек стали докторами наук, двое лауреатами Государственной премии, имелись кандидаты наук, руководители крупных закрытых военных заводов, несколько человек работали в конструкторских бюро космической промышленности. Те, кто ушел после седьмого класса учиться в ФЗО, стали великолепными специалистами на производстве. Всем этим мы обязаны нашим преподавателям, которых часто вспоминаем с благодарностью за их самоотверженный труд и любовь к своему делу.

Нашему поколению повезло с преподавателями, перенявшими от своих учителей святое отношение к делу просвещения, обучению азам своего предмета, любви к ученикам. В разные годы при встречах одноклассников мы не уставали подчеркивать искренность слов благодарности нашим учителям за терпение, умение индивидуально подойти к каждому из нас. Как-то я задал вопрос однокласснику, Виктору Александрову, только что получившему Государственную премию за расчет движения космического корабля: «Чем для тебя были знания, полученные по математике в школе, как они тебе помогли в учебе в университете?»

Методологически наши преподаватели блестяще владели знаниями своего предмета, каждый из них был достоин великого признания и памяти. Некоторых из них хотелось бы вспомнить добрым словом поименно. Русский язык преподавала Прасковья Васильевна – немолодая женщина, явно нуждающаяся, порой полуголодная, но бесконечно преданная своему делу; знания, которыми она одаряла каждого, оставались в душах ее учеников благодарной памятью. Весьма неординарно вела

Друзья детства Павел Школьников и Константин Гугуев

уроки Елизавета Петровна Чараева. Обладая глубокими знаниями предмета, эрудицией, великолепным пониманием русской классической, а также зарубежной литературы, тонко и взвешенно разбирая произведения, с неоднозначным творческим подходом, она снискала к себе и к своему предмету любовь и уважение, а для многих определила и выбор будущей профессии. Ее дом всегда был полон творческой молодежи. Только у нее в доме можно было поговорить о творчестве тех писателей и поэтов, кто не был включен в обязательную программу: Есенине, Блоке, Достоевском, Гете, Беранже. Как преподаватель она имела необычную манеру общения в классе с ребятами. Будучи близорукой настолько, что текст подносила буквально к линзам очков, она обычно располагалась в самой гуще класса и завораживала ребят прекрасной русской речью и логикой повествования. Уроки ее проходили в полной тишине и пролетали незаметно, только звонок напоминал ребятам, что время счастья закончилось. Она незаметно подключала учеников к работе, исправляя их неточности в рассуждениях. Знала ребят по голосам, называя имя и фамилию ученика. В журнале появлялись оценки, которые практически никто не оспаривал. Дружили с ней практически все выпускники до самой ее кончины.

Не менее одаренной личностью была и Елизавета Ивановна Воскобойникова – русист и литератор. Она не только любила русскую литературу, но и знала наизусть целые страницы из произведений Островского, Грибоедова, причем она не просто читала, а как бы проигрывала образы. Порой она давала трактовку того или иного слова, указывала на его происхождение и силу звучания именно в этом тексте, как бы подчеркивая особенности характера произведения. Елизавета Ивановна была по-

истине русской интеллигенткой, поклоняющейся всему русскому, российскому. Живя в окружении армянских семей, Елизавета Ивановна широко открывала двери своего дома ребятам всей округи. На летних каникулах принимала нас как своих детей, порой показывая, что все лучшее в жизни воспето в стихах, литературе. Непременно угощала чаем, а порой в четыре руки с сестрой они играли классические произведения на старом пианино. Впервые у нее в доме я услышал многие романсы Вертинского. В школе, где царил атмосфера некоторой дистанции между учениками и учителями, Елизавета Ивановна, пожалуй, была единственным человеком, к которому можно было обратиться и рассказать все как на духу. Она могла не только бескорыстно дать дополнительный урок, но и искренне обрадоваться хорошему ответу ученика, пусть и неуспевающего ранее. При этом на ее большом умном лбу расправлялись морщинки, а в глазах появлялась одобрительная смешинка.

Математика в старших классах держалась на Ольге Адамовне Кечек и Поляковой. Эти женщины посвятили свою жизнь педагогике, были образованными преподавателями, блестяще владели азами математики и преподавания этого сложнейшего предмета, выделяя в качестве приоритета индивидуальность ученика, его личностные качества. Многие их выпускники выбрали специальность с математическим уклоном и стали впоследствии крупными специалистами, учеными, профессорами, среди которых были академики и члены-корреспонденты Академии наук (доктор наук, академик, директор института Мержанов, доктор юридических наук Баглай и многие другие).

Особую любовь и уважение в нашей школе и далеко за ее пределами испытывали ученики к математике

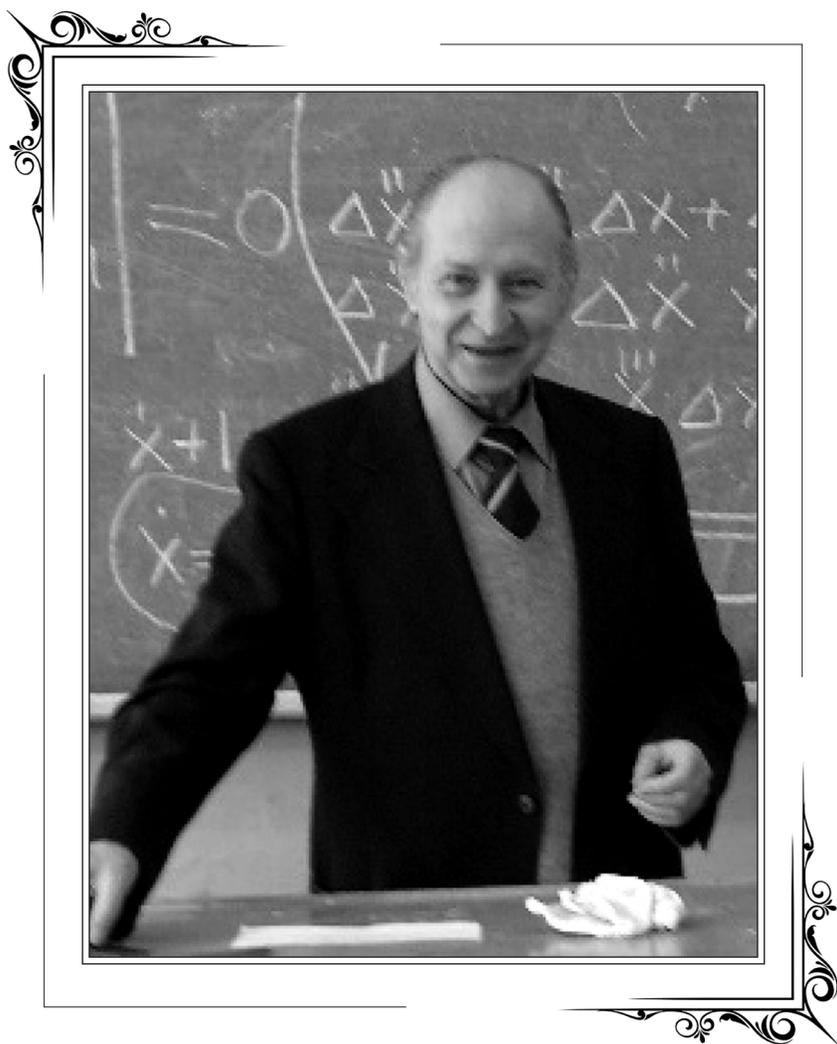
Классная руководительница Стефа Васильевна Яковенко (в центре) со своей семьей и М.Г. Багдыковым

Школьный друг академик Эдуард Иосифович Липкович

Стефе Васильевне Яковенко. Она не только блестяще вела этот сложный предмет, но и была великолепным методистом, а главное – воспитателем. У этого педагога было все строго и прекрасно, начиная с ее прически, одежды, голоса, четкости преподнесения нового материала. Она знала о каждом ученике все и даже то, во что он одет и насколько сытым приходит на занятия. О ней мы знали, что она мать двоих детей, дочь – учащаяся старших классов женской школы и сынок наших лет. Как-то наш родственник М.Г. Чарыхов рассказал, что после окончания университета к ним в станицу Павловскую, где он работал врачом-хирургом, приехала молодая пара преподавателей, которые обратили на себя внимание тем, что осенью, по дороге в школу, муж, высокий красивый мужчина, ежедневно переносил на руках через огромную лужу свою жену – это была учительница математики Стефа Васильевна. Позже я имел счастье быть знакомым с ее мужем Степаном Степановичем, наидобрейшим человеком, умнейшим методистом-математиком. Ученики в классе узнали, что дочь Стефы Васильевны окончила школу с золотой медалью – это значило много в наше время.

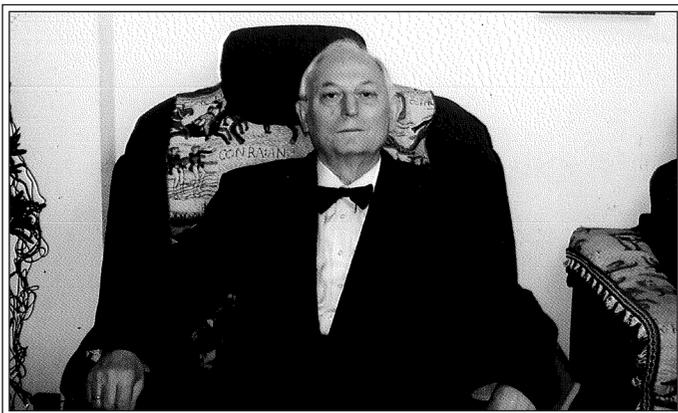
Уже в зрелые, предпенсионные, годы мы, ее выпускники, задавались вопросом, какими приемами эта красивая, всегда строго одетая, аккуратно причесанная, умеющая держать дистанцию со своими учениками женщина давала великолепные знания по математике, смогла заложить полувековую дружбу между ребятами руководимого ею класса. Ее ученики стали видными учеными, профессорами, академиками, просто порядочными, полезными обществу людьми (доктор наук, академик В. Александров, доктор наук, академик Э. Липкович, доктор наук, профессор Х. Сагиров, Э. Маркарьян и дру-

*Школьный друг, доктор наук, академик
Виктор Михайлович Александров*

Школьный друг Эдуард Арамович Маркарян

Друг детства Павел Павлович Школьников

Школьный друг профессор Владимир Васильевич Соколов

гие). Более тридцати лет проработал я в высшей школе, и все это время вспоминал педагогов моей юности и те приемы общения с обучающимися, которыми они пользовались. Да, в своей семье у Стефы Васильевны был образцовый порядок, дочь стала крупным в Ростовской области судьей областного суда, зять был одним из видных руководителей, умным, образованным человеком, внучка – доктор наук, профессор университета. До последних дней жизни Стефы Васильевны ученики старались посещать свою любимую учительницу, проводили ее в последний путь.

Особое место в школе занимал фронтовик, боевой летчик Петр Георгиевич Ковалев. Преподаватель физи-

ки, он был великолепным методистом, написал и издал задачник по физике, известный всей стране, защитил кандидатскую диссертацию по методике преподавания физики в школе. Его любовь и преданность детям и школе были общеизвестны; он не прекращал связи с детворой даже тогда, когда работал в качестве доцента в педагогическом институте. Удивительно, что заложенные им знания оставались у его учеников даже спустя 30–40 лет. Он умел особым, только ему присущим педагогическим приемом донести до сознания ученика основу, стержень каждого положения физики. На всех этапах сложного жизненного пути приходилось мне с благодарностью вспоминать Петра Георгиевича: и тогда, когда готовил экспериментальную часть диссертации, и тогда, когда участвовал в организации первой на юге России лазерной лаборатории применения различных длин волн в хирургии, и когда, будучи уже доцентом, изучал основы компьютеризации, создавал программы и учил использовать их в педагогических целях.

В памяти на всю жизнь осталась очаровательная, всегда красивая и модно одетая преподаватель английского языка Мария Георгиевна Погуляева. Многие из ее учеников стали профессионалами, переводчиками, работающими на международном уровне, полученные знания помогли многим сдать кандидатский минимум, читать, переводить тексты с английского языка.

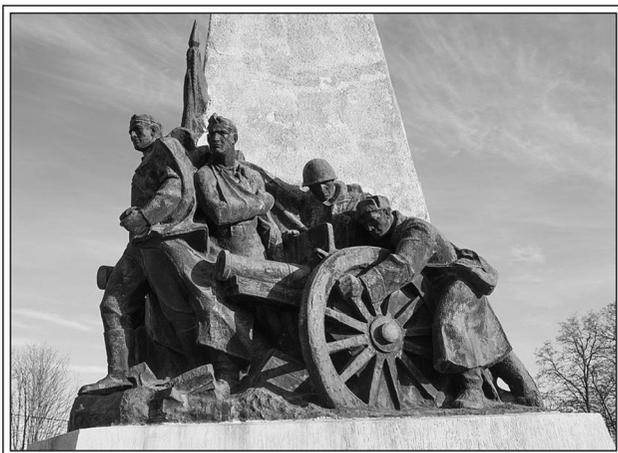
Историки – Павел Васильевич Магер (защитил докторскую диссертацию, профессор, заведовал кафедрой психологии) и Павел Иванович Пешков, инвалид войны, человек активных позиций, блестящий оратор, педагог, внимательный и требовательный классный руководитель. Вся атмосфера, царившая в школе в период войны и в послевоенное время, была направлена на ориентиро-

вание нас к мирной жизни, стремление стать полезными людьми в обществе, и всю жизнь мы старались прожить так, чтобы за нас не было стыдно, так воспитывали и мы своих детей.

В молодые годы казалось, что детство и юность забудутся, как перенесенные болезни, а средняя школа останется в памяти. Но со временем именно они становились яркими воспоминаниями, с их наивностью, первозданностью, порой и комизмом, как родимые пятна – навечно о тех, навсегда улетевших годах...

В городе как-то произошло неординарное событие: режиссер Юрий Георгиевич Калугин создал свое очередное эпохальное полотно «Камешки нашего детства». Это работа о нашем детстве, юности, возможно, и старости, об эпохе ребят сороковых годов. Она напомнила мне картину Карла Брюллова «Последний день Помпеи», где остается одна надежда, что в этой губительной неразберихе, возможно, спасется художник, который оставит потомкам память о тех, кто некогда жил нормальной и размеренной жизнью, кому все человеческое и нравственно чистое было не чуждо. Юрий Георгиевич как бы вновь заставил нас перенестись во время нашей юности, школьные годы, когда не испорченных жизненными передрягами обучали нравственно чистому, разумному и вечному. Радостно не только талантливому режиссеру, но и зрителям, что некогда заложенные в сознание детей честность, порядочность, милосердие проросли великолепными всходами. И все же война оставила неизгладимый след в сознании и памяти мальчишек. Много горя, трагедий, поломанных, несостоявшихся судеб...

Мы с радостью узнали, что в Мясниковском районе прославленным скульптором Евгением Вучетичем

*Памятник героям-артиллеристам батареи С. Оганова
в селе Большие Салы*

Мемориал Славы на Самбекских высотах. Таганрог

сооружен великолепный памятник батареям, защищавшим подступы к Ростову, в течение трех дней уничтожившим более 20 гитлеровских танков. Весь расчет погиб, но их подвиг живет в сердцах благодарных ростовчан. Звания Героя Советского Союза посмертно были удостоены: лейтенант Сергей Оганов, Сергей Васильев, продолживший бой с врагами после смертельного ранения Оганова. Растратив весь боевой запас и получив ранения, он со связкой гранат бросился под танк, уничтожив боевую единицу врага.

...По нашей улице ходила молодая женщина, сильно припадая на здоровую ногу, с палочкой в руке, вероятно, страдала какой-то врожденной патологией, при встрече всегда доброжелательно улыбалась. Она работала провизором в нашем районе в большой аптеке, звали ее Таей. Жители знали, что Тая выручит, подскажет, потребует быстрее приготовить лекарства по рецепту врача. Как-то, по какому-то случаю стал я с восторгом говорить своему школьному другу Борису Промету добрые слова в адрес Таи, как вдруг лицо моего друга изменилось, покраснело, а затем побелело, и он резко ушел домой. Спустя некоторое время он мне пояснил, что Тая – сестра женщины, которая при оккупации города была старостой их квартала и многих людей выдала гестапо, в том числе и его отца. Он офицером служил в армии и под Ростовом попал в окружение, бежал, вернулся домой, прятался. Однако сестра Таисии выдала его, после чего он исчез бесследно. В результате семья моего друга оказалась в нелепом положении: для наших он был дезертир, для немцев – офицер Красной армии. Приходилось молча переживать. Позже сестру Таисии судил наш суд, дали срок заключения, отсидев положенное, она вернулась озлобленной на весь мир. Мой друг и его

брат получили высшее образование, работали ведущими инженерами на крупных предприятиях. Мать, воспитавшая их, медицинская сестра, работала от зари до зари, страдала гипертонической болезнью.

До глубины души меня удивляет непоколебимость каких-то приказов, постановлений семидесятилетней давности, изданных применительно к каким-то событиям, но потерявших свое значение в наше время и все же негласно действующих, порой во вред новому поколению. Так были покалечены судьбы несчастных солдат, офицеров, попавших в окружение и оказавшихся в плену, незаслуженно перенесших унижения, насилие над собой и своей душой, выдержавших ад плена, концлагеря, оказавшихся живыми, испытавших радость освобождения нашими войсками из плена и... вновь попавших в лагерь у себя в стране, а затем ведущих жизнь человека второго сорта. Ярким примером может служить судьба Александра Печерского, организатора группового побега из концлагеря Собибор.

В студенческие годы меня как молнией поразила весть о том, что в одной из ведущих клиник института ассистент, запершись в ординаторской, сделал себе «харакири» ампутационным ножом, оставив записку о том, что он не мог выдержать несправедливого отношения к нему, человеку, прошедшему плен, издевательства фашистов, организатору побегов военнопленных, помогавшему нашим заболевшим солдатам в плену. Уже после этой трагедии, через десятилетия, в воспоминаниях одного из узников концлагеря было отмечено, что врач-хирург Сорокин, герой, организатор подпольного сопротивления, побегов, лечил их и даже оперировал.

Мне пришлось быть и свидетелем переживаний дорогого, любимого мной человека, моей жены. Отец ее —

врач, офицер, с первых дней войны был мобилизован, участвовал в боях, писал письма с фронта. В последнем письме им было написано: «Война еще не окончена. Если наша дочь Галина счастливая, то я буду живой». Письма перестали приходить, и ее отец считался пропавшим бесследно. Этот факт ложился нехорошим пятном на биографию семьи.

И вдруг неожиданно, спустя 55 лет, наша семья узнала из «поминального списка», опубликованного в газете «Молот», о том, что он погиб в страшном по своей бесчеловечной сущности концентрационном лагере для военнопленных в городе Славута, на Украине. «Дорогой в ад» называли этот концлагерь. В найденных записках о погибших солдатах концлагеря было сказано о том, что на неоднократные предложения фашистов сотрудничать военный врач Нагапет Серопович Явруян отвечал: «Я буду рядом со своими солдатами и разделю их участь».

Все годы врача-героя, высоконравственного человека, гражданина, помнили и ждали жена, дочь, отец, мать, сестра и близкие родственники, друзья. О нем, как о без вести пропавшем, говорить вслух было не принято. А говорить было нужно, поучительно, а для многих поколений врачей, давших однажды клятву Гиппократу, поучительно на века. В память о своем дедушке два внука – врачи Тигран и Георгий – провели архивный поиск, повстречались с живыми односельчанами, записали воспоминания о нем как о человеке, враче и издали небольшую книгу. В местном музее села Чалтырь, где он родился, была проведена ее презентация, выступали родственники, друзья детства, учащиеся школ. Готовится внуками и второе, дополненное, издание книги. Невольно ловишь себя на мысли о том, как много по-

Нагапет Серопович Явруян

лезного мог бы сделать этот чистый, светлый, отзывчивый, высоконравственный человек, сложись судьба его иначе, будь он жив...

Я знаю многих из тех, с кем он учился в институте, был дружен, сфотографирован в выпускном альбоме, какой жизненный путь прошли и как доживают некоторые из них свой человеческий век, чем удивили мир и что оставили после себя, уйдя в мир иной. Были и те, кто ловчил, украдкой портил ему жизнь, карьеру ученого. Вернувшись живыми после войны, они пользовались благами победы, и все же в итоге – конец, забвение да Божий суд по праву. Практически немногих из его сокурсников помнят по оставленному яркому следу на земле, а он оставил хотя бы уже тем, что был врачом в тяжелые дни и часы испытаний солдат. Это удивительное эхо войны спустя 55 лет, весть о нем показали, на кого следует равняться в жизни, по каким человеческим идеалам, Божьим законам. О такой судьбе и жизни слагаются песни, пишутся стихи, пьесы и романы. Поднявший свою мерзкую нечеловеческую голову на Украине фашизм еще и еще раз напоминает нам и всему человечеству о трагических событиях, унесших в мученических страданиях тысячи российских солдат...

С юношеских лет меня завораживала личность нашего соседа Константина Федоровича Кечекяна, у которого в саду был идеальный порядок, по сезону расцветали различные цветы, радуя глаз и насыщая ароматом окружающий их воздух, деревья приносили великолепные плоды, в вольере содержались экзотического вида куры, ползали черепахи, дом охраняла красивая немецкая овчарка. Сосед был доктором-хирургом, небольшого роста, крепкого телосложения, говорил тихо басом. Медицинское образование получил в Германии, вла-

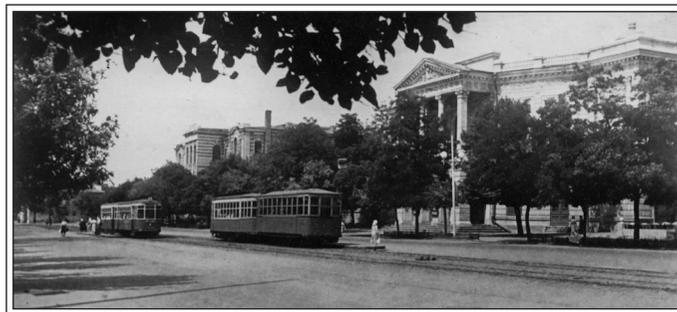
дел немецким языком, воевал в первую империалистическую войну, как хирург оказывал помощь раненым. Жена-красавица преподавала немецкий язык в школе. Константин Федорович был великолепным хирургом, возглавлял хирургическое отделение. По возрасту и болезням был освобожден от военной службы. Он получил указание от руководства города в случае оккупации помогать населению, выполняя свой долг хирурга. Так, мне он поставил диагноз «острый аппендицит» и произвел оперативное вмешательство.

В гости к Константину Федоровичу и его жене Юлии Петровне частенько заходил небольшого роста средних лет человек, всегда улыбающийся, опрятно одетый, приносивший в дом смех, веселье остроумными шутками и рассказами, звали его Григорий Кистов. Обычно с его приходом разговор переходил на немецкий и французский языки. Оказывается Григорий был сыном миллионера-лесопромышленника Кистова, отличавшегося в Нахичевани тем, что вкладывал значительные средства в благоустройство города. Построил доходный дом и отдал его под музыкальную школу, возглавляемую пианистом Пресманом (ныне это школа № 1 Пролетарского района), где, приезжая в Ростов-на-Дону, выступал С. Рахманинов, проходили встречи с М. Шагинян. Григорий Кистов был образованным человеком, скромным служащим, имел семью и жил в однокомнатной квартире, стараясь не привлекать внимания к своей персоне, блестяще разбирался в искусстве, живописи, музыке, природе, особенно цветах, любил животных, собак, знал в них толк. С Константином Федоровичем они беседовали о лошадях и возможных победителях на предстоящих скачках.

В девятом классе, начитавшись произведений Л.Н. Толстого, я решил пойти на скачки, окунуться в ат-

Ростов-на-Дону, проспект Буденновский. 1955 г.

Ростов-на-Дону, площадь Свободы. 1955 г.

мосферу ушедшего от нас времени. На сэкономленные от школьных завтраков деньги купил билетик на номер облюбованной мною лошади. Увидев меня на скачках, Константин Федорович подозвал и пригласил зайти в свою ложу. Поинтересовался, на какую лошадку я поставил, хмыкнув, сказал, что она будет предпоследней. «Как так?!» – возразил я. «А ты зайди ко мне вечером», – предложил он.

Выбранная мною лошадь пришла последней в заезде. Вечером, достав каталоги из-под дивана, он ознакомил меня с родословной «моей» лошадки. Скачки проводились после дождя, а у этой породы в нескольких поколениях были большие по размеру копыта, на которых задерживалась грязь, лошади были скоростные, но маломощные. «Молодой человек, думайте, прежде чем принимать решение», – напутствовал он меня.

Когда я уже работал врачом в ЦГБ, произошла незабываемая встреча с Константином Федоровичем. Он пришел на консультацию к моему профессору П.М. Шорлуяну. А затем я был его палатным врачом и участвовал в операции. В долгих откровенных беседах он поведал, что кропотливо и много работал в операционной, отработывая технику операционных вмешательств, читал самую передовую медицинскую литературу не только на русском, но и на немецком, английском языках. Он был практически первым, кто осуществил резекцию желудка у нас в городе, для этого неоднократно ездил в Москву к Березову, основоположнику желудочной хирургии. Вскоре после выписки он ушел на пенсию и подарил мне монографию С.С. Юдина «Этюды желудочной хирургии». На полях этой работы были поставлены им вопросы, необходимые для решения послеоперационного периода: знать особенности иннервации, морфо-

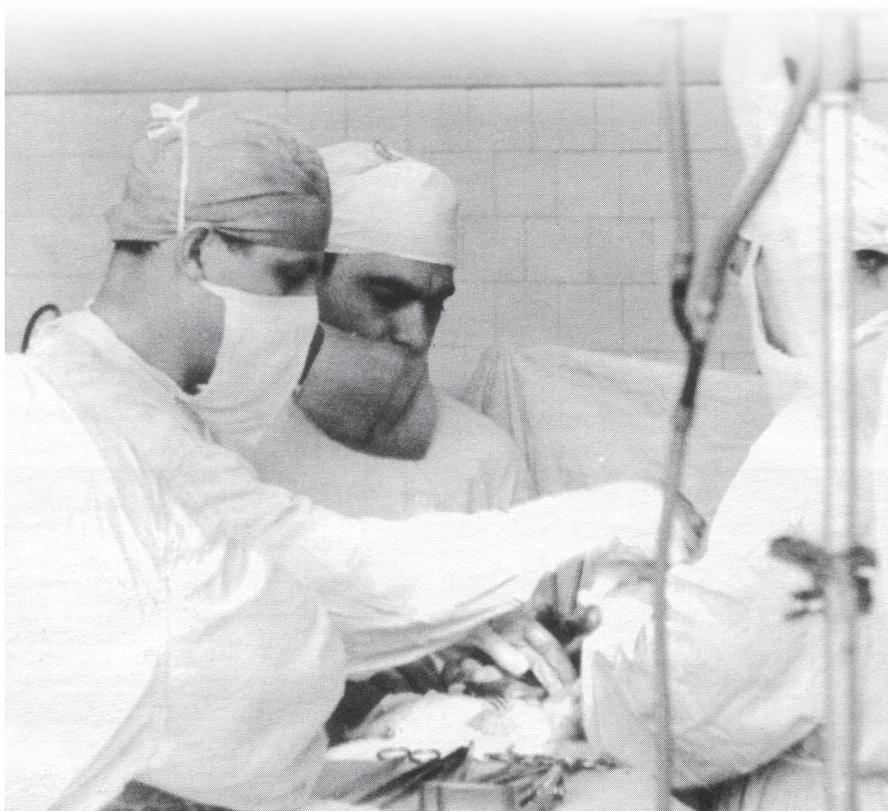
логии и физиологии уже оперированного желудка для реабилитации больного. Многие годы перед уходом на пенсию он работал старшим ординатором в хирургическом отделении областной больницы. Сотрудники относились к нему с особым уважением и почтением, ценили его огромный врачебный опыт, диагностические способности.

В военные и послевоенные годы нас, ребят, обогревали сведения о подвигах наших солдат, мы знали имена Героев Советского Союза, коллекционировали марки с их изображениями, обменивались ими, собирали недостающие, читали о боевых наградах, орденах. Собранная в детстве заветная коллекция марок сохранена и всю жизнь греет мою душу памятью о военных подвигах Героев Советского Союза. Жадно слушали мы рассказы о различных эпизодах боевых действий, пересказывали их друг другу.

Осталась в памяти встреча с племянником моего дедушки Минаса, вернувшимся с фронта хирургом Михаилом Гавриловичем Чарыховым. Он прошел две войны, оперируя бойцов, спасая им жизнь в самых невероятных условиях по меркам классической хирургии. Меня интересовало, имел ли он личное оружие и часто ли ему доводилось стрелять из него. Грустно улыбнувшись, Михаил Гаврилович сказал: «Практически из него я не стрелял, мне приходилось излечивать раны тех, в кого стреляли, оперировать в землянках при свете фар студебекеров».

Глава III

ПУТЬ В ПРОФЕССИЮ

В военное и послевоенное время медицинские работники пользовались особым уважением среди населения, особенно тех, кто прошел войну. Война оставила следы не только в душах, но и в телах наших бойцов. Солдаты, благодарные за сохраненную им жизнь, способность трудиться и быть полезными обществу в мирное время, с особым уважением относились к врачебной специальности. У ребят, окончивших школу, появилось желание стать врачами. Большое количество демобилизованных из армии молодых солдат мечтали приобрести эту благородную специальность, их принимали в институт без конкурса. Яркие примеры жизни врачей, окружающих меня, вызывали восторг и желание повторить их жизненный и профессиональный подвиг. Решение поступать в медицинский институт созрело у меня в девятом классе, и эта мысль стала настойчиво преследовать, хотя огромные конкурсы при поступлении вызывали чувство страха. Периодически, по вечерам, приходил я на территорию института и в темноте бродил по дорожкам, мечтая, что когда-нибудь, возможно, мне посчастливится пройти по ним уже студентом. Это чувство сохранилось у меня на всю жизнь, даже тогда, когда стал студентом, получил диплом врача, защитил кандидатскую диссертацию, был ассистентом и доцентом кафедры. Благодарность и уважение к этому святому месту до сих пор храню в своей душе. В послевоенное время в медицинском институте значительная часть профессорско-преподавательского и вспомогательного состава были военными, прошедшими дорогами войны, испытавшими все ее ужасы, видевшими смерть в глаза, ценившими мирную жизнь, старавшимися передать свой богатый опыт молодому поколению, студентам, будущим врачам.

Софья Минасовна Багдыкова-Карташова

Моим поступлением в медицинский институт я обязан своей тете Софье Минасовне. Весь период обучения, реализации моих задумок она постоянно держала на контроле, подсказывала, помогала. Для нее было важно увидеть меня врачом. Она гордилась моими успехами в научной работе. В моей жизни с ней было связано все: она первая взяла меня на руки в минуту моего появления

на свет, шла рядом со мной до конца своей жизни, воспитывала собственным примером, прививала любовь к медицине. Радовалась рождению моих детей, так же принимала их в минуты появления на свет в родильном доме, где она работала. К врачебной специальности она приобщила более двадцати своих родственников, среди которых были хирурги, урологи, гинекологи, педиатры, эндокринологи, психиатры, врачи-лаборанты, организаторы здравоохранения, научные работники.

Студенты первого курса с интересом слушали рассказы старшекурсников о легендарном, героическом профессоре, ученом с мировым именем, хирурге-экспериментаторе Н.А. Богоразе, который своими изысканиями в пластической хирургии и пересадке органов и тканей, разработками новых видов оперативных вмешательств еще в 30–40-е годы прошлого столетия перешагнул в XXI век. Как-то Н.А. Богораз после тяжелого, напряженного рабочего дня спешил на консультацию больных. Вскочив на подножку переполненного трамвая, не удержался за поручни, сорвался и попал под колесо вагона, которое переехало ему обе ноги. Огромная сила воли и мужество этого человека заставили содрогнуться, восхититься его учеников: уже на тридцатый день после ампутации обеих нижних конечностей он потребовал отвезти его на каталке в палаты на обход больных. Вскоре он доложил хирургам на обществе о состоянии человека, которому колесо переезжает ноги, в журнале «Хирургия» была опубликована большая статья, анализирующая психологическое состояние пострадавшего. Лишенный ног, он на протезах оперировал больных, а после объявления войны пошел служить в армию и стал главным хирургом эвакогоспиталя. Всем своим видом Н.А. Богораз внушал молодым солдатам, получившим

увечья на фронте, что жизнь продолжается и они могут быть полезными в мирной жизни. После войны профессор Н.А. Богораз возглавил клинику во втором Московском медицинском институте, где первым помощником его был доцент Б.В. Петровский, будущий академик, министр здравоохранения СССР. За разработку и клиническое внедрение метода наложения сосудистого шва и огромный вклад в науку патриоту, гражданину было присвоено звание лауреата Государственной премии.

В нашем институте проводилось несколько больших конференций, посвященных памяти этого великого хирурга, экспериментатора, учителя, гражданина. Была издана книга о Н.А. Богоразе профессором Петром Петровичем Коваленко и ассистентом И.И. Ваниевым. Многие детали, особенности характера и образа жизни знаменитого хирурга мне известны из рассказов нашей тети Софьи Минасовны. С мужем, Захаром Ивановичем Карташовым, учеником профессора Богораз, они частенько бывали у него дома в воскресные дни. Обычно Захар Иванович пропадал в библиотеке профессора, а его жена беседовала с хозяевами дома. Когда началась война и предстояло уехать из Ростова, жена Н.А. Богораз подарила нашей тете свой портрет в красивой рамке, большую фотографию коллектива кафедры госпитальной хирургии, в центре которой был Николай Алексеевич. Этот подарок Софья Минасовна бережно хранила всю жизнь.

В медицинском институте царил атмосфера приобщения студенчества к общечеловеческим ценностям — искусству, литературе, музыке. Руководство старалось деликатно помогать студентам выживать с маленькой стипендией. Так, в столовой на столах свободно лежали хлеб, горчица, соль, стоял чайник с чаем. Студенты

могли устроиться санитарями на кафедры, в больницы города. После третьего курса – средними медицинскими работниками. Быть студентом медицинского института для меня было особым счастьем. Крайне тяжелым оказалось учить анатомические названия на латинском языке, разбираться в особенностях строения человеческого тела, черепа.

И все же оставалось свободное время, которое можно было проводить с пользой и интересом. Так, можно было принять участие в работе симфонического оркестра института, которым руководил главный дирижер филармонического симфонического оркестра, заслуженный деятель искусств Г. Шапошников. В нашем институтском оркестре играли профессор Б.З. Гутников, доцент Цанколовский, заведующий курсом латинского языка Княгинин, аспиранты В.В. Соколов, Ю.Н. Бардюшков. Прослушав, взяли и меня. Чуть позже был организован эстрадный оркестр под руководством студента старшего курса Ваню Атаманова, неизменным конферансье был А.И. Поляк, впоследствии доктор медицинских наук, профессор, заведующий иммунологической лабораторией в ЦНИЛе.

В эстрадном оркестре выделялись своим постоянным участием Виталий Чирков – первая скрипка, Минас Багдыков – скрипка, Ваню Атаманов – ударник, Зарэ Карагулян – саксофон, кларнет. Солистами оркестра были Евгений Сулимов, Элла Демерчан, Михаил Евчатов. Партии для эстрадного оркестра расписывались Георгием Балаевым. В 1957 году в институте прошел большой студенческий фестиваль, на котором в сопровождении эстрадного оркестра выступали солисты: Татьяна Соколова исполняла романс из кинофильма «Карнавальная ночь», песню «Ты, только ты», Валентина Бардюжная –

*Публикация в газете «За медицинские кадры» №13, 9 апреля 1957 г.
(Минас Багдыков второй слева в верхнем ряду)*

польскую песню «Вишневый сад», Евгений Сулимов – немецкую песню «Маленькая Доротея», Римма Шкляр – аргентинскую песню «Нет, нет», Михаил Евчатов пел полюбившуюся студентам песню «Гитара моряка». Александр Поляк и Виктор Гуторов исполнили парный конферанс на институтскую тему. Активно работал дра-

матический кружок под руководством заслуженного артиста РСФСР Ненашева.

Во время летних студенческих каникул я с большим удовольствием работал в пионерском лагере в качестве вожатого, проводя все лето на Черном море, и даже получал заработную плату за это. Сама работа имела свои особенности: нужно было 24 часа находиться рядом со своим отрядом, быть ненавязчивым, но строго выполнять распорядок дня, следить за тем, чтобы ребята не покидали территорию лагеря. Особая ответственность ложилась на вожатого во время купания ребят в море, следовало быть внимательным и постоянно считать, сколько вошло в воду и сколько вышло из нее.

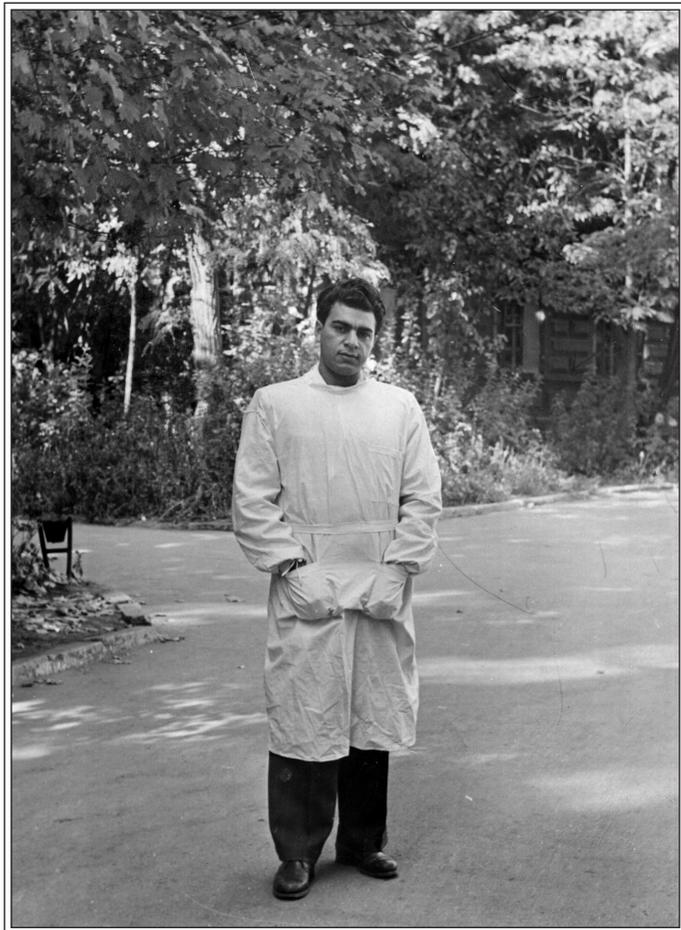
Коллектив вожатых у нас был дружный, надежный, проверенный в работе, в течение года мы поддерживали связь друг с другом и старались вместе выезжать на работу каждый год. Особую ценность для нас представляли музыкальные работники лагеря, люди высокообразованные, прекрасные специалисты своего дела, яркие музыканты. Это были преподаватели музыкального училища: Самаль – аккордеонист, Сигизмунд Спижевский – великолепный трубач, многие годы игравший в оркестре Лунгстрема. Каждый вечер, ложась спать, весь лагерь слушал мелодичную игру на трубе, создающую романтическое настроение в ущелье на берегу моря.

В эти годы для меня стало необходимым посещать филармонию, слушать исполнение классических произведений видными музыкантами не только нашей страны, а также выступления талантливых чтецов, таких как Дмитрий Николаевич Журавлев и других. Дмитрий Николаевич оставил в моем сознании неизгладимое впечатление. Это был невысокий человек с большой головой и открытым лбом, гладко зачесанными темными

волосами, выразительными карими глазами, мягкой, доверительной, обаятельной улыбкой. Он не производил впечатления красавца-любовника или мудреца, изрекающего истины. Читал произведения так, что они становились не только понятными, переживаемыми, слова, произнесенные им, были ясными, подчеркивающими смысловое значение предложения. И казалось, что все это обращено только тебе. Голос Дмитрия Николаевича Журавлева был неповторимым в своих интонационных модуляциях, по тембровой окраске, и его нельзя было спутать с чьим-либо.

Для меня это была первая школа понимания слова с его смысловой нагрузкой. Проходя через сознание и сердце произносящего, оно наполнялось силой и тембровой окраской, преобразовавшись таким тончайшим инструментом, каким являются человеческая гортань, голосовые связки и придаточные носовые пазухи. Этот звукосоздающий, звукоиздающий комплекс самой природой расположен вблизи сосредоточения разума человека. Читая стихи, Д.Н. Журавлев преображался, и при этом особое место в его облике занимали глаза, сверкавшие каким-то неповторимым блеском, подчеркивая и усиливая смысловое значение произнесенного им слова. Читая, например, «Шахерезаду», главу за главой, он воссоздавал только одним голосом зримые образы древнего Востока, ароматы ушедшего времени. Слушателям оставалось лишь закрыть глаза и оказаться в реальной действительности читаемого произведения, но желание смотреть на волшебника заставляло не отрывать взора от маэстро.

В этот период в Ростов приезжало большое количество деятелей искусства мирового масштаба, которые представляли великолепие русского слова и речи. Куль-

Студент медицинского института Минас Багдыков

тура исполнения, бережное отношение к слову наглядно проявлялись в концертах народной артистки СССР, профессора Московской консерватории Натальи Дмитриевны Шпиллер. Исполняемые ею русские романсы открывали для слушателей не только сам великолепный ее голос, но и мастерство подачи произведения, благодаря которому слышалось каждое слово.

Студентами мы слушали как замороженные четкие, ясные, доходчивые лекции Натальи Дмитриевны Крилицкой. В ее рассуждениях было тесно словам, но много места раздумьям и мыслям, понадобившимся нам на жизненном пути. Слова, произнесенные ею, звучали не только ясно, с правильными ударениями, но зачастую она давала им толкование, пояснение, таким образом они лучше запоминались и помогали усвоению тяжелого материала.

Позже мне стало известно, что все трое – волшебник-чтец, всемирно известная певица, профессор и доцент-микробиолог – были хорошими друзьями. Частые встречи обогащали их не только духовно, но и помогали в профессии.

Филармония для моего развития дала много как в понимании исполнительского искусства, так и в восприятии богатства и красоты русского языка. В филармонии, на концертах лучших скрипачей СССР, я впервые встретил и познакомился со своей будущей женой, студенткой музыкального училища, и ухаживал за ней вплоть до поступления ее в Саратовскую консерваторию.

С юных лет я был очарован профессором, хирургом Борисом Зиновьевичем Гутниковым, у которого было все необычно и красиво. Он умел рисовать, знал иностранные языки, доходчиво и четко читал лекции студентам, увлекался техникой, играл на рояле, великолепно испол-

нял произведения Шопена. Мы часто встречались с ним в филармонии на концертах знаменитых исполнителей. Однажды на концерте пианиста Штаркмана, известного исполнителя произведений Шопена, он вдруг полез в боковой карман, достал программку концерта, где он выступал с произведениями Шопена в Мариинском театре Петербурга. Борис Зиновьевич был выше среднего роста, с открытым умным лицом, крутым большим лбом, доброжелательной улыбкой. Первое впечатление о нем – профессор-белоручка, однако он с молодых лет увлекался ездой на мотоцикле, затем одним из первых в городе приобрел автомобиль, и это было его страстью, мелкий ремонт производил он сам. Сотрудники знали об увлечении профессора техникой и практически в каждой диссертации у них были рационализаторские предложения или изобретения. Владея великолепной техникой пианиста, он ежедневно в свободное время тренировался с помощью завязывания узлов. Это способствовало тому, чтобы быстро и надежно оперировать. Хирурги, работающие у него на кафедре, подражали своему учителю, имели хорошую хирургическую технику.

Искусство, войдя в жизнь человека, способствует его профессиональному мастерству. Мне были знакомы случаи, когда великолепные, одаренные молодые врачи, почувствовав однажды радость успеха своего творчества, бросали специальность и шли на подмостки театра даже в третьесортные актеры. Так, молодой доктор из семьи потомственных врачей Атаровых, способности которого были отмечены видным профессором гинекологом П.Я. Лельчуком, отказался от предложения продолжить обучение в аспирантуре, стать ученым. Всю свою жизнь он отдал делу служения актерскому искус-

ству, был великолепным бардом, писателем и уважаемым, любимым человеком в городе.

Мой друг Виталий Нартов, с которым в студенческие годы мы мечтали о карьере хирурга, не одну ночь провели в дежурствах по скорой помощи в ЦГБ, брал уроки пения у певицы Донцовой, певшей в молодости с Ф.И. Шаляпиным. Она обучала его пению, основам вокала, «поставила голос», а он очаровывал нас своим великолепным баритоном, исполняя романсы и арии из Москву, работал районным терапевтом и одновременно учился в консерватории. После пятилетнего обучения его заметили сотрудники Большого театра и пригласили работать в качестве солиста, ему дали квартиру и солидную зарплату. При встрече Виталий говорил о том, как счастлив работать в театре, ведь он может слушать великих представителей искусства нашей страны, петь в одной опере с Вишневской. «Все же я остаюсь для окружающих меня артистов доктором, ко мне обращаются за врачебными советами. Наша врачебная специальность помогает мне в артистической работе, оказывается, я знаю глубже психологию людей, что помогает свободно ориентироваться, держаться на сцене в спектакле, исполняя свою партию», – рассказывал он. Спустя множество лет после окончания института я понимаю, что в студенческие годы мне повезло дружить с замечательными людьми, умевшими мечтать, красиво и с пользой проводить досуг, добиваться поставленной цели, представляя пласт интеллигенции нашей страны.

Профессорско-преподавательский состав нашего института изобиловал яркими, незаурядными, самобытными личностями, стремящимися обогатить студенчество глубокими знаниями. Одним из них был любимец студентов, коллектива, горожан профессор Константин

Профессор Константин Александрович Лавров

Александрович Лавров. Это был небольшого роста, худощавый, средних лет, с правильными чертами лица, в очках с толстыми линзами, лысиной, красивым выпуклым лбом человек. Одевался он небрежно, ходил в слегка помятом костюме, в руке обычно держал старый большой на двух замках портфель, в котором помимо научных записей, лекций можно было обнаружить вяленую рыбу, бутылку водки и пару сменного чистого белья. Отличался Лавров своей неповторимой картавостью. Был всегда желанным, обаятельным собеседником. Речь его пересыпалась огромным количеством анекдотов, сказанных к месту и времени, но без пошлости, значительную часть которых он придумывал сам. Добродушие этого человека не знало пределов. Жил Константин Александрович при кафедре одиноким холостым мужчиной. По вечерам частенько спускался к сторожам института, дружил с водопроводчиками и вспомогательным персоналом, которые гордились знакомством и общением с ним, называя его непременно профессором и на вы, а между собой ласково – Костя.

Константин Александрович постоянно давал в долг деньги студентам с неременным условием возврата после первой их зарплаты. Придумал остроумную форму милосердия – купил дачу на побережье Черного моря и просил нуждающихся студентов помочь ему в постановке «важных» экспериментов естественно жить и питаться бесплатно. Была у него слабость – любил бочковое пиво. Зайдя в пивную, где собирались рабочие порта, грузчики и любители пива, Лавров просил открыть бочку с пивом, оплачивал ее, выпивал с ребятами несколько кружек, остальное просил их допить.

На его лекции приходили студенты с других курсов, сидели даже в проходах. На ученых советах Констан-

тин Александрович всегда был серьезным и задумчивым, снисходительным к диссертантам, их оплошности обычно переводил в шутку, подчеркивая, что своим трудом диссертант все непременно исправит в дальнейшей работе. Остались в памяти два эпизода из его жизни. После освобождения Ростова от немецких захватчиков был открыт медицинский институт, и Лаврова, практически единственного профессора, назначили директором. Приходили тогда поступать большей частью девушки, многие из которых заявляли, что у них во время войны пропали или сгорели документы. Он давал им задание писать сочинение или диктант. Прием студентов был превышен в три раза. За самовольство его вызвали в областной комитет партии и вынесли выговор с занесением в личное дело, потребовали показать партийный билет. «Я не член партии», – скромно признался он партийным руководителям.

Вспоминается еще такой эпизод. Заканчивался учебный год в институте, последний ученый совет, все устали, в конце его встал Константин Александрович и попросил членов ученого совета посетить кафедру и приобщиться к открытию в раковом вопросе. Когда возбужденные ученые пришли на кафедру, он предложил им помыть руки и пройти в комнату, где был накрыт стол с вареными раками и пивом.

Как высоконравственный человек, ученый, учитель Константин Александрович Лавров сделал очень много, всегда помогал тем, кто желал приобщиться к научным исследованиям. Но главное – это его отношение к детям своих учителей, С. Шибковой и А. Колосовой, которым он создал условия для выполнения кандидатской и докторской диссертации. Анастасии Александровне Колосовой он практически при жизни передал свою кафедру.

На старших курсах мне хотелось больше заниматься хирургией, и с этой целью приходилось дежурить в городской больнице скорой помощи с врачами хирургического отделения. Возглавлял это отделение яркий хирург, ученый, кандидат медицинских наук, темой диссертации которого были вопросы ранения сердца, главный хирург города Владимир Владимирович Лясковский, многие годы после войны проработавший в клинике госпитальной хирургии, где вел доцентский курс военно-полевой хирургии. Всю войну он прошел в должности главного хирурга армии, которая освобождала Ростов от фашистских захватчиков. В практической деятельности ему был присущ академизм в разборе больных, идущих на операцию. Обсуждая вопросы уже проведенных оперативных вмешательств, подробно останавливаясь на деталях, возникших во время хода операции, он задавал вопросы врачам, давая пищу для размышлений. Так, записывая ход оперативного вмешательства после ножевого ранения печени, он вдруг задал мне, студенту, вопрос: «На какие ткани накладывается только один раз узел?» Я ответа не знал, и он пояснил: на ткань сосуда мозга. И тут же уточнил, с какой легкостью это следует делать, на вдохе, заведомо заложив два узла.

Обсуждая малоинформативную историю болезни, плохо написанную его сотрудником, Лясковский прежде всего интересовался, в какое время суток это было и после какой врачебной нагрузки, подчеркивая, что больной жив и это главное, а написанное может переписать уже выспавшийся хирург. Владимир Владимирович поведал нам удивительную историю из собственной жизни. Во время битвы за Ростов ему приходилось не спать несколько суток подряд, находясь в операционной за работой. Операции записывались солдатами под дик-

товку утомленного хирурга, их писанину он подписывал механически в сонном состоянии. После войны ему было поручено обработать материал работы военного времени и послать в редакцию, создававшую многотомный труд, касающийся опыта медицины в период Великой Отечественной войны. Когда он стал исследовать продиктованный им и подписанный в полусонном состоянии материал, то ужаснулся: бред сумасшедшего, да и только. Бессонные ночи и напряженные дни в работе хирурга не могли не сказаться на качестве описания хода оперативного вмешательства.

Соприкасаясь с В.В. Лясковским, хирурги видели в нем зрелого, опытного врача, который старался в деликатной форме указать на их ошибки, высказать свое мнение. За время его работы главным хирургом города не было возбуждено ни одного уголовного дела на хирургов. Суд над ними вершил он сам, это был его нравственный суд над врачом, допустившим хирургическую ошибку. Бывали случаи, когда после такой беседы у него в кабинете хирург сам отказывался продолжать работать. В руководимом им отделении трудились опытные одаренные специалисты, известные в городе хирурги: М. Лейкина, В. Будагова, В. Гайбаров и другие. Студенты старались попасть на дежурство к Гайбарову, которого между собой в коллективе называли Володечкой. Весь день и всю ночь он охотно проводил с ними, объясняя особенности диагностики и поясняя ход проводимого вместе с ними оперативного вмешательства. Утром он обязательно делал спортивную зарядку, приводил себя в полный порядок, осматривал принятых в отделение под наблюдение и оперированных за время дежурства больных и только после этого сдавал дежурство.

Репродукция картины А.К. Ованесова «Арест Налбандяна»

Судьбе было угодно, чтобы я попал в поле зрения известного художника, начавшего свой творческий путь в Нахичевани еще в первой половине XX века, близкого друга и соратника Мартироса Сергеевича Сарьяна – Ованеса (Акима) Карповича Ованесова. Он меня, студента-медика, пригласил позировать для задуманной им картины «Арест Налбандяна». Попав к нему в дом, я был поражен увиденным: на стенах висели написанные им картины, манера письма которых была мне мало знакома – это модернизм, кубизм, импрессионизм. По-

степенно мы стали с ним и его женой Сусанной Арсентьевной большими друзьями. Удивило и восхитило меня то, что Аким Карпович искал в старинных нахичеванских домах предметы времен жизни Налбандяна. Так, в нашей семье он обнаружил и взял скатерть и ковер, в другом доме нашел шкаф. Пригласил позировать двух мужчин, служивших в царское время в полиции. Облчившись в жандармскую форму, они сразу же преобразились, вспомнив свою прежнюю работу, и с остервенением начали выполнять обыск и арест. Полотно было всегда под покрывалом, но однажды художник открыл его и показал мне – я буквально онемел от увиденного, попав в другой век, где разыгрывались человеческие страсти исторической значимости. Спустя некоторое время Аким Карпович пригласил меня к себе домой и как-то скромно сказал, что у него осталась французская пастель и он желает написать ею мой портрет. Вскоре я получил этот долгожданный подарок, названный им «Портрет студента-медика». Спустя год Аким Карпович стал работать над полотном «Взятие Ростовского вокзала». Главной фигурой здесь был лейтенант Гукас Мадоян. Эта работа давалась художнику нелегко, им было написано несколько вариантов. Помнится, с каким волнением он ожидал прихода искусствоведа Юлии Леонидовны Рудницкой, чтобы узнать ее мнение о работе. Обе картины получили отличную оценку и были приобретены областным музеем. Как-то в Ростов по приглашению приехал уже Герой Советского Союза Г. Мадоян, который пожелал встретиться с автором картины. Встреча состоялась в квартире Акима Карповича. Сам Гукас Мадоян оказался простым, приятным собеседником, вспоминал, как они переходили замерзший Дон, подгоняемые ветром, выбили немцев из разрушен-

ного здания железнодорожного вокзала, удерживали, отбиваясь от неприятеля. Главное, он с грустью вспоминал своих погибших товарищей.

Частенько к Акиму Карповичу обращались за советом молодые художники. Так, однажды, придя к нему домой, я застал Сейрана Хатламаджяна, с которым обсуждался эскиз его выпускной работы: в каком положении к освещению лучами заходящего солнца должен находиться рабочий, который после трудового дня на полевом стане обмывается у бочки с водой. Дискуссия между художниками была долгой, наконец они разошлись, договорившись обсудить возможные эскизы в дальнейшем. После ухода Сейрана Аким Карпович сказал, что у этого юноши большое будущее как у живописца. Пророчество великого художника было подтверждено: спустя более десяти лет, находясь в Ереване, я вновь встретился с Сейраном в доме поэта Людвиг Дуряна, где мы провели замечательный вечер, вспомнили Акима Карповича Ованесова. После ухода Сейрана в разговоре с нами Людвиг сказал, что Сейран вырос в значительного признанного живописца, основателя армянского абстракционизма. Через много лет с особым трепетом и волнением мне пришлось увидеть некогда обсуждаемый эскиз, но это уже было полотно, написанное маслом, висевшее в музее села Чалтырь Мясниковского района, родом из которого был Сейран.

Поколение ребят военного времени постоянно ощущало на себе заботу, внимание, щедрую помощь со стороны людей, прошедших дорогами войны, переживших ее ужасы, видевших смерть в глаза, мечтавших о мирной жизни и с особым чувством отдававших им свои знания, умения и навыки. После окончания медицинского института я был направлен на работу в город Новочеркасск

в первую городскую больницу, в хирургическое отделение врачом-ординатором. Руководил этим отделением удивительный человек – яркий, самобытный хирург, первым среди врачей города осуществивший резекцию желудка, прошедший две войны, орденосец, боевой офицер – Николай Тарасович Назаров. Высокого роста, с седеющей головой, чуть полноватый, с хрипловатым голосом, степенный, рассудительный, немногословный, всегда задумчивый...

С особым вниманием относился Николай Тарасович к молодому поколению врачей в своем отделении. Его интересовали не только их обучение, профессиональный рост, но и быт. Помню, узнав, что я еще не нашел съемную квартиру, он поместил меня жить в своем кабинете и поручил следить за качеством приготовления пищи в пищеблоке, брать пищу на пробу три раза в день, оставляя записи в специальном журнале. Проживая в его кабинете в течение шести месяцев, я практически каждую ночь участвовал в операциях, проводимых не только хирургами, но и гинекологами, травматологами, лор-специалистами. Николай Тарасович частенько по вечерам приглашал меня погулять по Новочеркасску, рассказывал об особенностях архитектуры того или иного здания. Ежедневные обходы больных были великолепной школой обучения особенностям диагностики хирургической патологии, ведения послеоперационного периода. Часто он брал нас к себе в качестве третьих ассистентов на операцию. Главное – это было совместно с ним описывать проведенное оперативное вмешательство, тщательно, подробно разбирая сложности, возникающие в ходе операции. Раз в две недели Николай Тарасович собирал нас, молодых хирургов, проводил теоретические беседы по различным острым

вопросам хирургии, проверяя уровень нашего знакомства с последними данными медицинской литературы. Педагогическая и человеческая щедрость, высокая порядочность по отношению к нам, молодым специалистам, остались в наших душах, в благодарной памяти на всю жизнь.

На ночные дежурства по скорой помощи приходила средних лет, опрятно одетая операционная сестра. Она была немногословной, тихо разговаривала, но по ходу операции казалось, что предугадывала желания хирурга и в руку его вовремя поступали необходимый инструмент и нити. Как-то, когда во время очередного дежурства в свободное время мы пили чай, я коснулся в разговоре времен войны. Оказалось, что она служила в армии и была личной операционной сестрой у Войно-Ясенецкого и что Валентин Феликсович, войдя в операционную, читал негромко молитву, осенял крестом операционный стол и бойца, которого он должен был оперировать. Для меня стало откровением, что Войно-Ясенецкий, написавший «Очерки гнойной хирургии», за что был удостоен Сталинской премии 1-й степени, – монах, архиепископ! Она сказала, что он друг ее отца, который был последним настоятелем собора в Новочеркасске. После услышанного я специально поехал в Ростов к знакомому букинисту и купил монографию и книгу «Дух, душа и тело», автором которых был В.Ф. Войно-Ясенецкий. Спустя много лет я получил в дар от ученого, хирурга, ассистента кафедры факультетской хирургии В.А. Глущенко написанную им книгу «Святитель Лука, взгляд в будущее», которая впервые пролила мне свет на трагическую жизнь святителя, ученого, хирурга, целителя.

Спустя два года работы у Николая Тарасовича Назарова в отделении с учетом нашего стремления к даль-

нейшему обучению мы получили рекомендации в двухлетнюю ординатуру. Практически все трое, пройдя обучение и занимаясь наукой, защитили кандидатские диссертации. Один из нас, Аркадий Константинович Мацанов, в жизни проявил себя удивительными красками палитры своего таланта как врач, организатор здравоохранения, главный онколог города, писатель, композитор, философ. Уйдя на пенсию, он со своими детьми стал заниматься предпринимательством.

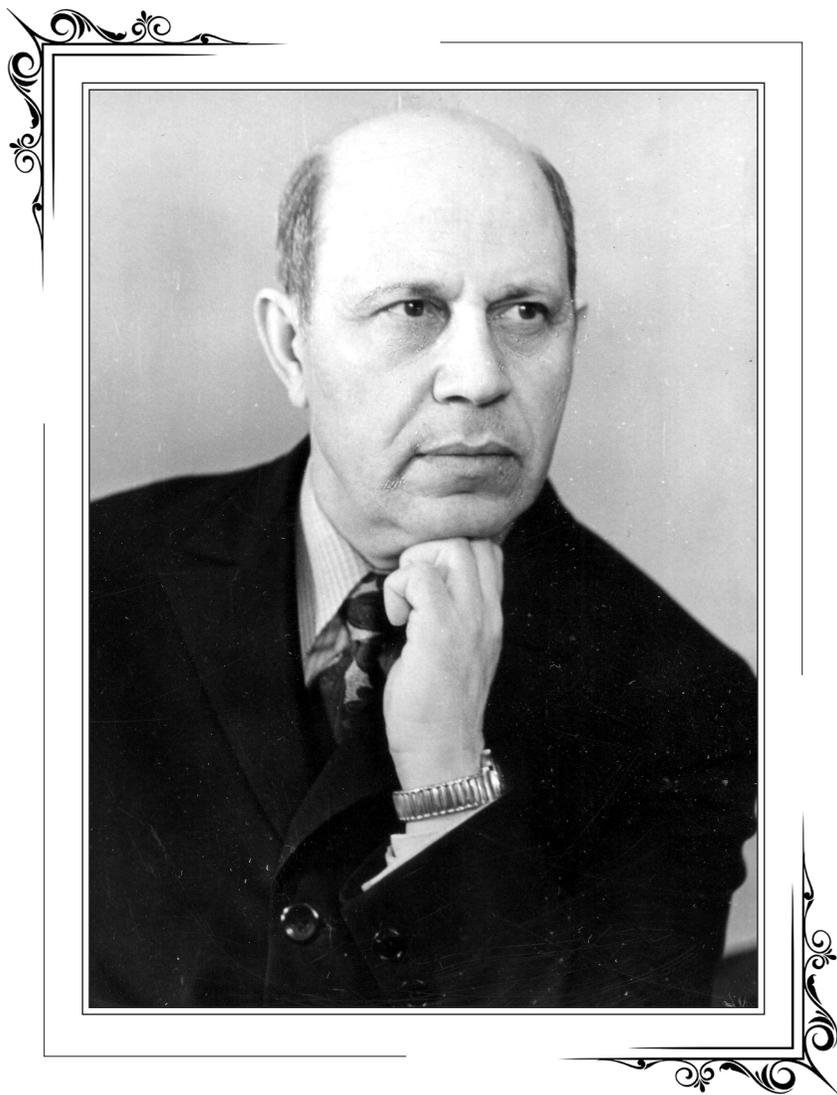
Приехав в Ростов, я устроился на временную работу ординатором в хирургическое отделение, которым руководил опытный хирург, великолепный диагност, следивший за современным состоянием достижений в хирургии, владевший иностранными языками, разносторонне образованный, культурный, благородный человек, увлекающийся литературой, живописью, хирург Николай Михайлович Артановский. Его ежедневные обходы больных, поставленные им вопросы, на которые следовало ответить, возможно, и на другой день, заставляли брать в руки монографии, учебники или же последние номера медицинских журналов. Коллектив врачей был небольшой, грамотный, высокопорядочный. Считалось дурным тоном говорить громко, обсуждать недостатки коллег. В операционной царил атмосфера взаимопомощи, доверия друг другу. И особое уважение к молодым врачам, стремление помочь, подсказать, научить.

В этот период стали осуществляться туристические поездки за границу. Получившие право на поездку тщательно готовились, изучали историческую литературу. Н.М. Артановский всегда деликатно мог уточнить некоторые детали, задавая вопросы по истории, культуре посещаемых стран, о шедеврах живописи, музеях, писателях. Для меня этот период был большой школой не

только как для хирурга, но и того, каким должен быть настоящий интеллектуальный человек и врач-хирург в частности. Вспоминается случай, когда молодая образованная доктор-хирург, которую он уважал в своем коллективе и ставил в пример, во время проведения оперативного вмешательства столкнулась с трудностями, но не пригласила своего шефа в операционную, не посоветовалась с ним. В послеоперационном периоде возникли осложнения. Пришлось Николаю Михайловичу лично заниматься этим больным, проводить повторную операцию, спасая его. Между ним и доктором не было объяснений, все было предельно ясно. Доктор вскоре ушла в трудовой отпуск, оставив заявление об уходе с работы. Николай Михайлович не стал ее убеждать остаться. К чести этой высокопорядочной женщины, она сменила специальность в медицине.

Годы брали свое, тяжелый недуг постепенно подкосил Николая Михайловича, силы стали покидать его, однако до последней минуты жизни руководство здравоохранения города, больницы, коллектив хирургического отделения держали его на прежней работе. Ушел самобытный хирург, образованный, интеллигентный человек. В последний путь его провожали хирурги, врачи, горожане, отдавая дань великолепно прожитой с пользой для людей яркой жизни.

Мне повезло, когда я был зачислен в штат хирургического отделения ординатором Центральной городской больницы (ЦГБ). На базе этого отделения функционировала кафедра общей хирургии РГМИ, руководил которой доктор медицинских наук, профессор Партех Макарович Шорлуян. Хирургическое отделение выполняло функцию оказания как экстренной, так и плановой помощи населению города и района. По многолет-

Профессор Партех Макарович Шорлуян

ней традиции лечебную работу хирургов в отделении контролировали профессор кафедры и его ассистенты. Профессор ежедневно принимал доклад от дежурного врача о состоянии больных в отделении. Ординаторы хирургического отделения были активно вовлечены в научно-исследовательскую работу, планировались и выполнялись кандидатские диссертации. Как личность, профессионал, врач-хирург, профессор Партех Макарович Шорлуян притягивал к себе молодежь. Он был хирургом больших дарований, возможностей, с красивой хирургической техникой, широко оперирующий, с великолепной хирургической школой, изначально обучавшийся у профессора Н.А. Богораза. Прошел две войны, получив закалку бойца, научился бороться за жизнь. После войны долгие годы работал под руководством профессора Б.З. Гутникова, защитив кандидатскую и докторскую диссертации, обучая студентов в качестве ассистента и доцента.

Возглавляя кафедру общей хирургии, Партех Макарович вел лично хирургический студенческий кружок, активно привлекая студентов к научной работе в экспериментальном блоке и дежурствах по скорой помощи. Зорко следил за успехами талантливых студентов, которые своим трудолюбием, умом особо отличались в научных изысканиях. Постепенно из числа студентов выделилась небольшая группа ярких, одаренных личностей, которые определились в выбранной ими врачебной специальности – хирурги, им были даны научные темы для разработки как в эксперименте на животных, так и в клинике, при изучении больных.

Особое внимание профессор уделял лечебной работе, принимал утренний отчет дежурного врача о состоянии больных в отделении, проводил еженедельный обход,

осмотр больных отделения, разбор больных, идущих на операцию, определяя тактику, утверждал состав операционной группы врачей. Еженедельно осуществлял также разбор оперированных больных. Сложные случаи профессор оперировал сам, в последующем разбирал на общей планерке. Все эти мероприятия определяли академизм в стиле работы хирургического отделения и способствовали профессиональному росту ординаторов. Спустя определенное время практически все врачи защитили кандидатские диссертации, работали ассистентами различных кафедр, заведующими хирургическими отделениями в городе и районах Ростовской области, становились главными специалистами больниц. Некоторые защитили докторские диссертации, стали заведовать кафедрами, создавали специализированные хирургические центры.

Как-то утром, после планерки, профессор подозвал меня к себе, достал из кармана халата вырезанный из «Медицинской газеты» небольшой листок и сказал: «Возьми, прочти, подумай». Это было сообщение о том, что в Институте органической химии имени Зеленского синтезирован новый отечественный препарат цигерол с хорошими свойствами, влияющими на процессы регенерации. Партех Макарович определил план экспериментальных исследований по выявлению возможности воздействия препарата на процессы заживления «чистой» раны в экспериментах. В один из воскресных дней он повел меня на кафедру гистологии к профессору Константину Александровичу Лаврову. Рассказал ему о необходимости проведения морфологических исследований для выявления оптимального процента препарата цигерол, улучшающего процесс заживления ран. Константин Александрович, выслушав, привел меня в пре-

Профессора П.М. Шорлуян и Б.З. Гутников. 1 мая 1968 г.

Партех Шорлуян и Минас Багдыков в Москве

параторскую комнату, где указал место, на котором мне предстояло работать. В следующий приход на кафедру я принес кусочки ран, взятых у экспериментальных животных, стал осуществлять проводку их в спиртах с различными процентами разведения. Спустя десять дней получил залитые парафином блоки, обрезанные из них пласты укладывались на предметные стекла, окрашивались и рассматривались под микроскопом. Полученные результаты я показывал прикрепленному ко мне доценту Олегу Николаевичу Байштруку.

Вскоре обнаружили обнадеживающие результаты, которые я доложил на конференции кафедры гистологии профессору К.А. Лаврову. Спустя год приступили к лечению больных с инфицированными ранами, ожогами, трофическими язвами. Через три года я положил на стол профессора написанную мною работу в плане кандидатской диссертации. Уезжая на отдых, Партех Макарович взял ее с собой, а в сентябре вернул мне с огромным количеством вопросов. В течение года я приводил ее в порядок, и только после этого он решил планировать ее к защите. После защиты на ученом совете мы с ним издали монографию, которая имела успех, получила диплом и медаль ВДНХ. Данные нашей монографии способствовали тому, что препарат был закуплен через Лицензинторг в США, Францию, Японию.

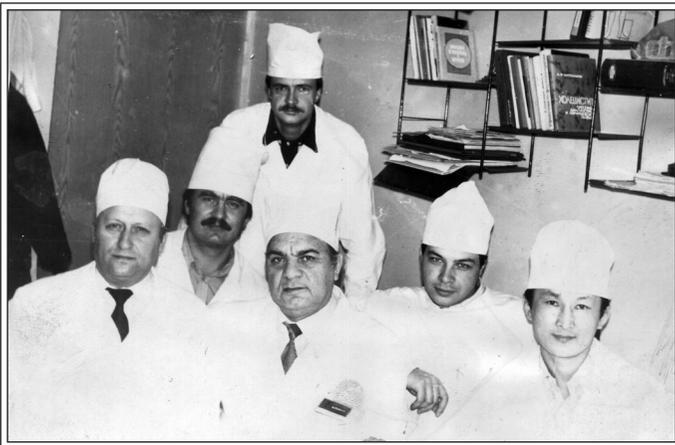
Профессор П.М. Шорлуян был великолепным диагностом, ростовчане старались попасть к нему на прием, получить правильный диагноз своего заболевания. Частенько к нему приходили односельчане из Мясниковского района, села Большие Салы, когда им было удобно. Если Шорлуян был занят на лекции или операции, они терпеливо ждали, когда он освободится. Обычно Партех Макарович принимал их у себя в кабинете,

долго беседовал с ними на местном армянском диалекте, сотрудники ему не мешали, знали, что это было святое для него дело.

Нас, молодых врачей, всегда доброжелательно встречали работники хирургического отделения среднего звена, среди которых было значительное количество медицинских сестер, участниц войны, работавших в медсанбатах, полевых госпиталях, выхаживавших раненых бойцов. Все медицинские хирургические сестры великомерно владели законами десмургии, в отделении особо гордились и с почтением и любовью относились к старейшим санитаркам. В благодарной памяти сохранились имена тех, кто в период становления окружил меня теплом, вниманием, материнской заботой. Прежде всего это старшая операционная сестра, легендарная личность в хирургической среде Зинаида Лозина. Полная, небольшого роста, строгая женщина с правильными чертами лица, доброжелательной улыбкой. С раннего утра и до позднего вечера она «колдовала» в операционных, подготавливая свое хозяйство к операционному дню как к предстоящему бою. В пустых операционных слышалось ее властно звучащее контральто, журчала вода и лязгали металлические предметы. Сами операционные комнаты тщательно убирались, каждый инструмент мылся под проточной горячей водой с мылом, щетками, особенно их хватательная поверхность, затем вытирались насухо, смазывались вазелиновым маслом. Из операционных уходила всегда последней и продолжала работу в материальной комнате. Настало время, когда ей было трудно стоять за операционным столом, и она подготовила себе замену – Зинаиду Иосифовну. Возникла необходимость оперировать ее саму – откликнулись те, кто начинал свою хирургическую деятель-

Минас Георгиевич на обходе с коллегами и учениками

Минас Георгиевич с коллегами в ординаторской

ность с ее рук: Александр Калистратович Панков, профессор, директор онкологического института, доцент Елизавета Дмитриевна Чирвина. После операции Лозина ушла на заслуженный отдых, на пенсию, но дома не сиделось, и ей придумали легкую работу в приемном отделении. Однажды в городе проходила большая всесоюзная хирургическая конференция, председателем которой был Напалков. Он пожелал встретиться с Зиной Лозиной, которую он знал с детства, так как она была любимой операционной сестрой его отца. Встреча была трогательной: убеленный сединами хирург и пожилая медицинская сестра обнялись и прослезились, она, всхлипывая, называла его тятей, как в детстве ласково звали его родители.

Рядом с Лозиной работала не менее неординарная личность с милым добрым сердцем – Дарья Ивановна Зелик, прошедшая дорогами войны, великолепно владеющая законами десмургии. Немолодая, полноватая, белокожая, с седыми волосами, выразительными умными глазами, всегда одетая в стерильный халат, шапочку, маску. Для меня это был облик настоящей, истинно русской медицинской сестры милосердия, умной, грамотной, благородной. Она работала в чистой, а затем в гнойной перевязочной, была сама история хирургического отделения ЦГБ. Пришла работать санитаркой, потом юной медицинской сестрой в отделение, которым руководил Аствацатуров, а затем наступила война. Все молодые хирурги начинали свою работу с гнойного отделения, изучая раневой процесс в тяжелом его проявлении. Именно Дарья Ивановна обучала нас внимательно относиться к происходящему в ране, динамике ее заживления и подбору лекарственных средств, а также особенностям десмургии, что позволило мне спустя

многие годы написать методичку для студентов третьего курса по десмургии. Дарья Ивановна в перевязочной была строга, но очень деликатно давала понять молодому врачу, что это особое место и следует знать основы гнойной хирургии. Увидев растерянность или небрежность в действиях доктора, она требовательно, настойчиво говорила: «Вы желаете взять этот инструмент?» или «Вы желаете наложить на рану эту мазь? Возьмите, извините, что задержала вас».

Рядом с ней всегда работала ее верная и надежная помощница санитарка Полина Ивановна (тетя Поля). Для многих хирургов, знавших ее, она была символом порядочности, христианской верности медицине. Молчаливая, опрятная, деликатная, работающая, она незаметно ухаживала за самыми тяжелыми больными, ободряя их, вселяя веру в выздоровление. Неповторимый русский характер с вечными чертами добродетели, несмотря на трудности и невзгоды в личной жизни, нести людям добро, быть рядом со страждущими, довольствуясь в жизни очень малым.

Хочется вспомнить еще одну медицинскую сестру – Александру Ивановну (Шурочку). Она прошла всю войну, находясь на передовой, в медсанбате. Немногословная, четко выполнявшая свои сестринские обязанности, по-солдатски была всегда на страже, особенно в ночное время, обходя и всматриваясь в больных. Когда выпадало свободное время, обычно с двух или трех часов ночи, садилась в ординаторской, пила чай и проводила с нами, молодыми врачами, беседы, которые сводились к дням военного времени, ее молодости. Как-то я задал ей нетактичный вопрос об отношениях, складывавшихся между молодыми бойцами и медицинскими сестрами. Помолчав, она с грустью сказала: «Когда полные здоро-

вья, молодые, красивые девчата с надеждой на счастье после войны видели, как их подруги погибают при очередной бомбежке или становятся инвалидами без рук или ног, с изуродованным лицом, вот тогда приходилось задуматься, что надо прожить хотя бы один день». Эта мысль заставила меня по-другому взглянуть на многое и не осуждать тех, у кого были связи во время войны. На саму Шурочку нелегкая жизнь военного времени наложила отпечаток, у нее не было своих детей.

Многие годы пришлось мне работать, общаться, удивляться и восхищаться увиденным, учиться у удивительной личности – врача-хирурга Галины Ивановны Ярощук. Небольшого роста, худощавая, всегда задумчивая, скромно одетая, немногословная. Внешне она напоминала сестру милосердия из журналов прошлого столетия. Она полностью вписывалась в образ медицинского работника, олицетворяющий доброту, сострадание, честность, порядочность, святое отношение к своему делу и врачебному долгу. Приняв больного по скорой помощи, поставив диагноз, она спокойно, по-деловому, делала свое дело на высоком профессиональном уровне, как бы тяжело ей ни было. Галина Ивановна всегда находила общий язык с больным, его родственниками и старалась, чтобы все вместе помогли попавшему в беду поправиться. Подойдя к больному, всегда удобно садилась рядом с ним, давая понять ему и окружающим, что пришла решать важный вопрос, на нее следует положиться и ей нужно довериться. Она начинала подробно изучать необходимые для постановки диагноза вопросы, как бы прикасаясь к душевному миру пациента.

Долгие годы Галина Ивановна проработала с ярким, самобытным хирургом Михаилом Гавриловичем Саркисяном, была негласной его правой рукой. Их объ-

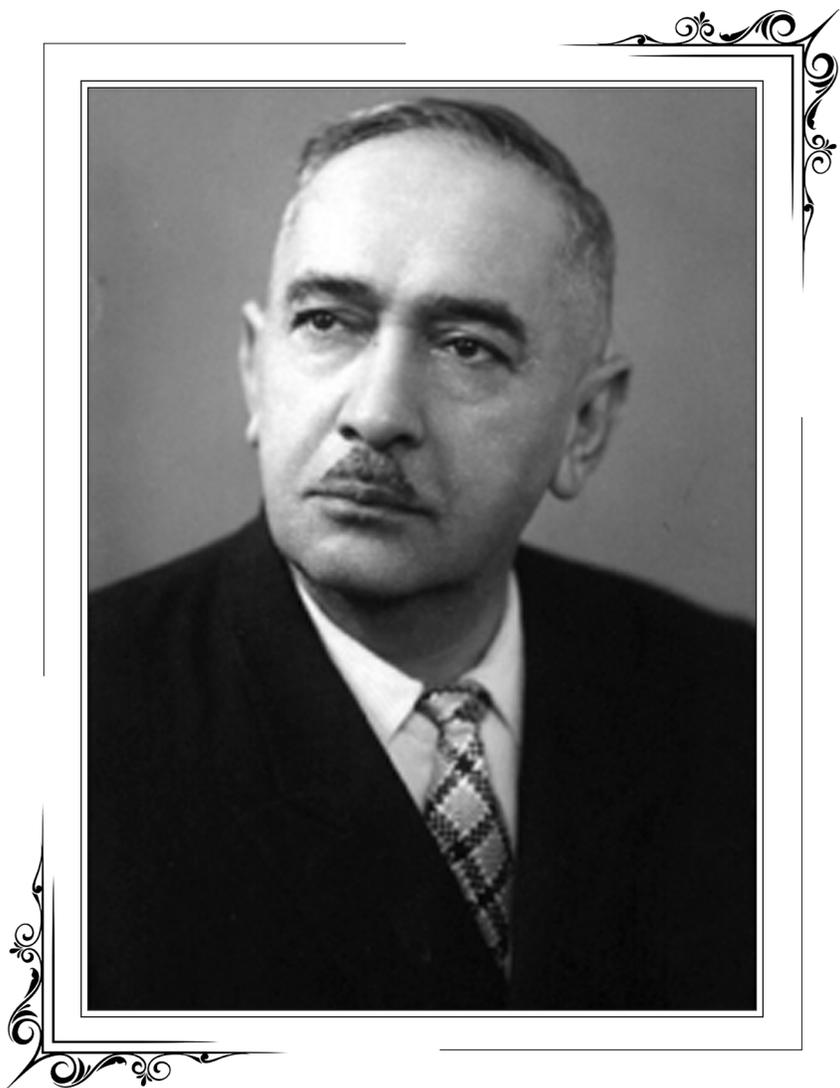
единяла не только хирургия, но и общность взглядов на христианство. Они были глубоко религиозными людьми, знали и изучали богословие, а главное, свято верили в Бога. Завет Библии «Помоги ближнему, не навреди» она выполняла свято, постоянно совершенствовала свое мастерство хирурга и диагноста. Неоднократно, будучи молодым специалистом, на собственные средства приезжала в Москву и месяцами училась у прославленного хирурга С.С. Юдина. Этим она как бы оправдывалась перед Богом, что ею было сделано все, чтобы получить знания по хирургии на самом высоком уровне.

В повседневной работе только Галина Ивановна могла поблагодарить, когда у нее кто-либо обнаруживал неточности или ошибки в ходе ее рассуждений. Каким бы трудным ни был рабочий день или сутки, сколько бы часов она ни стояла за операционным столом, позволяла себе уйти домой, лишь осмотрев всех поступивших больных, сделав последние записи в истории болезни. Перед уходом домой всегда докладывала свое мнение о больных заведующему хирургическим отделением, подводила к сомнительным в диагностике больным и только после этого незаметно покидала хирургическое отделение. Работа рядом с таким человеком была радостью и благодатью для всего коллектива, особенно для стремящейся к знаниям молодежи.

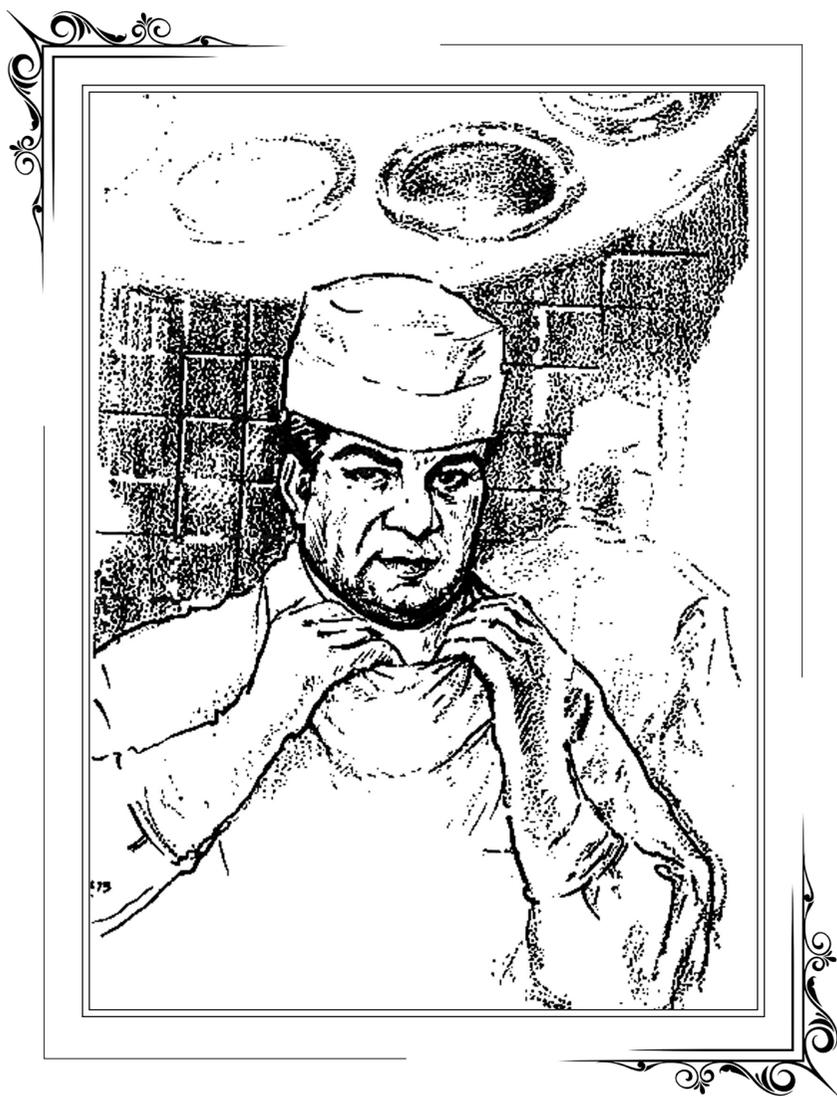
Однажды во время планового дежурства по отделению меня срочно вызвали в операционную лор-отделения. На операционном столе лежал мужчина, на его шее была окровавленная пеленка, которую крепко держала молодая испуганная доктор. Надев стерильные перчатки, я решил осмотреть раневой канал, однако вверх с шипением ударила струя крови, которую я успел заткнуть пальцем. Доктор от испуга присела у опера-

ционного стола. Оказавшись один на один с больным в чужом отделении, я решил срочно вызвать по телефону профессора Александра Рубеновича Ханамирова. Услышав о случившемся, он посоветовал держать палец в ране и ждать его приезда. Оказывается, рабочий в ночную смену производил укрепление каких-то предметов выстрелами дюбелей в стену, один из них, отскочив, попал в него. Спустя двадцать минут в операционную вошел профессор. Надев стерильные перчатки, он стал точными движениями освобождать ткани вокруг моего пальца, расширяя раневой канал, и, обнаружив травмированный сосуд, ловко перевязал его с двух сторон. Таким образом легко, изящно и быстро операция была закончена. В его кабинете мы выпили по 50 граммов коньяка, и Александр Рубенович поведал мне, что во время войны служил в госпитале «Голова, шея», куда целенаправленно поступали раненые бойцы с поражениями головы, лица и шеи. Показал альбом с фотографиями операций, произведенных им во время войны в госпитале. До войны он работал на кафедре анатомии Ростовского медицинского института. В госпитале понадобились его теоретические знания, а хирургический опыт, умения и навыки он приобрел в постоянной работе на фронте с ранеными. Под утро профессора увезли работники «скорой помощи», так как осенью, в непогоду, он приехал на помощь к нам в тапочках и домашней легкой одежде на поливальной машине.

Однажды во время дежурства «скорая помощь» доставила молодого человека, инвалида без одной ноги, с ножевым ранением сердца. Ответственным дежурным был опытный врач, прошедший войну. Осмотрев поступившего, он констатировал отсутствие у него пульса и давления и отдал мне распоряжение заниматься им.

Профессор Александр Рубенович Ханамиров

Минас Багдыков в операционной

В операционной, вскрыв грудную клетку, я увидел, что сердце не бьется и из раны стекает медленно кровь, рассек перикард и стал накладывать швы на рану сердца.

К этому времени анестезиологи стали струйно заполнять жидкостью русло крови, и вдруг на ладони левой кисти я почувствовал какие-то движения, стали чаще появляться сердечные сокращения, появился нитевидный пульс на периферии и просчитывались низкие цифры артериального давления. В этот радостный момент прорезался один шов на ране сердца, исчезло артериальное давление, пришлось накладывать шов, укрепив его кусочком перикарда. Работа анестезиолога дала положительные результаты. В течение двух суток я не отходил от больного, постоянно прибегая к помощи и советам терапевтов. В этот период мы имели только одну монографию, в которой описывалась методика обезболивания новокаином и масочным эфирным наркозом. Рекомендации новых прогрессивных методов обезболивания можно было получить только в кратких сообщениях специальных медицинских хирургических журналов. В течение последующего года мне пришлось дважды участвовать в операциях по поводу ранений сердца и каждый раз я наталкивался на несовершенство методики обезболивания и послеоперационного ведения больного.

Мною был проанализирован материал по всем хирургическим отделениям города за 15 лет с ранениями сердца. Совместно со своим учителем профессором Партехом Макаровичем Шорлуяном была написана монография, касающаяся реанимационной помощи больным с ранением сердца. Вскоре появился фундаментальный труд профессора Вагнера по этому же вопросу.

Учитывая тему докторской диссертации Партеха Макаровича Шорлуяна, областной отдел здравоохранения

назначил его главным урологом Ростовской области. Он проводил областные урологические конференции и ежемесячные общества урологов. Дважды мне пришлось выступать на урологическом обществе с докладами о моих предложениях: «Инструмент «Ушиватель ложа предстательной железы с возможностью удаления нити в послеоперационном периоде», «Метод, увеличивающий процент очищения крови от шлаков воздействием на мембраны ультразвуком аппарата «Искусственная почка». Согласно письму в Министерство здравоохранения в Ростов поступил аппарат «Искусственная почка», было организовано отделение при кафедре, которым руководила врач-нефролог Т. Деревянко. Это было единственное отделение юга России. Под руководством профессора П.М. Шорлуяна выполнялись кандидатские диссертации на урологические темы. Все это создавало условия для широкого врачебного, хирургического мышления и развития молодого поколения врачей.

В целом в коллективе хирургического отделения установилась добрая, деловая, рабочая атмосфера. Стремление профессора Партеха Макаровича Шорлуяна приблизить к себе, кафедре талантливую молодежь со временем дало положительные результаты. Студенты с удовольствием осваивали азы хирургии, ее фундамент, стали выбирать различные ее разделы, такие как травматология, урология, проктология, сосудистая или пластическая хирургия, в качестве своей будущей специальности. В тот период в отделениях хирургического профиля города практически все заведующие были врачами-хирургами, прошедшими дорогами войны. Хирургическое областное общество возглавлял яркий ученый, профессор Петр Петрович Коваленко, участник войны, ученик профессора, главного хирурга госпиталя

Захара Ивановича Карташова. Как ученый Захар Иванович отличался мастерством в пластической хирургии, монография его была издана в Германии. Им был создан единственный научный труд в России по вопросам диагностики, оперативного лечения саркомы желудка. Его ученики разрабатывали различные подходы к операциям на легких, сосудах нижних конечностей. Талантливый ученик профессора З.И. Карташова, доктор медицинских наук, профессор Петр Петрович Коваленко продолжил традиции своего учителя. Им были выполнены исследовательские работы по консервации, трансплантации и пересадке тканей, полусуставов, операции на легких и сердце. Военно-полевая хирургия продолжала оставаться в разработках ученых, молодых врачей. Петр Петрович Коваленко был удостоен Государственной премии. В настоящее время кафедру госпитальной хирургии возглавляет доктор медицинских наук, профессор, великолепный, изящный, разноплановый хирург, владеющий сосудистой хирургией, Иван Иванович Кательницкий, замечательный, добрый, отзывчивый человек, прекрасный учитель.

Однажды профессор Петр Петрович Коваленко выступил перед работниками практического здравоохранения с новаторским предложением принимать один раз в месяц больных, по воскресеньям, бесплатно. В Пролетарском районе города Ростова горячо откликнулись на это предложение. В авангарде были те врачи, которые во время оккупации помогали своим согражданам, и, конечно, наша тетьа Софья Минасовна Карташова. Об этом писали в местной газете, их сфотографировали. В архивах нашей семьи я нашел эту фотографию. На ней изображены: М.М. Кутумова – медицинская сестра, В.С. Чаталбашьян – врач-окулист, С.М. Багдыко-

Софья Минасовна Багдыкова-Карташова в окружении коллег

ва-Карташова – врач-гинеколог, Зинцова – врач-терапевт, Е.Е. Шапошникова – врач-терапевт.

С годами место ушедших на пенсию работников здравоохранения, прошедших дорогами войны, стали занимать подготовленные ими ребята военного времени, получившие от ушедших знания, умения и навыки.

Судьба мальчишек военного и послевоенного времени была нелегкой и по-разному складывалась в мирное время. Несомненно, одно объединяло их – страстное желание осознать прелести мирной жизни, быть ее состав-

ной полезной частью, найти свое место, стать достойными людьми общества, обрести любимое дело. В этом им помогали те, кто воевал, видел ужасы войны, разруху, смерть и горе. У бойцов, оставшихся в живых, было желание помочь молодым, чтобы они познали радость мирной жизни. Эти великие победители старались подать руку помощи ребятам, обучить их, помочь забыть пережитое. Они щедро дарили свои знания и умения, буквально заставляли ребят осваивать секреты специальности и становиться хорошими специалистами.

В молодые годы судьба неоднократно испытывала меня на прочность, но я сумел найти себя в своем любимом деле, выдержать все душевные повороты в личной жизни и наконец встретить любимого человека. Я смог создать счастливую семью, родить сыновей, иметь общность интересов. Все это определило стабильность и уверенность в правильности выбранного жизненного пути. Родившийся первенец внес особый колорит не только в нашу жизнь молодых людей, но и принес радость, счастье моим родителям, особенно отцу.

Моя работа в медицинском институте в качестве ассистента кафедры была выборной на ученом совете и не предполагала моей связи с духовенством, что не давало мне возможности открыто крестить своего сына в церкви. Чтобы осуществить наш замысел, мы с женой поехали в Армению к родственникам, проживающим в Ереване, и в будний день посетили Эчмиадзин. В центральном храме обратились к священнику с просьбой произвести этот обряд. Любезно согласившись, он пригласил работника церкви Симона быть крестным отцом. Приехав в Ереван, мы скрыли даже от родственников, что крестили ребенка.

Нашу семью периодически посещала, проводывала моего папу приятельница, одноклассница моей бабушки Розы, Любовь Черчепова, дочь миллионера. Моя бабушка к ней относилась с особым почтением и уважением, всегда подчеркивала, что она закончила Екатерининскую гимназию с золотой медалью и что ее привозили в школу в карете, только останавливалась она в квартале от школы, а остальной путь, как и все учащиеся, проделывала пешком в любую погоду, неся на себе ранец. Часто мы слушали, как они в своих воспоминаниях о днях учебы критиковали и высмеивали, восхищались смелостью проделок Мариэт (Мариэтты Шагинян). Любовь Черчепова была мне знакома с детства, со времен войны и оккупации города, когда однажды в стужу она пришла, еле передвигая ноги, укутанная в тряпье. Поразило меня ее лицо, прозрачное и опухшее. Села у двери на стул, не позволяла нам, детям, приближаться, отогревшись, пошла с бабушкой в другую комнату, там гремели тарелками. Мама тихо сказала, что бабушка накормила ее, разделив свою порцию еды с ней. После этого посещения Люба по просьбе бабушки частенько приходила к нам, так же поодаль садилась от нас, детей, но всегда беседовала, интересовалась нашими играми. После освобождения города от немецких захватчиков, поступив в музыкальную школу, я увидел ее, она работала там вахтером. Как-то во дворе музыкальной школы я увидел великолепного большого петуха с роскошным оперением на хвосте, поймал его и выдернул красивые перья из хвоста. На крик петуха прибежала тетя Люба, остановила мое озорство и заставила выпустить птицу, но долго скрывала мой поступок от родителей. После ухода из жизни бабушки Люба продолжала приходить к нам в гости, и вместе с папой они пили хорошо зава-

Минас Багдыков с супругой Галиной

С супругой Галиной и сыном Тиграном

ренный индийский чай с изображением слона на пачке, а затем она садилась за старинное пианино фирмы «Рениш», играла и пела романсы и мелодии своей молодости. Люба имела великолепное воспитание и образование, владела французским языком, при ней всегда была книга на французском языке, она обещала нам принести семейный альбом, хорошо играла на рояле. Место своего жительства она скрывала и как-то раз надолго исчезла. Результат поисков оказался печальным: оказывается, она упала, сломала тазобедренный сустав и вскоре умерла. Сообщившая нам об этом женщина сказала, что жила Люба Черчепова под лестницей старинного купеческого дома, после ее смерти вещи растащили, на улице валялись фотографии ее братьев, офицеров царской армии...

В нашем городе произошло неординарное событие для тех лет: по настоятельной просьбе армянской общественности и вследствие письма в адрес правительства за подписью М.С. Сарьяна и М.В. Тер-Григоряна, была прекращена работа по реализации плана сноса церкви Сурб Хач и строительства на ее месте школы. Создан штаб по восстановлению здания церкви и благоустройству прилегающей к ней территории, согласно проекту, разработанному АРМстроем.

В один из воскресных дней мой папа предложил мне проехать к церкви Сурб Хач, по дороге рассказал, что я увижу необычное явление для наших дней. Действительно, на стройке вокруг церкви был строительный беспорядок, рабочие отсутствовали, церковь была закрыта. Спустя час появился знакомый моего папы, открыл двери церкви. Войдя, мы увидели, что на полу лежит больших размеров металлический крест, который должен быть установлен на куполе церкви. Этот человек

подвел папу к сейфу и показал сусальное золото, которым должен быть покрыт крест и прилегающий к нему небольшой купол реставраторами из Ленинграда. «Это будет первый крест, установленный на здании церкви в Ростове!» – воскликнул приятель отца, и они обнялись, прослезившись от радости.

Первый тяжелый удар я получил, потеряв любимого, мудрого человека, моего отца, высокопорядочного человека, неторопливого в движениях и рассуждениях, взвешивавшего и обдумывавшего произнесенные им слова, любившего искусство, музыку, великолепно игравшего на многих инструментах, обладавшего великолепным, абсолютным слухом, он играл на нескольких инструментах, но особенно хорошо ему удавалось играть на старинном пианино фирмы «Рениш» и итальянской мандолине, нижняя дека которой была собрана из 20 клинышек, передняя инкрустирована светлой костью. Легко и в тонкостях воспроизводил на слух модные произведения 30–40-х годов и песни военного времени, игра его отличалась особым мелодизмом, как бы отражая его душевные человеческие качества. По вечерам, в свободное время он садился за инструмент, приглашал меня взять скрипку в руки, и вместе мы играли любимые им произведения. Постепенно, с годами, я перенял у него эту манеру игры на скрипке и пианино. Со временем он своей рукой составил список из 20 произведений, которые мы с ним с удовольствием играли. В него вошли произведения Петра Лещенко («Все, что было», «Черные глаза», «У самовара», «Не уходи»), Вадима Козина («Дружба», «Осень», «Забывтое танго»), Изабеллы Юрьевой («Если можешь, прости», «Саша», «Мне сегодня так больно»), Оскара Строка («Скажите, почему», «Черные глаза», «Ожидание», «Голубые глаза», «Лун-

ная рапсодия»), Николая Никитского («Журавли»), некоторые романсы Александра Вертинского, мелодии из произведений Кальмана, Штрауса. Удивительно, что у него была такая музыкальная память, что он мог через многие десятилетия сохранить особенности манеры исполнения этих произведений, в этом я убедился уже в наше время, когда в Интернете услышал первоисточники в исполнении самих авторов или признанных исполнителей, в очищенном от помех виде. Я бесконечно благодарен своему отцу за удивительный педагогический прием показать мне великолепие, изящество музыкальных произведений, привить любовь к русскому романсу, тянуться к прекрасному.

Частенько после шумного, напряженного дня в одиночестве, наедине с Интернетом, далеко за полночь я включаю мелодии 30–40-х годов, слушаю его любимые произведения, с грустью переношусь в прошлые годы воспоминаниями с благодарностью дорогому и любимому моему сердцу человеку – папе – за оставленный им в моем сердце добрый след воспоминаний, уроки добра. Папа постоянно перечитывал поллюбившиеся ему произведения А. Чехова, К. Паустовского. Он был изящным мастером, знатоком хороших инструментов, и те, что остались, с марками «Лев на стреле» или «Полумесяц», профессионалам говорят о многом. Во времена лихолетья, когда церковь и священники были вне закона, он старался помогать своим друзьям и родственникам организовывать крещение их детей, быть крестным отцом. Смерть любимого и дорогого мне человека обнажила всю действительную реальность родственных отношений, показав изощренное коварство и жестокость человеческих возможностей. Утешали любимая работа и семья, рождение второго сына, которого нарекли име-

Минас Георгиевич с сыном Георгием

нем моего папы и который в дальнейшем воплотил все лучшие черты его: ум, мудрость, любовь к лучшим проявлениям человеческих качеств, доброту, стремление помогать страждущим. Повзрослев, его внук Георгий стал не только великолепным врачом, но и писателем, журналистом, краеведом, философом, человеком благородной души. Георгия мы также повезли в Армению специально для того, чтобы крестить в Эчмиадзине, помог нам в этом дядя моей жены Дзерон.

С рождением детей на меня легла огромная ответственность главы семьи, отца, мужа. В это время с особой благодарностью я вспомнил совет, данный мне од-

ним мудрым человеком еще до женитьбы: прочитать внимательно книгу Честерфильда «Письма к сыну». Суть этой работы в том, что, воспитывая детей, надо начинать с себя, с повышения своего интеллектуального уровня. Крепкий семейный тыл дал мне возможность продолжать творческий, научный поиск. Моя семья была окружена друзьями, моими одноклассниками (детьми войны), неординарными личностями, каждый из которых в своих научных изысканиях, профессии достиг больших успехов, у которых было чему учиться и устремлениям которых можно было следовать. Приятелями нашей семьи были практически последняя мастер слова, чтица, работающая в филармонии, Лилия Лилина (Коган) и ее супруг, профессор Ростовской консерватории, заведующий кафедрой струнников, ученик прославленного Столярского, Соломон Борисович Куцовский, который особенно внимательно следил за успехами учеников моей жены и сразу после окончания музыкальной школы лучших из них забирал в свой класс студентами консерватории. Профессор кафедры фортепиано в консерватории Сусанна Борисовна Арабкерцева, профессор, заслуженный деятель искусств, дирижер К.Д. Хурдаян, профессор хирург А.В. Шапошников, профессора философии И.А. Негодаев, Г.А. Матвеев, Н.С. Авдулов, создатель «степных кораблей», профессор, Герой Социалистического Труда, обладатель многих государственных наград, генеральный директор «Ростсельмаша» Ю.А. Песков, академики, лауреаты Государственной премии, школьные друзья Э. Липкович, В. Александров и многие другие – это был ближний круг семьи. Несомненно, постоянное общение с такими яркими личностями накладывало своеобразный отпечаток и повышало требования к себе.

Казалось, что семейная жизнь была уже налажена, дети обласканы родительской любовью и вниманием двух любящих бабушек, великолепно учились. Георгий увлекался литературой, историей, философией, много работал в моем кабинете, подбирая книги для прочтения, писал статьи в газеты, журналы обычно в ночное время. Моя мама спала в моем кабинете, и ее радовало, что внук долго и увлеченно работает за письменном столом, просиживая далеко за полночь. Как раз в это время произошло невероятное, трагическое: после операции ушла из жизни моя мама. Она своим трудом, вниманием, заботой сохранила отца, имевшего порок сердца, дала возможность, помогая не только материально, нам с братом закончить медицинский институт, мне стать хирургом, приняла в дом невестку как свою дочь, обрадовалась рождению первенца. Помогла мне заботами и вниманием, поддерживая материально, подготовить и защитить кандидатскую диссертацию, написать две монографии, жила и радовалась моим успехам. Казалось, что сердце не выдержит удара от такой потери. Решил оставить своим детям представление о том, кто для меня являлся примером для подражания не только в настоящее время, но и в прошлом, отпечатал текст и вручил каждому сыну. Однако младший сын, Георгий, прочитав мое послание, решил, что оно должно быть издано, обратился к моему приятелю, цензору Р.С. Суджану, и они поставили меня в известность, что эта работа сдана в издательство. Так, с большим трудом в 1991 году книга под названием «Нахичеванские портреты» была издана и неожиданно для меня имела успех.

Мои дети росли, мужали, получили высшее медицинское образование. Старший сын решил жениться на красивой, обаятельной девушке из хорошо известной нам

семьи. Венчание было в Армении в одной из церквей Эчмиадзина. В Ростове – большой свадебный вечер. Спустя некоторое время у них родился сын Карен, семья жила отдельно своей жизнью, но их совместная жизнь не удалась. По желанию его жены они разошлись. Тесная связь с сыном, моим внуком, постоянно осуществлялась вплоть до окончания им университета.

Поколение ребят военного времени было совершенно оторвано от фактического знания истории Пролетарского района, в прошлом армянского города Нор Нахичеван. Время мирной жизни настоятельно требовало поднять на поверхность забытый пласт истории нашего города, а также вспомнить имена тех армянских сынов, которые и в прежние годы сражались с врагами России. Как раз в это время появился Крикор Дзеронович Хурдаян, призывающий организовать культурно-просветительское армянское общество, цель которого – вернуть из забвения имена и деятельность тех просветителей, дела которых несли благо нашему народу. Стала издаваться газета общества, в которой освещались яркие события, имена личностей, создававших нравственную основу Нахичевани.

Социальные изменения в стране, трагедии и катаклизмы, возникшие в местах проживания армянского населения, привели к тому, что на донскую землю устремилось большое количество армян в поисках лучшей доли. Пришлось изменить направленность деятельности армянского общества, переименовав его в армянскую общину, целью которой было объединить вокруг себя армян, живущих в Ростовской области, и создать реальные возможности приобщения их к труду и нормальной мирной жизни. Возглавил армянскую общину предприниматель Эдуард Вараздатович Вартамян. На-

Профессор Крикор Хурдаян и Минас Багдыков

Предприниматель Эдуард Вараздатович Вартанян

личие такой армянской общины принесло положительные результаты в виде помощи пострадавшим во время землетрясения в Спитаке. Помощь была обеспечена не только руководством Ростовской области, но и армянской общиной.

Культурное богатство наших предков на донской земле еще больше укрепляло дружбу русского и армянского народов. Время мирной жизни, иные подходы к руководству армянской общиной оказали влияние на выборах нового руководства и президента общины. Им оказался Артем Арменакович Сурмалян, высокообразованный человек, видный предприниматель, меценат, человек с государственным мировоззрением, депутат Законодательного собрания Ростовской области. Исполнительным директором был назначен Сергей Михайлович Саядов, кандидат исторических наук, создавший энциклопедию Хайазг. Армянская община стала носить региональный характер. Начала осуществляться большая издательская работа, стала привлекаться молодежь к изучению армянского языка, истории, к различным видам интеллектуальной деятельности, укрепились деловые и культурные связи с Арменией.

Наше поколение было оторвано от законов христианства, веры в Бога, во что верили наши бабушки, их дети и наши отцы, защищавшие Родину. Мы только слушали, как молились мамы и бабушки, прося Бога сохранить жизнь воевавшим и вернуться им с победой. Но мы видели, как разрушались церкви после войны и один из руководителей государства – Хрущев обещал, что страна обязательно увидит последнего попа при его правлении. Однако значительная часть тех, кто шел в бой, мысленно прося Бога остаться живым и защитить Родину, вернуться в свои семьи, кто видел смерть в глаза, укрепи-

*Депутат Законодательного собрания РО, председатель
РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»
Арутюн Сурмалян и Минас Багдыков*

*Исполнительный директор РРОО «Нахичеванская-
на-Дону армянская община» Михаил Саядов
и Минас Багдыков*

лись в вере в Бога. Невольно, уже в зрелые годы, мои мысли были направлены на народное достояние – христианство, веру в Бога. Я стал осознанно интересоваться судьбами и вкладом тех, кто в течение многих веков призывал народ к идеалам учения Христа, в основе которого лежало такое понятие как нравственность. Христианство призывает выработать у каждого человека, в его сознании и душе, внутренние духовные качества, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести, благородства, ответственности за свои мысли и действия, которые могут проявляться по отношению к людям и природе. Я узнал, сколько церковей было построено нашими предками в городе Нор Нахичеван и кто в них служил, призывая свою паству к идеалам христианского учения и вере в Бога. Была любопытна судьба тех, кто разрушал церкви и зверски погубил священнослужителей, запретил изучать многовековой армянский язык и азбуку Маштоца, историю армянского народа на донской земле. Однако история более чем двухсотлетнего проживания армян-христиан на донской земле изобиловала огромным количеством ярких, незаурядных личностей, которые своим трудом вносили огромный вклад в строительство, благоустройство, подняли на современный уровень образование молодого поколения, нравственность которых была на уровне достойного христианина. Всем этим мы обязаны мудрым руководителям нашего города и священнослужителям, которые отдавали много сил, образуя свою паству.

Нам повезло, когда из Эчмиадзина к нам был направлен на службу протоиерей Тер-Гадеос Авагян. Он за сравнительно короткое время сплотил вокруг себя единомышленников, привел в порядок единственную старинную сохранившуюся кладбищенскую церковь,

своим благочестием привлек к себе верующих в Бога людей не только армянской национальности. На службу к Тер-Гадеосу приходили как на праздник. Он стал членом армянской нахичеванской общины. Во всех мероприятиях принимал активное участие и стал почетным ее представителем. Паства увидела, как была отреставрирована церковь, благоустроен проход к ней. Частые беседы с ним привели к написанию небольшой книги «Возвращаясь к истокам. Из бесед с пастырем», изданной в 2010 году. В книге сделана попытка рассказать о месте религии в жизни современного человека и о том, как духовные поиски привели его – донского армянина – к вере отцов, приводятся фрагменты бесед с настоятелем церкви Святого Карапета, протоиереем Тер-Гадеосом Авагяном.

Однажды мой приятель, профессор А.В. Шапошников, пригласил меня с женой к себе домой на встречу с интересным человеком – это был митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир. В назначенный час мы были на месте и ждали прихода владыки. В дом вошел красивый человек нашего возраста, высокого роста, крепкого телосложения, с опрятно подстриженной небольшой бородой, в шикарном костюме, с очаровательной улыбкой, умными, ясными глазами. С ним был молодой человек в великолепном костюме с такой же приятной улыбкой. Создавалось впечатление, что мы видим перед собой профессора и его ученика. Вечер прошел удивительно непринужденно в разговорах о новостях в литературе, искусстве.

Каждая последующая встреча с владыкой приносила радость общения с ним, при этом не было никакого обсуждения вопросов христианства. Мы были неоднократно приглашены к нему в дом на большие церковные

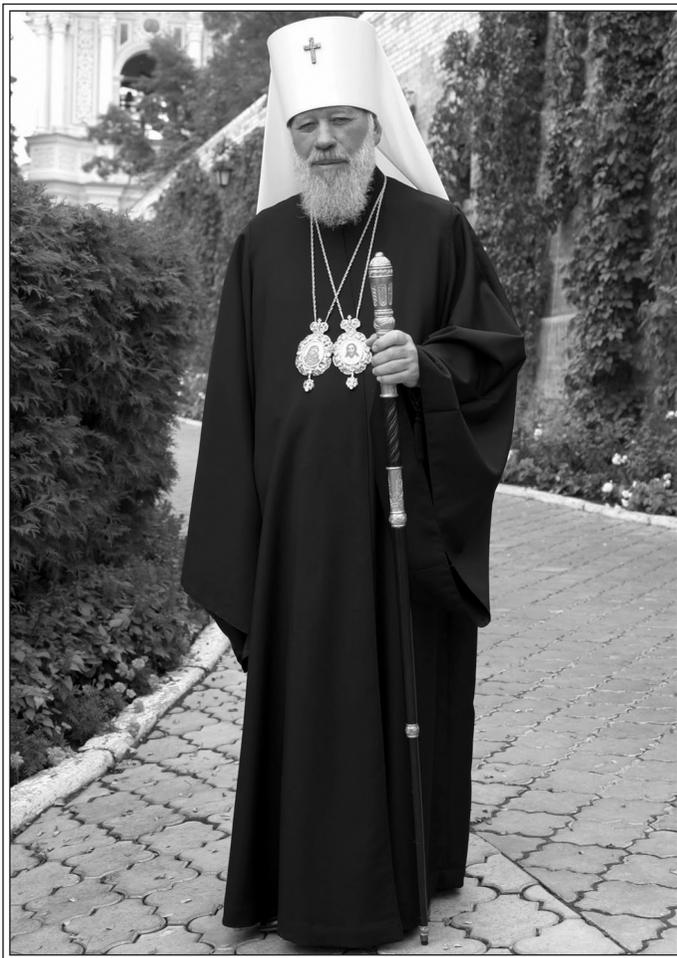
Протоиерей Тер-Гадеос Авагян

праздники, такие как Пасха. Чем больше мы общались с владыкой Владимиром в непринужденной обстановке, тем ярче открывалась глубина его ума и широта познания мира и человека, поражали проявление деликатности и тонкости восприятия им мира, природы, его мудрость и терпение. Он очистил от скверны здание храма, в котором при советской власти размещался даже зверинец. Преодолевая всяческое сопротивление власть предержащих, он покрыл купол храма сусальным золотом, чем освятил души христиан и оповестил о наступлении нового времени для возрождения христианства на донской земле. Владыка Владимир пригласил меня с женой Галиной на

торжество своего пятидесятилетия. Мы смогли сидеть за одним столом с коллегами Владимира, иерархами православной церкви, слушать их пение и высказывания в его честь. Для меня это был звездный час моей души. В один из последних вечеров наших встреч владыка Владимир пригласил меня и мою жену Галину за письменный стол, где лежали тома Библии в честь 1000-летия Крещения Руси, в редакционный состав которых он входил. Подписав, он преподнес мне с женой великий дар. Наступило время, когда Владыка Владимир покинул Ростов-на-Дону, свою епархию и стал возглавлять Украинскую православную церковь Московского патриархата. Позже стали появляться монографии о нем и его вкладе как исследователя, ученого, профессора, магистра, написавшего фундаментальный труд «Слово и речь» и защитившего докторскую диссертацию по теме «Экклезиология в отечественном богословии».

Не только врач-хирург, работающий постоянно в экстремальных условиях, но, по-видимому, и сам человек, оказавшийся в беде, часто задается вопросом: разве для этого он рожден матерью, создан природой? Невольно приходят на ум слова из Библии: «Не предавайся греху и не будь безумен; зачем тебе умирать не в свое время». Что стоит на пути такого совершенства в природе, как человек, и почему он постоянно стремится нарушить нравственные основы гармонии бытия, данные природой? Не исчерпывает и сотой доли потенциала своих умственных возможностей? Кажется, имеется множество примеров достойно прожитых жизней как в прошлом, так и в настоящее время.

Авиценна считал, что поэты – принцы Вселенной, а врачи руководят телом. Красноречие первых радует душу, преданность последних исцеляет болезнь.

Митрополит Владимир (Сабодан)

И.В. Гете писал, что хирург посвятил себя наиболее божественной человеческой деятельности. Он исцеляет без чудес, а совершает чудо, не говоря об этом.

Выбирая специальность врача и тем более хирурга, молодой человек не всегда осознает всю степень моральной ответственности за принятое решение. С той минуты, как только он возьмет скальпель в руки, жизнь его уже не будет принадлежать ему целиком, а его действия будут оцениваться не только законом, но и совестью, своим «Я».

Обращение к прошлому, традициям, изучение пройденного жизненного пути наших предков, возможно, укажет выход из запутанных лабиринтов современного бытия, освещая людям путь предупреждающими строками из книги мудрости – Библии.

В 1995 году мною была написана книга «Лики прошлого. Из записок врача-хирурга», с посвящением митрополиту, владыке Владимиру, в миру Виктору Маркиановичу Сабодану. Эта работа привлекла внимание большого количества читателей, имела успех и положительные высказывания на презентации ее в областной публичной библиотеке, которая неоднократно показывалась по местному телевидению.

Насильственное забвение прошлого донских армян, армянской письменности, многовековой истории предков создало предпосылки к поиску ярких личностей, ставших почитаемыми не только в России. События тех лет нашли отражение на страницах написанной мною книги «Нахичеванские находки», вышедшей в свет в 1999 году.

В этой книге я старался познакомить читателей с забытыми фактами истории анийской ветви армян, более двух веков назад переселившихся на донские необжитые

пустующие земли. Обустроившись, они создали великолепный город с развитой экономикой, самоуправлением, армянской общиной, вырастили свою интеллигенцию, внесшую заметный вклад в историю донского края. Книга знакомит читателей с лучшими представителями нахичеванцев, сумевшими выйти за пределы узко национальных интересов, внесшими вклад в сокровищницу мировой цивилизации.

Наступила значительная дата в жизни армянского населения – это 220-летие переселения армян из Крыма на донскую землю, а также основание города Нор Нахичеван.

Изучая историю тех лет, я невольно столкнулся с малоизвестным для нашего времени именем архиепископа Иосифа Аргутинского, который был предводителем армян России. Именно его усилиями и стараниями 220 лет назад армяне, переселившиеся из Крыма на донскую землю, получили у императрицы Екатерины II земли и льготы. Он провел с переселенцами первую морозную, лютую зиму на донской земле. Принял самое активное участие в основании города, освятил его краугольные камни, создал структуру самоуправления, заложил церкви. Он заботился о своей пастве в России в целом, основав ряд городов и поселений, ставших на долгие годы приютом для тысяч армян, избежавших турецкого ига.

После смерти императрицы Екатерины II на царство пришел ее сын Павел I, в действиях которого были признаки отрицания того, что его матерью было принято. Отношение к армянской церкви заколебалось, стали сомневаться в том, какая вера у армян. С этой целью Иосиф Аргутинский принял единственно верное решение – перевести на русский язык книгу «Исповедание христианской веры армянской церкви», издав ее в 1799

году с верноподданническим обращением в адрес императора Павла. Отношение к армянам резко изменилось, и вскоре была утверждена Астраханская духовная консистория, в подчинение которой были переданы церкви городов России, включая Санкт-Петербург и Москву. Экземпляр этого старинного издания из библиотеки М. Налбандяна его родственником был подарен мне. Я постарался перевести его на современный русский язык и издал для ознакомления читателей.

О себе Иосиф Аргутинский писал так: «Много я делал во имя своего народа, мы вознаграждены полностью за свой труд. Именно благодаря сему я жив пока еще и продолжаю служить, творить, свои мысли претворяя».

Мною в 2002 году была издана книга «Архиепископ Иосиф, князь Аргутинский-Долгорукий, предводитель армян России (штрихи к портрету)», в которой дается робкая попытка показать гениальность, дальновидность и заботу этого великого человека о своем народе в чужой стране.

Руководитель армянской общины Эдуард Вараздатович Вартамян обратился с просьбой к видному скульптору, потомственному нахичеванцу Р.Д. Бегалову изваять бюст Иосифа Аргутинского. Работа была выполнена и установлена в центре Нахичевани (в Пролетарском районе Ростова-на-Дону) за счет личных средств Вартамяна.

У исследователей и в народе проявился большой интерес к личности и деятельности этого гениального священнослужителя, преданного и любящего свой многострадальный народ. Ознакомившись с моей работой об Иосифе Аргутинском, исследователь исторических икон и автор многих монографий Иван Бентчев, проживающий в Германии, по Интернету передал мне изображение миниатюры высотой девять сантиметров,

Иосиф Аргутинский

которая была куплена у антиквара в Англии двадцать лет назад. Миниатюра эллипсовидной формы вложена в квадратную рамку, которая в средней части верхней планки имеет бронзовое кольцо, закрепленное в эту планку. В кольцо проведено и второе, бронзовое, значительно больших размеров, для подвешивания миниатюры к стене. Сама ажурная рамка изготовлена из бронзы с позолотой явно тонкой работы, на ее обратной стороне видны бронзовые треугольные крепления, которыми миниатюра крепится к бронзовой рамке. На обратной стороне самого портрета, в средней части ее, имеется надпись на армянском языке, по-видимому, сделанная самим автором этого изделия от руки. Иван Бентчев проявил надпись в инфракрасных лучах и сфотографировал. Это оказались два армянских слова – ИОСИФ ЕПИСКОП и дата написания портрета – 1793 год. На темно-коричневом фоне изображен прекрасно сохранившийся портрет священнослужителя в армянском монашеском головном уборе – клобуке. Такие носили лица, принадлежавшие к высшему духовенству. Сам клобук изготовлен из великолепного материала – парчи, в лобной части его прикреплен большой бриллиантовый крест. Кожа лица на портрете нежная, розовая, брови черные, изогнутые, широкая переносица без волосяного покрова. Большие, красивые, выразительные глаза Иосифа как бы наблюдают за тем, кто на него смотрит. С какой стороны ни подходи к портрету, глаза внимательно, доброжелательно, выразительно смотрят на тебя. Кончик носа спускается ниже его крыльев, но нос тонкий, изящный. Губы широкие. Над верхней губой усы – большие, черные, переходящие в бороду. Сама борода красивая, окладистая, с небольшим участком седых волос. На груди – накидка ярких цветов, где

на багрово-красном фоне, справа и слева, два бледно-голубых креста с красными и темно-синими звездами, позолотой вокруг них и золотыми лучами, идущими от креста. Накидка по краям расшита позолотой. Две половины накидки скреплены посередине золотой застежкой на фоне багрово-красной подкладки. Из-под застежки спускается толстая золотая цепь, на которой закреплена панагия, украшенная зеленоватыми драгоценными камнями округлой формы. В центре панагии – эллипсообразная роспись, разобрать которую не представляется возможным. В левой руке изображенного – епископский золотой посох со спускающейся накидкой, лицевая поверхность которой зеленого цвета, расшитая красными включениями. Подкладка накидки светло-желтая. Обращают на себя внимание пальцы рук, держащие посох: тонкие, красивые. Миниатюра 1793 года дает основание считать, что это прижизненное изображение архиепископа Иосифа, князя Аргутинского-Долгорукого. С тех пор это изображение Иосифа Аргутинского стало часто мелькать в современных изданиях. В настоящее время миниатюра с прижизненным изображением лица архиепископа Аргутинского хранится в Германии, в личной коллекции ученого, писателя Ивана Бентчева.

Общественность нашего города потрясла печальная весть о том, что под вечер, на пути с дачи домой, в дождливую погоду, при автокатастрофе погиб доктор медицинских наук, профессор Партех Макарович Шорлуян. Он прошел нелегкий тернистый жизненный путь. Покинув любимое село, окончив медицинский институт с отличием, заслужив внимание крупного ученого-хирурга, экспериментатора Н.И. Богораза, остался на обучении у него в ординатуре. Став хирургом, дважды прошел дорогами войны, в мирное время защитил

кандидатскую и докторскую диссертации. В звании профессора, заведующего кафедрой создал коллектив ученых, педагогов высшей школы. Своих талантливых, любимых учеников ценил, помогал им стать полезными для общества людьми, их трудами и достижениями увековечил свое имя.

В 2003 году мною была написана книга о моем учителе «П.М. Шорлуян (штрихи к портрету учителя, ученого, гражданина)», в которой я старался познакомить читателя с яркими страницами жизни прославленного донского хирурга, крупного ученого, гражданина, профессора, умного, мудрого человека. Книга предназначена для будущего поколения врачей как частица истории донской хирургии.

По желанию учеников и жителей Ростова к памятной дате П.М. Шорлуяна установлена памятная доска на доме, где он проживал, а к 100-летию со дня его рождения жители села, где он родился, Большие Салы Мясниковского района, установили памятную доску на фасаде школы, где он обучался. В настоящее время в селе готовятся назвать улицу в его честь.

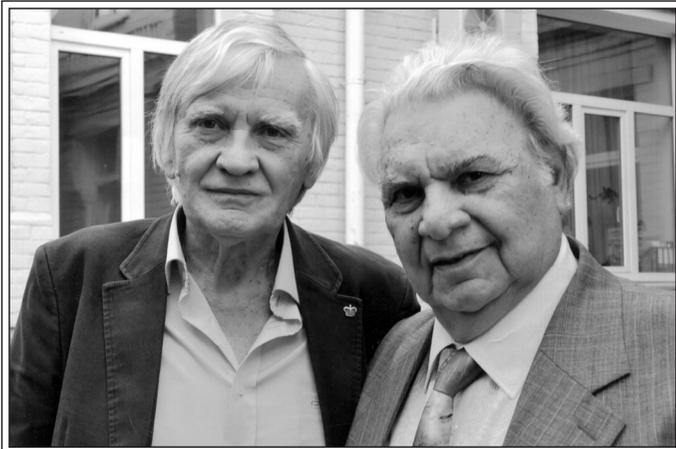
Однако не все молодые, талантливые ученики П.М. Шорлуяна решили продолжить путь своего учителя. Взяв максимально все лучшее от наставника, некоторые из них постарались пойти совершенно другой дорогой. Отрадно отметить, что один из его любимых учеников, Александр Акимович Дюжиков, защитив кандидатскую и докторскую диссертации, создал великолепный сосудистый центр в областной больнице, подготовил штат молодых талантливых сотрудников, способных выполнять операции на сосудах сердца и впервые в Ростовской области осуществить пересадку сердца.

Социальные сдвиги, отсутствие возможности широко проводить экспериментальные научные изыскания и ряд других причин привели к тому, что я покинул институт и прекратил заниматься преподавательской деятельностью, перешел на работу в практическое здравоохранение. Имеющийся научный материал собрал, проанализировал, обработал статистически, обобщил и издал в виде монографии «Цигерол» с посвящением учителю, профессору Партеху Макаровичу Шорлуяну. Школьный друг, академик Э.И. Липкович, ознакомившийся с ее содержанием, решил показать эту работу ученым Краснодарского медицинского института, которые высказали свое мнение о возможности представления этой монографии в ученый совет к защите докторской диссертации. Поразмыслив, я решил не делать этого, так как в дальнейшем у меня не будет возможности повести за собой молодых ученых на научные изыскания, а быть носителем диплома (корочки) я не желал, так как имел пример яркой, плодотворной жизни ученого, своего учителя.

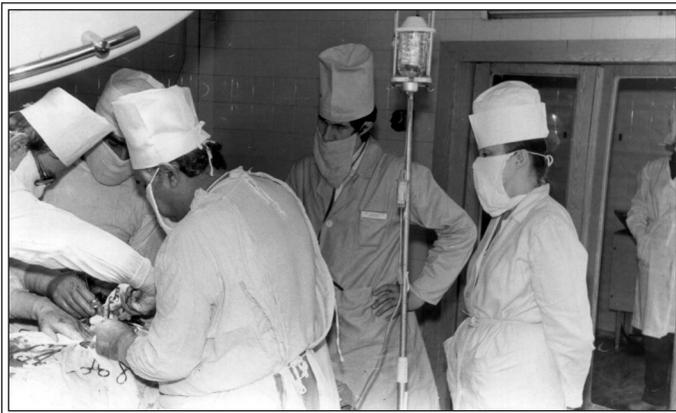
Работа в должности заместителя главного врача по хирургии крупной городской, а затем и областной больницы налагала на меня большую ответственность как на руководителя и специалиста. Огромный опыт педагогической работы в медицинском институте со студентами, а затем доцентом на кафедре усовершенствования врачей дал мне уверенность и удовлетворение от результатов работы в этом качестве. Прежде всего я поставил перед собой задачу не администрировать, следить за профессиональным ростом врачей-хирургов, предупреждать возможности хирургических ошибок, разборы смертных случаев на патолого-анатомических конференциях не превращать в судилище врача, а использовать как очередной акт обучения.

*Заместитель главного врача МСЧ РСМ, доцент кафедры
усовершенствования врачей РГМУ Минас Багдыков*

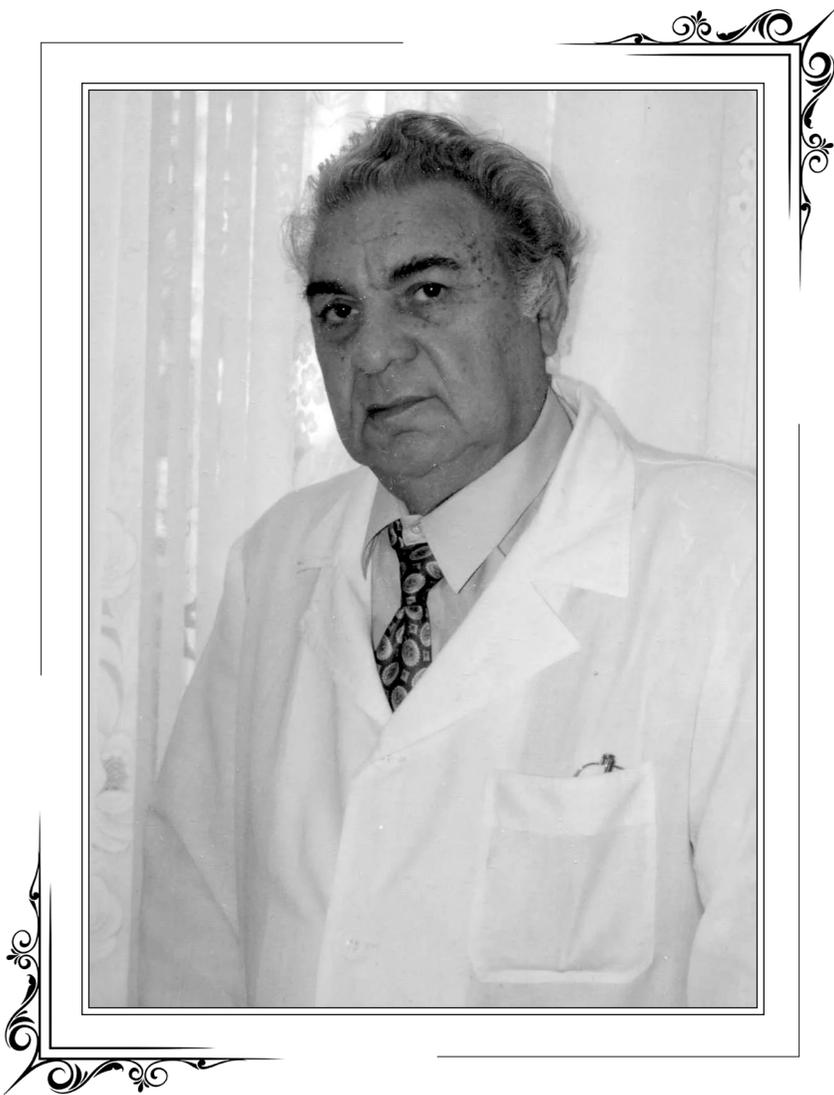
Профессор Александр Шапошников и Минас Багдыков

*Минас Георгиевич оперирует с профессором
Александром Шапошниковым*

Такая позиция по отношению к товарищам по специальности оказалась верной, в чем я мог убедиться, находясь перед фактом необходимости оперативного вмешательства, когда я, не сомневаясь, доверил это выполнить тем, с кем вместе работал, в мастерстве кого был уверен. Спустя многие годы, уже находясь на пенсии, мне пришлось обратиться вновь за помощью, двери больницы были открыты, я был любезно принят главным врачом Н.Н. Домашенко, заведующим хирургическим отделением Н.К. Атояном и его коллективом, всеми подразделениями больницы, и в субботний день произвели мне успешно оперативное вмешательство. Послеоперационный период провела великолепный врач-хирург, лекарь Н.Г. Гончарова. Особую признательность и благодарность несу в своем сознании врачу от Бога, заведующей кардиологическим отделением Людмиле Васильевне Лынник, наблюдавшей за работой моего сердца и бережно регулировавшей ее в операционной, реанимации. С огромной благодарностью постоянно вспоминаю ярких, великолепных хирургов Н.В. Матвеева, С.В. Еремеева, С.К. Сулима, отдавшего свою кровь мне перед операцией и требовавшего взять ее у него как можно больше. Удивительно было для меня и приятно, что при последующих встречах мои коллеги, уже убеленные сединами врачи, называли меня учителем и каждый вспоминал случаи, когда имгодились мои товарищеские предупреждения, наставления и оказанная им профессиональная помощь. Думается мне, что ради этих минут следует жить и трудиться.

Медицина – это человековедение, энциклопедия жизни. Врач сопровождает человека от его рождения и до последних минут жизни, помогает ему избавиться от болезни и страданий, бывает рядом в дни радости и ве-

Минас Георгиевич Багдыков. Трудовые будни

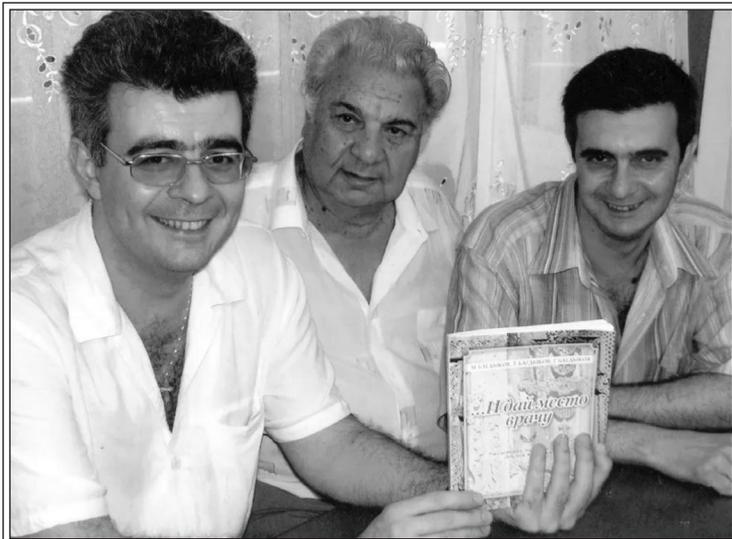
личия, минуты уныния. Врачебные наблюдения дают основание для многих раздумий. Врачу приходится наблюдать результаты возникающих между людьми противоречий, нестандартные, многогранные, наносящие здоровью непоправимый вред. Вероятно, в силу этих сложных, порой противоречивых жизненных обстоятельств из среды врачей выделяются личности с незаурядными способностями в литературе, поэзии, философии, истории, живописи и искусстве, в целом умеющие давать обобщающую оценку событиям.

Христианское человеколюбие стало жизнеполагающей основой многих врачебных судеб. Лучшие представители этой гуманной профессии неоднократно, во многие века, проделывали нелегкий путь совместно со своим народом, оказавшимся в беде, порой разделяя его трагическую участь. Вера в добро, порядочность и любовь к людям – основополагающие принципы врачебной этики, наработанные опытом в сотни лет, не потеряли своего значения и в начале XXI века.

Стать врачом, познать человека с позиции современных достижений биологии, проникнуть в тайны клетки, генетики, научиться управлять современными методами диагностики и эндоскопическими методами оперативного вмешательства, вплоть до пересадки тканей, органов, сердца, стоять на рубеже новых методов терапевтического лечения неизлечимых ранее форм заболеваний – не эти ли целеустремления способны возвысить в начале XXI века прогрессивную молодежь, желающую стать врачами?! Немаловажное значение в выборе врачебной специальности для детей докторов имеет пример повседневной врачебной жизни их родителей, общения с их коллегами, пример, благодаря которому формируются врачебные династии, являющиеся

живительной основой любого врачебного коллектива. Яркими примерами могут служить имена наших министров здравоохранения, выросших в семьях врачей. Это первый министр здравоохранения Ростовской области, доктор медицинских наук, профессор Тамара Алексеевна Кондратенко. Дочь хирурга, сама стоявшая за операционным столом, доктор медицинских наук, профессор Татьяна Юрьевна Быковская. Медицинским университетом руководит доктор медицинских наук, профессор Шлык. Создатель и руководитель современного комплекса «Здоровье», доктор медицинских наук, профессор И.А. Абоян. Лучшими большими больницами нашего города руководят представители ярких врачебных династий.

Мне повезло – два моих сына стали великолепными, глубокими, любящими свое дело практическими врачами. Увлеченность историей старшего сына Тиграна и литературные способности Георгия, обладающего ярким умом и многогранной эрудицией, привели нас к изучению различных вопросов истории, искусства и особенностей развития медицины в городах Нахичевани и Ростове-на-Дону. Нами был проанализирован, изучен архивный материал, а также литературные данные, рассказы старожилов, что позволило собрать воедино, написать и издать работу, в которой мы старались отразить жизнь и деятельность врачей и медицинских работников прошлого, со времени перехода наших предков из Крыма на донскую землю. Мы попытались вкратце показать, как развивалась медицина в двух рядом расположенных городах Ростове и Нахичевани и как стремились врачи в разные периоды времени и при самых различных обстоятельствах быть рядом, делать одно общее дело, оказывать помощь своему народу. Оценить

Минас Багдыков с сыновьями Георгием и Тиграном показывают авторскую книгу «...И дай место врачу»

значение выстроенных больниц и высокий профессиональный уровень работающих в них врачей. Некоторые из них, ставшие учеными с мировым именем, приехали в родной город для того, чтобы лечить свой народ. Ярким примером может быть выдающийся доктор медицинских наук, профессор Э. Кастанаян, научные изыскания которого были номинированы на Нобелевскую премию.

Книга была написана и издана в 2007 году под названием «...И дай место врачу» – это начало мысли из

Библии: «И дай место врачу, ибо и его создал Господь, и да не удаляется он от тебя, ибо он нужен». В этой работе нашли отражение не только история вопроса, но и имена, биографии лучших представителей врачебной профессии, ученых, внесших посильный вклад в сохранение здоровья своих сограждан.

Время в своем движении неумолимо откладывает свои четкие знаки на жизнь каждого человека и поколения людей в целом. Незаметно для нас, ребят военного времени, стали уходить в мир иной те, кто защитил страну от горя и рабства, многие из которых просили Бога спасти им жизнь и сохранить их семьи в огне войны. В мирной жизни они отдавали последние силы во имя будущего своих детей и внуков, восстанавливая разрушенное войной, создавая новое, передавая свои знания, умения, мастерство. Новое поколение, взяв от них все по максимуму, оказалось во власти жесткой пропаганды идеологов строительства нового коммунистического общества, в котором не оказалось места законам христианства, вере в Бога, нравственным основам религий населения многонациональной страны. Однако большую часть детей войны не удалось лишить таких понятий, как доброта и нравственность, которые являются краеугольным камнем в строительстве жизненной позиции, дорогу к которой указывает христианское учение, ведущее к вере в Бога.

За время своей относительно долгой жизни мне приходилось наблюдать за судьбами людей, которые гордились тем, что участвовали в разрушении храмов, взрывая их до основания. Так, к моему отцу, зная, что он верующий человек, приходил приятель детских лет, занимавший высокий пост по службе. Он поставил своей целью разрушить армянский храм Григория Просве-

тителя (Сурб Лусаворич) и на его месте построить клуб для рабочих. Добившись своей цели, получив «добро» сверху на снос храма, в этот же день он приехал к нашему дому на мотоцикле и сладострастно сообщил моему папе, что его мечта осуществится и что он сам будет претворять ее в жизнь. Храм был взорван, радости «победителя» не было конца. Прошло несколько лет, и нам стало известно, что он повесился в сарае над своим мотоциклом. Вскоре умерла его жена от рака, а сын оказался в сумасшедшем доме, где и закончил свое существование.

Помогавший в этом грязном деле видный комсомольский работник, отец двоих детей, которому было поручено привезти взрывчатое вещество для храма, постоянно хвалившийся, что участвовал в уничтожении нашего достояния, спустя некоторое время бросил семью и умер от рака. Нерадостной оказалась и участь тех детей, которые в период гонения советской власти на священнослужителей отказывались от своих родителей-священников. Я наблюдал за их семьями в третьем поколении – благополучия в их жизни не наблюдалось. Старожилы между собой в беседах объясняли этот закономерный факт недоброй печатью, лежавшей на поколениях этих родов.

В течение более чем семидесяти лет жители Нахичевани (Пролетарского района города Ростова-на-Дону) были лишены возможности знать религиозные основы христианства, библейские заповеди передавались в устной форме от бабушек внукам. На миллионный город Ростов-на-Дону имелся один священник армянской национальности, в обязанности которого входило проведение утренней и вечерней церковной службы, крещение детей и отпевание усопших. Жители не имели

возможности знать историю переселения армян на донскую землю, особенности обустройства данной им территории, строительства церквей и места их нахождения, имена и фамилии священников, тем более основополагающие законы христианства. Фактически армянский народ, проживающий в Ростове и Пролетарском районе в частности, был лишен возможности изучать армянскую письменность, культуру, а также историю и основы христианского учения.

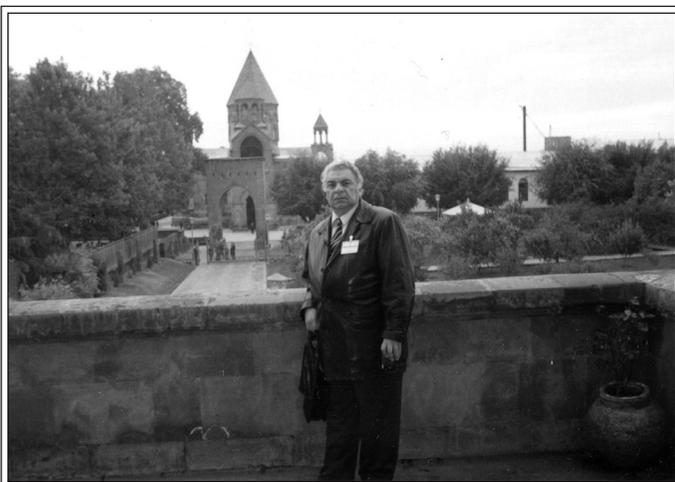
Мне пришлось участвовать в качестве делегата от донских армян в выборах католикоса Гарегина II. За день до этого эпохального события мы с Крикором Дзероновичем Хурдаяном были приглашены домой к академику Владимиру Бахшиевичу Бархударяну. Нас встретила его очаровательная жена. Вчетвером мы провели незабываемый вечер в беседе о настоящем, прошлом и будущем армян, проживающих на донской земле. Владимир Бахшиевич дал свое согласие на перевод его монографии об истории Нор Нахичевана на русский язык. Все последующие дни процедуры выборов Владимир Бахшиевич как делегат был все время с нами. Провели незабываемую экскурсию к нашей святыне, храму Хор Вирап, спускались в подземелье, где, по преданию, многие годы томился святой Григорий Просветитель. Побывав в Эчмиадзине, я осознал всю глубину и значимость армянской христианской религии. Это побудило меня и моих детей, Тиграна и Георгия, изучить историю зарождения христианства в Армении. Осознать значение для армянина быть христианином, значимость христианства на донской земле, в городе наших предков Нор Нахичеване, веры в Бога, объединившей армянский и русский народы. Нами была написана и издана в 2016 году книга «Наша вера. Святой Григорий

*М.Г. Багдыков с профессором К.Д. Хурдаяном в доме
у академика В.Б. Бархударяна*

Минас Багдыков на выборах католикоса Гарегина II

*Минас Багдыков на выборах католикоса Гарегина II
в Эчмиадзине в Армении*

Армянский, моли Бога о нас». Эта книга – попытка понять, что с древнейших времен объединяет два христианских народа – армянский и русский, почему, спасаясь от жестоких завоевателей – персов, турок-сельджуков, армяне искали и находили приют и утешение в России, почему императрице Екатерине II удалось уговорить крымских армян покинуть обжитые места, проделать мученический переход, чтобы основать по ее Указу на берегу Дона пристанище и построить армянский город Нор Нахичеван. Возвести храм Григория Просветителя, крестившего армянский народ в 301 году, вошедшего в пантеон наиболее почитаемых святых в России.

В книге подчеркивается значение для христиан личности святого Григория, чтимого Русской православной церковью под именем святого великомученика Григория Армянского. Это имя обозначено в судьбах двух народов на земле и объединяет их на небесах.

Детям войны, видевшим разрушения города от бомбежек немецкой авиации, пожаров, варварски уничтоживших прекрасные строения, и титанический труд, положенный на восстановление разрушенного в послевоенное время и строительство нового, остается только с изумлением и огорчением взирать на то, что происходит в начале XXI века. Это целенаправленное, планомерное, беззастенчивое, циничное уничтожение великолепных фундаментальных строений прошлого, несущих на себе следы бесхозяйственной эксплуатации их в течение многих лет. Исторические здания, которые с любовью и архитектурной выдумкой были построены хозяевами для личных целей или на деньги благотворителей для нужд города, могли бы с пользой служить людям еще долгие годы после проведенного в них капитального ремонта.

Так, в начале XX века писателем, историком, учителем Патканяном было специально построено здание ремесленного училища по адресу: 17-я линия, 3. Это фундаментальное строение из добротного кирпича с колоннами на фасаде, где в центре наверху были начертаны слова на армянском языке, в переводе которых была мысль о том, что рабочая рука мастера не будет просить милостыню. Более века в этом ремесленном училище воспитывались великолепные мастера. О существовании такого училища знали во многих странах мира. С приходом советской власти училище было закрыто, а здание отдали нуждающимся людям для проживания. Уже в начале XXI века жители коммуналок были расселены, а здание решено было разобрать и на его месте построить очередное нелепое высокое строение, выгодное для современных «вельмож». Неоднократные статьи журналистов в городской газете «Вечерний Ростов», личные беседы с руководителем строительного безобразия так и не дали положительного результата, историческое здание было снесено.

Два города, объединенные в один Ростов-на-Дону, стали терять свой исторический вид и первозданную прелесть. Пришло время задуматься над тем, что в реальной действительности останется нашим детям, внукам, правнукам... На мой взгляд, следует воскрешать в памяти горожан образцы великолепно созданных строений прошлого.

Мы вместе с Георгием решили напомнить ростовчанам, как строился на донской земле армянский город Нор Нахичеван. Армяне-христиане, придя на донскую землю, прежде всего стали строить церкви как нравственную основу своего учения и веры в Бога. Рядом с деревянной церковью организовывали базар. Жиз-

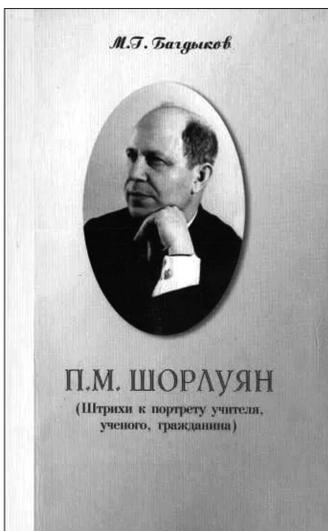
ненно необходимым было развитие ремесленничества, которому придавалось особенное, первостепенное значение в то время. Торговля, лежащая в характерологических особенностях армян, стала, пожалуй, основным направлением деятельности на начальном этапе их новой жизни, доходы от которого шли на благосостояние строящегося города. Армяне, труженики, земледельцы, свято относились к земле, растительности, хлебу, умело использовали местные природные богатства, стали развивать скотоводство, разводили отары овец, занимались рыбным промыслом, торговлей с близлежащими соседями юга России. Разумная политика руководителей города, направленная на образование своего народа, создала целый пласт образованных людей, необходимых для строительства города. Развитие промышленности, уклад жизни горожан в целом создали предпосылки того, что Нор Нахичеван стал одним из лучших городов юга России уже в конце XIX века. В своей книге мы старались вкратце осветить основные вехи в жизни города и достижения в градостроительстве в течение двух веков. Указать горожанам на такое печальное явление, как варварство, бездумное, целенаправленное уничтожение церковных строений в период утверждения безбожия в революционном государстве. Эта книга, мы надеемся, нашла своего читателя и привлекла внимание к многовековому труду ушедших поколений, оставивших благородный след своими творениями.

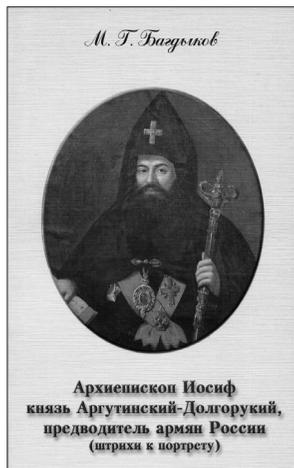
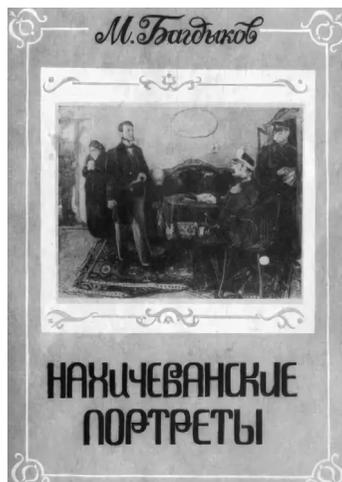
Глава IV

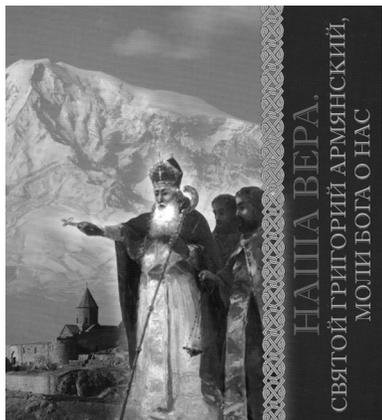
ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(Книги, написанные
Минасом Георгиевичем
Багдыковым)

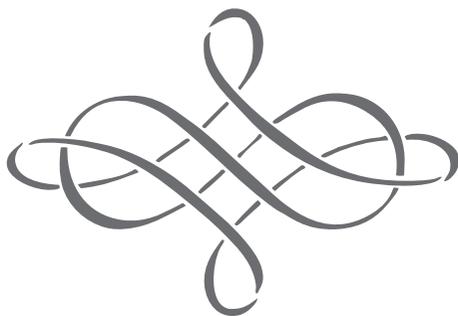
*Минас и Георгий Багдыковы на презентации
своих новых книг в армянской общине*

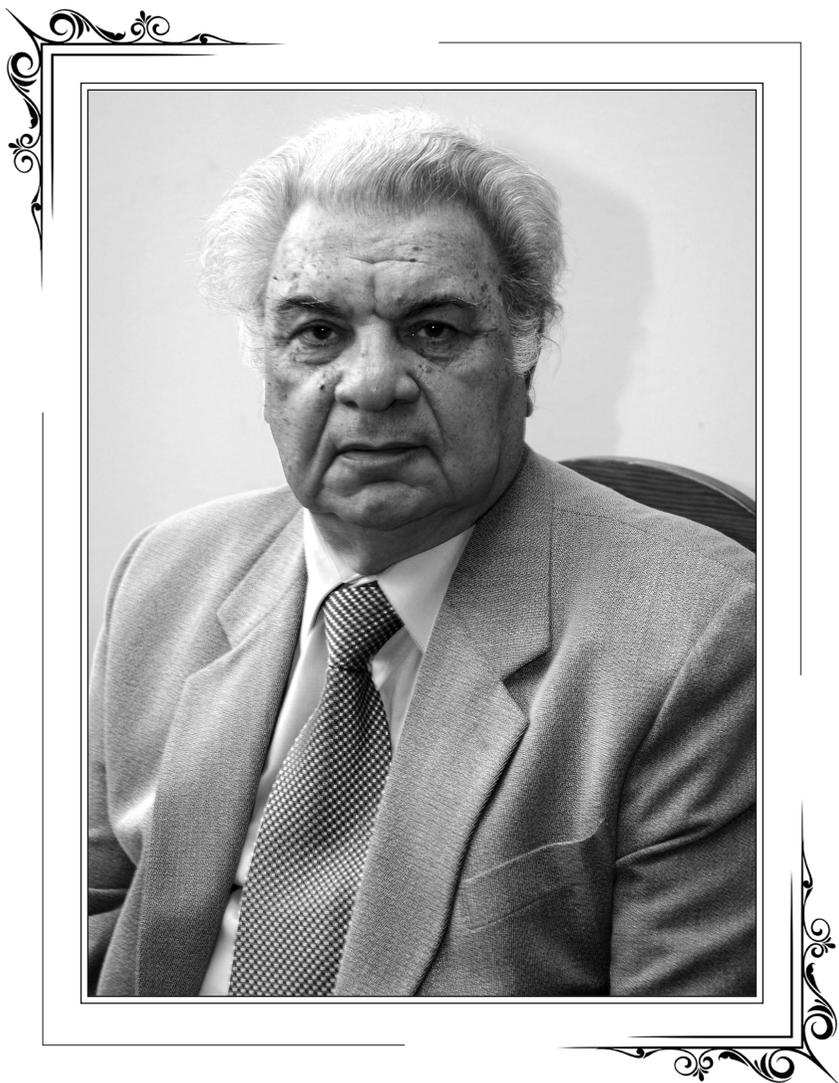

*Презентация книги М.Г. Багдыкова «Арутюн Халибян»
в Музее русско-армянской дружбы*

Глава V

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Минас Георгиевич Багдыков

*Минас Георгиевич Багдыков на встрече с президентом
Республики Армения Сержем Саргсяном*

*Встреча с разведчиком
Геворком Андреевичем Вартаняном и его женой*

*Минас Георгиевич Багдыков и Федор Захарович
Хачатурян с женами на встрече с ученым-
океанологом Артуром Николаевичем Чилингаровым и
политологом Андраником Мовсесовичем Миграняном*

На память
о вручении
государственной
награды

Глава Администрации
(Губернатор)
Ростовской области

В.Ф. Чуб

Губернатор Ростовской области Владимир Федорович Чуб вручает Минасу Георгиевичу Багдыкову государственную награду

 ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА Ф.ТГ-17	
Примем: _____ го _____ час. _____ мин.	Для заметок адресата
Бланк № 000358	
Принял:	
РОСТОВ НА ДОНУ 50/32005 78 30/8 1215=	
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ЗУЧО?? ГОРОД РОСТОВ НА ДОНУ УЛ. ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ ГУЗ „ОБЛАСТНАЯ БОЛЬНИЦА № 2“ БАГДЫКОВУ МИНАСУ ГЕОРГИЕВИЧУ=	
УВАЖАЕМЫЙ МИНАС ГЕОРГИЕВИЧ ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЯ ВАС С ЖБИЛЕЕМ ВЫ СЧАСТЛИВО СОЕДИНИЛИ В СВОЕЙ ЖИЗНИ ПРОФЕССИЮ И УВЛЕЧЕНИЕ. КАК ВРАЧ ВЫ ДАРИТЕ ЛЯДЯМ ФИЗИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ, КАК КРАЕВЕД СОХРАНЯЕТЕ НРАВСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ ОБЩЕСТВА. НАША ИСТОРИЯ— ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ, ЕДИНЕНИЯ НАРОДА. В ЭТОТ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ ЖЕЛАЮ ВАМ СЧАСТЬЯ, ЗДОРОВЬЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ С УВАЖЕНИЕМ=ГЛАВА АДМИНИСТРАЦИИ (ГУБЕРНАТОР) РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В Ф ЧУБ=	
12.30 ННН 1227 30.08 0019	019 30/8

Правительственная телеграмма

Встреча с членами армянской общины. 2004 г.

На презентации книги «Сурб Хач»

На заседании правления армянской общины

*Депутат Законодательного собрания РО, председатель
РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»
Арутюн Сурмалян вручает Минасу Багдыкову медаль
почетного члена армянской общины Дона*

Участники Шагиняновских чтений

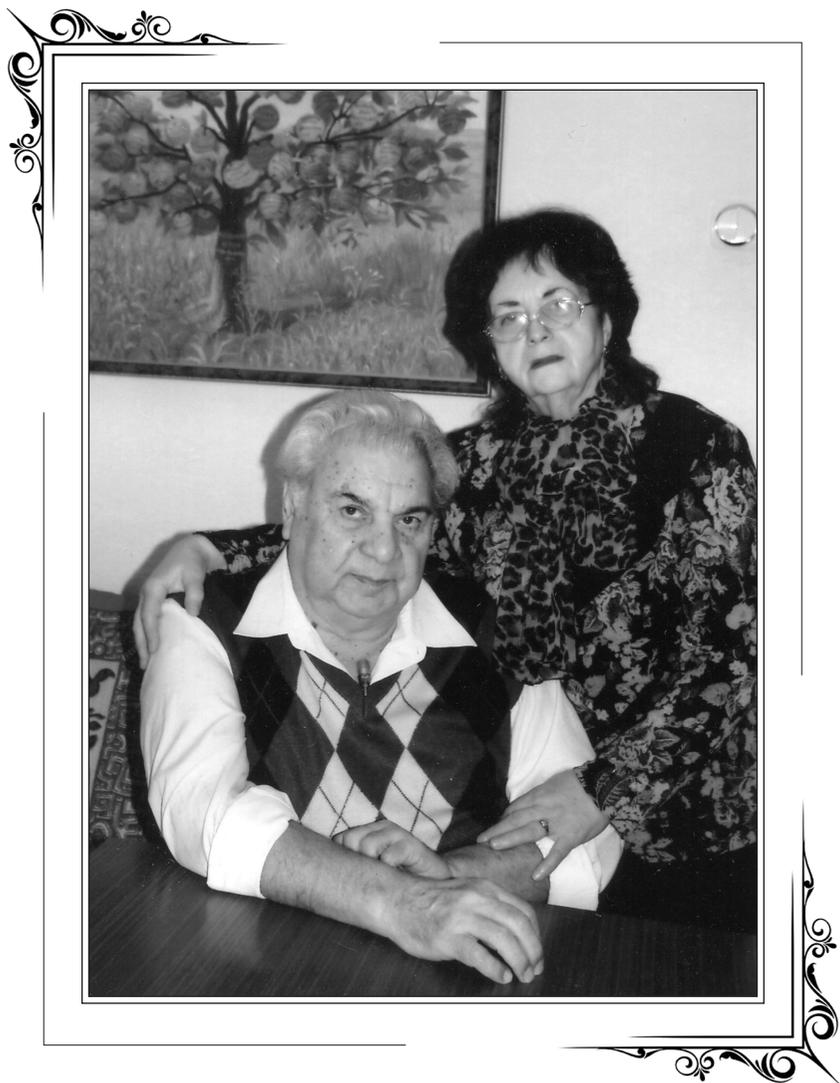

*Памятная доска на доме
Минаса Георгиевича Багдыкова в селе Чалтырь*

Глава VI

**В КРУГУ ДРУЗЕЙ
И БЛИЗКИХ**

Минас Георгиевич Багдыков с супругой Галиной Нагапетовной

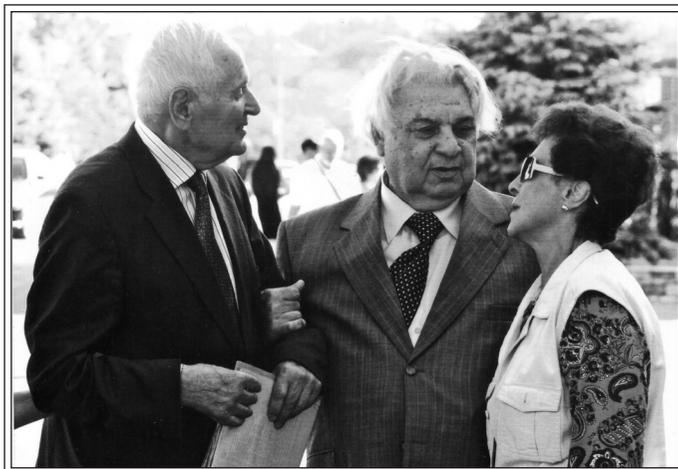
С супругой и друзьями

С внуком Кареном

С другом семьи профессором Германом Матвеевым

На встрече с академиком Владимиром Бархударяном

На презентации книги Якова Чубарова

Друг семьи Яков Чубаров в гостях у Багдыковых

*Николай Степанович Авдулов – организатор
Шагиняновских чтений*

Профессор Соломон Борисович Кузовский

*Герой Социалистического Труда, заместитель министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР (1983–1984 гг.), генеральный директор производственного объединения «Ростсельмаш» (1978–1996 гг.)
Юрий Александрович Песков*

*Музыкант и педагог, профессор кафедры фортепиано
Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова
Сусанна Борисовна Арабкерцева*

С семьей Арабкерцевых

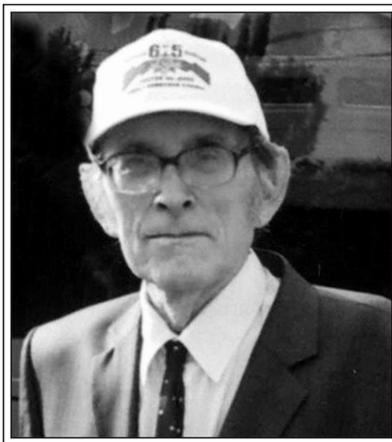
Семья Манукян и заведующая кардиологическим отделением Л.В. Лынный на юбилее Минаса Георгиевича

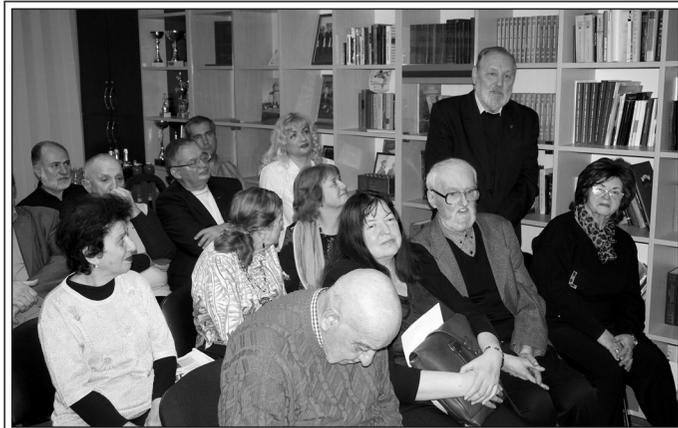
Друг семьи Лидия Дмитриевна Матвеева

Профессор Иван Андреевич Негодаев

Друг семьи Юрий Константинович Кечекьян

В Нахичеванской-на-Дону армянской общине на презентации книг Минаса и Георгия Багдыковых

На презентации книги Георгия Багдыкова «Наши ростовчане» в Музее русско-армянской дружбы

*Минас Георгиевич с любимым учеником
Мустафой из Судана*

С сыном Георгием и супругой Галиной в Армении

*Мама Минаса Георгиевича, Сусанна Леонтьевна,
с внуком Георгием*

Сусанна Леонтьевна с внуком Тиграном

Минас с мамой Сусанной Леонтьевной

Минас Георгиевич с племянником Константином

*Семья Багдыковых с семьей Кудрявцевых на отдыхе
в Северной Осетии. Дигория*

*Друзья семьи Калерия Клавдиевна Мороз
и Михаил Самуилович Сосин*

*Доцент кафедры усовершенствования врачей-хирургов
Минас Багдыков с группой врачей-курсантов*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В начале ХХI века еще остались живыми горожане, в памяти которых сохранились воспоминания о военных и послевоенных годах, свидетелями и участниками которых пришлось им быть. Это поколение рождено и воспитано родителями, на долю которых пришелся непростой период для страны в целом и донского края в частности, многое изменивший своими революционными особенностями в России. Строительство нового уклада жизни, волевые действия и категорические приказы уничтожили нравственные основы идеологии христианства на Руси, заменив ее коммунистическими идеалами. Армянский город Нахичевань, возводившийся в течение двух столетий, в одночасье оказался Пролетарским районом города Ростова-на-Дону. Создаваемые веками культурные ценности цветущего армянского города частично были уничтожены, немногие сохранившиеся из них были перевезены на историческую родину, в Армению. Закрыты учебные заведения, в которых изучался армянский язык, преподавались закон Божий, история, литература армянского народа. Плановмерно разрушались армянские церкви, были репрессированы священнослужители. Яркий пласт армянской интеллигенции частично был уничтожен и развеян по территории огромной страны. Однако оставшийся народ некогда города Нахичевани, проживающий в Пролетарском районе, продолжал любить свой город, созданный трудами предков, преданно служить своей Родине, уже Советскому Союзу, активно, героически сражаться с общим врагом.

После войны пришедшие с фронта победители с особым рвением стали обучать детей войны мирным спе-

циальностям, вселяя в них веру в мирное будущее. Дети войны доживают свой отмеренный им срок жизни, достойно неся высокое звание человека, каждый из них в меру своих возможностей старался достичь высоты в профессии. Им, уже пожилым людям, не стыдно смотреть в глаза своим внукам и правнукам. Они стараются своим примером и поступками сохранить все лучшее, что было создано предшествующими поколениями, приобщиться к многовековой мудрости – христианству, вере в Бога, объединяющей веками русский и армянский народы.

ОБ АВТОРЕ

Минас Георгиевич Багдыков – врач-хирург, кандидат медицинских наук, доцент, краевед. Заслуженный врач Российской Федерации. Член Союза писателей Дона.

Родился Минас Георгиевич Багдыков 30 августа 1936 года в городе Ростове-на-Дону. В 1959 году окончил Ростовский медицинский институт. До 1961 года трудился в городе Новочеркасске в 1-й городской больнице хирургом. В 1961–1966 годах работал в городе Ростове-на-Дону в Центральной городской больнице ординатором хирургического отделения. Под руководством профессора П.М. Шорлуяна защитил кандидатскую диссертацию на тему «Влияние цигерола на заживление ран», которая в 1967 году была издана как монография «Цигерол», посвященная П.М. Шорлуяну. Минас Георгиевич Багдыков – ученик профессора П.М. Шорлуяна.

После защиты кандидатской диссертации (1966) М.Г. Багдыков работал в Ростовском медицинском институте ассистентом кафедры общей хирургии.

С 1983 года М.Г. Багдыков работал доцентом кафедры усовершенствования врачей по хирургии в Ростовском медицинском институте. С 1991 года был заместителем главного врача по хирургии медсанчасти ОАО «Ростсельмаш» города Ростова-на-Дону. В 2003–2012 годах являлся заведующим кабинетом учета и медицинской статистики областной клинической больницы № 2.

М.Г. Багдыков впервые в практике здравоохранения города внедрил эндоскопические методы лечения: в ЛОР, хирургическом, урологическом отделениях.

Минас Георгиевич Багдыков разработал новый метод обработки рук хирурга перед операцией, предложил состав мази на основе цигерола для лечения инфицирован-

ных ран. Цигерол применяли для заживления лучевых ожогов первой-второй степени, полученных в Чернобыле. Цигерол начали приобретать клиники США, Японии, Франции.

М.Г. Багдыков является автором более 100 научных работ и методических указаний, трех монографий. Две монографии посвящены изучению отечественного препарата цигерол, они выставлялись на ВДНХ, получили медаль и диплом.

В 2017 году Минас Георгиевич Багдыков был награжден министром здравоохранения Ростовской области Татьяной Юрьевной Быковской памятной медалью «80 лет Ростовской области».

С 1990 года Минас Георгиевич Багдыков занимается публицистической деятельностью, является автором книг на краеведческие темы, публиковался в местных газетах, журналах «Южная звезда» и «Ковчег», был членом редакционного состава этих журналов, выступал по радио и телевидению на темы медицины и истории города Ростова-на-Дону. В 1991 году была издана книга М.Г. Багдыкова «Нахичеванские портреты», затем им были написаны книги «Лики прошлого», «Нахичеванские находки» и другие. М.Г. Багдыковым совместно с сыновьями в 2007 году опубликована работа «...И дай место врачу», эта книга посвящена истории медицины в Ростове-на-Дону и Нахичевани, в ней отражены деятельность и биографии лучших врачей и ученых. В 2016 году М.Г. Багдыков в соавторстве с младшим сыном Георгием опубликовал книгу «Наша вера». В 2017 году Минас Багдыков и Георгий Багдыков написали книгу «Как строилась Нахичевань». В этой книге рассказывается об истории донского края, Ростова и Нахичевани.

Отец Минаса Георгиевича Багдыкова – Георгий Минасович – был интеллигентным человеком, ценителем литературы, музыки, театра и искусства. Мама – Сусанна Леонтьевна – всю свою жизнь посвятила семье и детям, была любимой бабушкой для внуков. Жена Минаса Георгиевича Багдыкова – Галина Николаевна – музыкант, скрипач, преподавала долгие годы в детской музыкальной школе имени М.Ф. Гнесина и была заведующей струнным отделением этой школы. Галина Николаевна Багдыкова – «Отличник Министерства культуры СССР», «Почетный член Всероссийского музыкального общества». Внук Минаса Георгиевича Багдыкова Карен с отличием окончил гимназию № 14 и успешно учится на экономическом факультете Южного федерального университета.

Теща Минаса Георгиевича Багдыкова – Надежда Григорьевна (Арекназан Крикоровна) Кристостурьян – проработала врачом-терапевтом всю свою жизнь. В селе Чалтырь Надежду Григорьевну до сих пор помнят и любят. Тетя Минаса Георгиевича – Софья Минасовна Багдыкова-Карташова – была известным в городе акушером-гинекологом, проработала многие годы в роддоме № 2 Пролетарского района Ростова-на-Дону (в прошлом Нахичевань-на-Дону). Младший брат Минаса Георгиевича Багдыкова – Константин Георгиевич – врач-педиатр, работал на кафедре детских болезней Ростовского государственного медицинского университета. Племянник Минаса Георгиевича – Константин Константинович Багдыков – врач-терапевт. Старший сын Минаса Георгиевича Багдыкова – Тигран Минасович Багдыков – врач-эндоскопист. С октября 2013 года Тигран Минасович работает в поликлинике № 9 города Ростова-на-Дону. Является автором статей, книг и

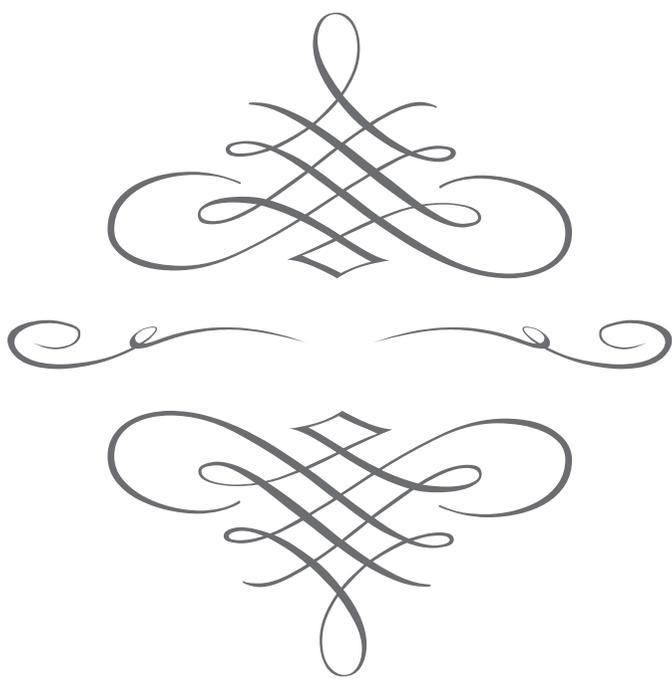
публикаций по краеведению, методических указаний по специальности. Тигран Минасович Багдыков – действительный член (академик) Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. Младший сын Минаса Георгиевича – Георгий Минасович Багдыков – врач-уролог. С 1995 года работает в областной клинической больнице № 2. Георгий Минасович Багдыков – действительный член (академик) Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, член Союза журналистов России и Союза писателей Дона, член Ассоциации урологов Дона, член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Георгий Минасович является автором более пятидесяти книг по популярной медицине, краеведению, художественной прозы (сборников рассказов и новелл), а также ряда монографий по специальности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ГЛАВА I. ДЕТСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ВОЕННОМ ВРЕМЕНИ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ	5
ГЛАВА II. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.....	49
ГЛАВА III. ПУТЬ В ПРОФЕССИЮ.....	99
ГЛАВА IV. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	185
ГЛАВА V. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	191
ГЛАВА VI. В КРУГУ ДРУЗЕЙ И БЛИЗКИХ.....	199
ПОСЛЕСЛОВИЕ	216
ОБ АВТОРЕ.....	218

МИНАС БАГДЫКОВ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ.
МЫСЛИ О ПРОЖИТОМ

Дизайн, верстка В.В. Резвяков
Корректурa, редактурa Н.С. Лаврентьева

Все фотографии, используемые в книге,
взяты из открытых источников

Отпечатано в типографии ООО «Веда»:
Ростовская обл., г. Таганрог,
Мариупольское шоссе, 71-Е
E-mail: oooadv@mail.ru